РАЙ

АБДУЛРАЗАК ГУРНА

THE NOBEL PRIZE 2021

в переводе Любови Сумм

Рай

Абдулразак Гурна

Аннотация
Абдулразак Гурна. Рай
Запретный сад
1
2
3
4
5
6
7
Город в горах
1
2
3
4
5
6
7
8
Путешествие вглубь страны
1
2

3
4
5
6

Пламенные врата

1
2
3
4
5
6
7
8

Роща желания

1
2
3
4
5
6
7
8

Сгусток крови

1
2
3

4
5
6
7
Об авторе

Аннотация

Хроника взросления и первой любви, трагическая история разрушения африканских традиций.

На тринадцатом году жизни Юсуф внезапно покинул дом. Отец продал его в рабство в счёт уплаты долгов.

В лавке новоиспечённого хозяина, окружённой запретным райским садом, мальчишка начинает изучать пути мира, которые проведут его через всю Африку. Кочуя с торговым караваном, Юсуф столкнётся с собственными страхами, суевериями, первозданной жестокостью, муками любви и выбора, меняющего жизнь.

Впервые на русском языке главный роман лауреата Нобелевской премии по литературе 2021 года.

Абдулразак Гурна
Рай

© Гурна Абдулразак
© Издание на русском языке, оформление. Строки

Copyright © Abdulrazak Gurnah, 1994
First published in 1994 by Hamish Hamilton
Издается с разрешения автора при содействии его литературных агентов
Rogers, Coleridge and White Ltd.

Перевод с английского *Любови Сумм*
Литературный редактор *Юлия Полещук*
Дизайн обложки и иллюстрация *Ани и Вари Кендель*

Издатель *Евгения Рыкалова*
Руководитель редакции *Юлия Чегодайкина*
Ведущий редактор *Анна Устинова*
Специалист по международным правам *Татьяна Ратькина*
Корректоры *Надежда Болотина, Ольга Калашникова*
Компьютерная верстка *Антон Гришин*

* * *

Сальме Абдалла Басалама

Запретный сад

1

Сначала мальчик. Его звали Юсуф, и на тринадцатом году жизни он внезапно покинул родной дом. Ему запомнилось, что случилось это в сезон засухи, когда каждый день похож на предыдущий. Нежданные цветы рождались и умирали. Странные насекомые порскали из-под камней и в корчах издыхали на беспощадном солнце. Дальние деревья колебались в слепящем зное, дома как будто дрожали, силясь вдохнуть. Каждый шаг вздымал облако пыли; коченящая неподвижность сковывала дневные часы. Так неизменно происходит в конце сезона.

В ту пору он впервые в жизни увидел на железнодорожной станции двух европейцев. Они его не испугали — не с первого взгляда. Он часто ходил на станцию посмотреть, как шумно и изящно прибывает поезд, а потом ждал, пока тот вновь не тронется в путь по отмашке хмурого сигнальщика-индийца, повелителя флажков и свистка. Два европейца тоже дожидались, стоя под тряпичным навесом со своим багажом, в нескольких шагах от них была аккуратно сложена еще какая-то ценная с виду поклажа.

Мужчина был крупный, такой высокий, что пригибался, стараясь не задеть головой навес, под которым укрывался от солнца. Женщина глубже спряталась в тень, обе шляпы отчасти заслонили ее блестящее лицо. Белая блузка с оборками была застегнута под горлом и на запястьях, подол длинной юбки свисал почти до земли. Женщина тоже была высокой и крупной, но по-другому. Если она выглядела пухлой и податливой, как будто способной принять иную форму, то мужчина был словно вырезан из цельного куска дерева. Они смотрели в разные стороны, точно чужие. Подглядывая за ними, Юсуф заметил, как женщина провела платком по губам, ненароком стряхивая хлопья сухой кожи. Лицо мужчины испещряли красные пятна; пока он медленно окидывал взглядом убогую станцию, запертые деревянные склады, высокий шест с огромным желтым знаменем, а на полотнище — хищная черная птица, Юсуф успел хорошенько его рассмотреть. Затем мужчина повернулся и увидел, как таращится на него Юсуф, — на миг отвел глаза, а потом пристально уставился на мальчика. И Юсуф не смог отвернуться. Внезапно мужчина оскалился, скрючил пальцы, будто повинуясь инстинкту. Юсуф понял, что это значит, и бежал опрометью,

бормоча слова, которые его научили повторять, когда внезапно понадобится помощь свыше.

В тот год, когда он покинул дом, столбы задней веранды поразил древоточец. Отец сердито колотил кулаком по столбам всякий раз, проходя мимо, давая понять: он знает, что за игру они затеяли. Древоточцы оставляли на бревнах следы, похожие на вывернутую изнанку земли, — такими отвалами мечены ходы подземных животных по пересохшему руслу реки. Столбы отзывались гулким, полым звуком, и когда Юсуф в свою очередь стучал по ним, с них мелкими спорами сыпалась гниль. Если Юсуф ныл, выпрашивая еду, мать предлагала ему поесть гусениц.

— Я голоден! — завывал он, самоучкой освоив жалобную песнь, которая с каждым годом выходила у него все более нахальной.

— Жри червяков! — повторяла мать и смеялась над преувеличенной гримасой отвращения и обиды на его физиономии. — Давай, набей ими вволю брюхо. Я тебе мешать не стану.

Он вздыхал устало и разочарованно — давно отрабатывал эту манеру показывать матери, сколь жалка ее шуточка. Порой они ели кости, мать кипятила их, чтобы получился жиденький суп, поверхность которого блестела цветом, жиром,

а в глубине таились комья черного ноздреватого костного мозга. А в самые плохие дни подавалась лишь похлебка из окры, но как бы Юсуф ни проголодался, склизкая жижа не шла в глотку.

В эту пору их посетил дядя Азиз. Визиты его всегда были краткими, редкими, обычно ему сопутствовала толпа помощников, носильщиков, музыкантов. В городке он останавливался посреди долгого перехода от побережья в горы, к лесам и озерам, через безводные равнины и голые скалистые холмы внутренних областей. Обычно его караван сопровождали музыканты с барабанами и тамбуринами, с рогами и сивами[1], и, когда они входили в город, домашний скот с топотом уносился прочь, а дети совсем отбивались от рук. От дяди Азиза исходил странный запах — шкур и благовоний, камеди и специй и еще какой-то непонятный, в котором, казалось, таилась угроза. Одевался он обычно в тонкий развевающийся камзу[2] из тонкого хлопка, маленькую вышитую шапочку куфи сдвигал на затылок. Такой изысканный вид, вежливые несуетливые ма-

[1] Примечания: 1

Сива — изогнутый рог. Здесь и далее — прим. перевод.

[2] Примечания: 2

Камзу — традиционная мужская одежда в Восточной Африке, белый или светлый длинный халат.

неры, больше похож на богача, который вышел погулять вечерком, или на верующего, идущего совершить вечернюю молитву, а не на купца, продиравшегося сквозь колючие заросли, гнезда плюющихся ядом гадюк. Даже в чаду прибытия, посреди хаоса и беспорядка сброшенных наземь тюков, в окружении усталых, шумных носильщиков и зорких, загребущих торговцев дядя Азиз держался спокойно, без напряжения. В этот раз он явился один.

Юсуф всегда радовался дяде Азизу. Отец говорил, для них честь принимать такого богатого и знаменитого купца — таджири мкубва[3], — но Юсуф радовался не только чести, хотя и это дело неплохое. Дядя Азиз каждый раз, без пропуска, дарил мальчику десять анн, когда гостил у его родителей. Взамен от Юсуфа не требовалось ничего, лишь явиться вовремя. Дядя Азиз оглядывался, замечал его, улыбался и дарил монету. Юсуфу тоже хотелось улыбнуться, когда наступал этот момент, но он догадывался, что улыбка будет не к месту, и сдерживался. А еще он восхищался блестящей кожей дяди Азиза и его таинственным запахом. Даже после отъезда дяди облако благо-

---

[3] Примечания: 3
Старейшина купцов (суахили).

воний висело в воздухе еще несколько дней.

К третьему дню стало ясно, что дядя Азиз вот-вот снова пустится в путь. В кухне поднялась непривычная суета, доносились сложные, ни с чем не перепутаешь, ароматы близящегося пира. Сладкие специи для жарки, томящийся кокосовый соус, булочки из дрожжевого теста и лепешки, тут же поспевало и печенье, и мясо кипело в котле. На протяжении всего дня Юсуф не отлучался далеко от дома на случай, если маме понадобится помощь с готовкой или его мнение о том или ином блюде. Мама ценила его мнение в таких делах, это мальчик знал. Или вдруг она забудет помешать соус, пропустит тот момент, когда нагретое масло задрожит и в него пора бросать овощи. Задача у Юсуфа была непростая: он присматривал за тем, что творилось в кухне, однако не хотел, чтобы мать заметила, как он тут околачивается. Заметит — пошлет его туда и сюда с кучей поручений, что и само по себе нерадостно, а главное — того гляди упустишь возможность попрощаться с дядей Азизом. Всегда именно в этот момент монета в десять анн переходила из рук в руки — дядя Азиз протягивал ладонь для поцелуя, мальчик склонялся над ней, свободной рукой дядюшка поглаживал его по затылку и

тут-то ловким, отработанным движением совал Юсуфу подарок.

Отец обычно работал до полудня или чуть дольше. Юсуф знал, что дядю Азиза отец приведет, когда будет возвращаться домой, так что до тех пор надо убить еще немало времени. Отец управлял гостиницей. Последнее на нынешний момент занятие, с помощью которого отец пытался сколотить состояние и составить себе имя. Под настроение он рассказывал родным о других планах, на которые прежде возлагал надежды, — рассказывал так, что все затеи выходили смешными и вздорными. Или же до слуха мальчика доносились жалобы на то, как вся жизнь отца пошла под откос, все, за что он брался, рухнуло. Гостиница — по сути, закусочная с четырьмя чистыми постелями в комнате наверху — находилась в городишке Кава, где семья прожила чуть дольше четырех лет. Прежде они жили на юге, тоже в маленьком городке, посреди сельской местности, там отец держал лавку. Юсуфу запомнились зеленые холмы и тени дальних гор; старик, сидевший на табурете у входа в лавку, вышивал куфи шелковой нитью. Семья перебралась в Каву, потому что город быстро богател: немцы оборудовали здесь перевалочный пункт,

строя дорогу вглубь страны, к горной ее части. Но процветание так же скоро и закончилось, теперь поезда останавливались лишь затем, чтобы пополнить запасы дров и воды. В последний свой приезд дядя Азиз отправился из Кавы на запад пешком, но в следующий раз, по его словам, проедет по железной дороге как можно дальше, до конечной станции, а оттуда двинется либо на северо-запад, либо на северо-восток. В тех местах еще удается заключить выгодную сделку, сказал он, не то что здесь. Порой Юсуф слышал, как отец бормотал: весь городишко движется прямиком в ад.

Поезд до побережья отбывал ранним вечером, и Юсуф предполагал, что дядя Азиз поедет на нем. Угадывал по каким-то черточкам его поведения, что дядя собирается домой. Но люди непредсказуемы: кто знает, вдруг он сядет на поезд в горы, а тот уезжает посреди дня. В любом случае Юсуф будет наготове. Отец требовал, чтобы сын каждый день появлялся в гостинице после полуденной молитвы — осваивать семейное дело и готовиться к самостоятельности, как говорил отец, но на самом деле он помогал двум юношам, которые крутились на подхвате в кухне и подавали еду гостям. Гостиничный повар пил, бранился, осы-

пал ругательствами всякого, кто попадался ему на глаза, и лишь при виде Юсуфа поток непристойностей прерывался на полуслове и повар расплывался в улыбке, да только мальчик все равно боялся, трепетал в его присутствии. В тот день он не пошел в гостиницу, он и полуденные молитвы не прочел, уверенный, что в жуткую жару этих часов никто не станет его разыскивать. Он прятался в прохладных уголках и за курятником на заднем дворе, пока его не выгнала оттуда удушливая вонь, поднимающаяся вместе с дневной пылью. Тогда он притаился на дровяном складе у соседнего дома, в густой лиловой тени под сводом соломенной крыши, вслушивался в настороженное шуршание суетливых ящерок, настойчиво дожидаясь своих десяти анн. Тишина и сумрак дровяного склада нисколько его не угнетали: он привык играть в одиночестве. Отец не разрешал ему отлучаться далеко от дома. «Мы живем среди дикарей, — твердил он, — среди вашензи[4], которые не верят в Бога, поклоняются духам и бесам, обитающим в деревьях и скалах. Самое милое дело для них — украсть малыша и творить с ним все, что вздумается. Или ты пой-

[4] Примечания: 4
Варвары (суахили).

дешь с другими, с теми, кому на все наплевать, бездельниками, сыновьями бездельников, а те не уследят за тобой, и тебя сожрут дикие псы. Оставайся тут, поблизости, здесь безопасно, здесь за тобой всегда кто-нибудь присмотрит». Отец хотел бы, чтобы мальчик играл с детьми индийского торговца, жившего неподалеку, вот только маленькие индийцы, стоило к ним подойти, швыряли в него песком и бранились. «Голо-го-ло», — распевали они и плевались в его сторону. Порой Юсуф пристраивался к компании ребят постарше, рассаживавшихся в тени под деревом или под навесом дома. С ними было хорошо: парни подшучивали друг над другом и хохотали. Их родители работали вибаруа[5] — строили дорогу для немцев, носили багаж путешественников и торговцев. Платили им сдельно, а работы часто не бывало никакой. От старших парней Юсуф слышал, немцы вешают тех, кто недостаточно прилежно трудится, на их взгляд. А если по малолетству и не повесят, отрежут орешки. Немцы ничего не боятся. Делают что хотят, никто им не указ. Один парень говорил, его отец видел, как немец сунул руку прямо в пылающий огонь и не

[5] Примечания: 5

Множественное число от «кибаруа» — поденщик (суахили, из арабского).

обжегся, словно он не человек, а призрак.

Их родители-вибаруа сбрелись в город со всех сторон — с гор Усамбара к северу от Кавы, от знаменитых озер к западу от гор, из растерзанных войной саванн юга, а многие и с побережья. Парни смеялись над родителями, передразнивали их трудовые песни, сравнивали, у кого отцы противнее воняют, когда приходят домой. Они выдумывали прозвища для тех мест, откуда были родом, вздорные, скверные клички, дразнили и унижали друг друга. Порой дрались, пинались, катались по земле, пытались уже не в шутку причинить боль. Кто постарше, пристраивался на работу — прислугой, на посылках, но чаще всего они болтались вот так, без дела, ждали, пока подрастут и смогут приняться за мужскую работу. Если ему позволяли, Юсуф усаживался рядом, слушал их разговоры, иногда его посылали куда-то с поручением.

От скуки ребята играли в карты и сплетничали. От них Юсуф впервые услышал, что младенцы прячутся в пенисе. Когда мужчина хочет зачать ребенка, он засовывает младенчика женщине в живот: там места больше, и малыш созревает. Такое объяснение показалось неправдоподобным не только ему, и все извлекли члены, принялись

их мерить под разгоравшийся все более пылко спор. Вскоре о младенцах забыли, пенисы оказались достаточно занятны сами по себе. Старшие гордо предъявляли свое хозяйство и заставляли меньших выставлять свои абдаллы, чтобы посмеяться над ними.

Иногда играли в кипанде. Юсуф был слишком мал, и бита ему не доставалась, поскольку очередность определялась возрастом и силой, но он никогда не отказывался, лишь бы разрешили присоединиться к полевым игрокам, которые опрометью мчали в пыли за летящим по воздуху деревянным обрубком. Однажды отец заметил, как он несется по улице вместе с орущими, гонящимися за кипанде ребятами. Отец смерил Юсуфа недовольным взглядом и, отвесив затрещину, послал домой.

Мальчик вырезал себе кипанде и приспособил правила так, чтобы играть в одиночку: притворялся, будто игроков много, и по очереди превращался в каждого из них с тем преимуществом, что мог орудовать битой сколько вздумается. Носился взад-вперед по дороге перед домом, возбуждено крича и пытаясь поймать кипанде, ударом биты запускал деревяху как можно выше в воздух, чтобы успеть добежать до нее.

2

Итак, в день, когда намечался отъезд дяди Азиза, Юсуф без малейших угрызений совести растрачивал время, карауля свои десять анн. Отец и дядя Азиз пришли домой вместе в час. Мальчик видел, как мерцают в жидком свете их тела, когда мужчины медленно двигались по каменной дорожке к дому. Они шли молча, опустив головы, сгорбив от зноя плечи. Обед уже был накрыт — только для них — в гостиной, на лучшем ковре, Юсуф самолично поучаствовал в последних приготовлениях, чуть подвинул одну-две тарелки для пущей красы, заслужил широкую благодарную улыбку выбившейся из сил мамы. Заодно и проверил, что за угощение. Два разных карри, с курицей и с мелко порезанной бараниной. Лучший пешаварский рис, блестящий от гхи, усыпанный изюмом и миндалем. Пухлые ароматные булочки, маандази и махамри[6], до краев переполняют накрытую полотенцем корзину. Шпинат в кокосовом соусе. Тарелка желтого лотоса. Полоски сушеной рыбы, обожженные

[6] Примечания: 6
Маандази — сладкие булочки, махамри — жареные пончики.

в догорающих углях после того, как были приготовлены все остальные блюда. Юсуф чуть не заплакал от зависти, взирая на это обилие, столь непохожее на обычные их скудные трапезы. Мама при виде его страданий нахмурилась, но мальчик так выразительно гримасничал, что в итоге она рассмеялась.

Мужчины уселись, и тогда Юсуф вошел к ним с медным кувшином и тазом, с чистым льняным полотенцем, переброшенным через левую руку. Он медленно лил воду, пока дядя Азиз, а следом отец споласкивали руки. Мальчику нравились такие гости, как дядя Азиз, очень нравились. Об этом он размышлял, сидя на корточках за дверью гостиной и прислушиваясь, не понадобятся ли его услуги. Он бы лучше остался в комнате, при них, но отец зыркнул сердито и выгнал мальчика вон. Когда появлялся дядя Азиз, всегда происходило что-нибудь интересное. Он ел только у них в доме, хотя на ночлег отправлялся в гостиницу. То есть после трапезы частенько оставались всякие интересные кусочки, если только мама не добиралась до них первой — в таком случае объедки отправлялись в соседский дом или прямиком в желудки бродячих попрошаек, которые порой являлись на порог, бормоча и вереща свои

молитвы. Мама говорила, богоугоднее раздать еду соседям и нуждающимся, чем предаваться обжорству. Особого смысла в этих словах Юсуф не видел, но мама говорила, добродетель — сама себе награда, и по внезапной резкости ее голоса мальчик догадывался: одно лишнее слово — и придется выслушивать очередную длинную проповедь, а ему их более чем достаточно перепадало от учителя Корана. С одним попрошайкой Юсуф даже не против был делиться остатками. Звали его Мохаммад — истощенный, с пронзительным голосом, вонял гнилым мясом. Однажды Юсуф обнаружил его возле дома, нищий горстями поедал красную землю, выкапывая ее из разрушенной внешней стены. Рубаха засаленная, вся в пятнах, немыслимо драные, сплошь в дырах, короткие штаны, ободок шапочки потемнел от пота и грязи. Юсуф с минуту разглядывал чужака, соображая, случалось ли ему видеть таких грязных людей, а потом сходил и принес миску оставшейся с обеда тапиоки. Проглотив несколько ложек, испуская благодарные вопли, Мохаммад поведал мальчику трагедию своей жизни и причину этой трагедии: марихуана. Некогда он был богат, сказал он, у него была поливная земля и скот и мама, которая его любила. День напролет он изо всех

сил усердно обрабатывал милую свою землю, а вечером садился рядом с мамой, и она пела хвалу Богу и рассказывала чудесные истории про большой мир.

Но потом грех нашел на него, напал с такой силой, что Мохаммад оставил свою мать и свою землю и отправился на поиски зелья, и с тех пор бродил по свету, получая тычки и зуботычины, и жрал землю. Ни разу в этих странствиях не доводилось ему отведать еду, приготовленную с таким совершенством, с каким готовила его мать, — разве что эта тапиока сравнится с ней. Он рассказывал Юсуфу истории о своих странствиях, сидя у боковой стены дома, пронзительный голос оживлялся, морщинистое молодое лицо словно трещинами рассекали улыбки, ухмылки, обнажавшие сломанные зубы. «Учись на моем ужасном примере, юный друг! Заклинаю тебя: не притрагивайся к зелью!» Визиты его никогда не затягивались надолго, но Юсуф всякий раз был рад видеть этого бродягу и послушать о новых его приключениях. Особенно он любил рассказы об участке орошаемой земли к югу от Виту, о тех счастливых годах. На втором месте в списке предпочитаемых мальчиком сюжетов значилась история о том, как Мохаммад впервые попал в

сумасшедший дом в Момбасе. «Валлахи, я говорю тебе всю правду, как есть, юный друг! Они сочли меня безумцем! Можешь в такое поверить?»

Там ему сыпали в рот соль и били по лицу, чтобы не отплевывался. Его оставляли в покое, только если он сидел неподвижно и позволял кускам соли таять во рту, стекать в кишки, проедая их насквозь. Об этой пытке Мохаммад рассказывал с содроганием, но и словно посмеиваясь. Имелись у него и другие истории, которые Юсуфу вовсе не нравились, о том, как у него на глазах насмерть забили камнями слепого пса, о детях, над которыми измывались. Иногда Мохаммад упоминал молодую женщину, которая жила в Виту. Мать хотела женить его, добавлял он с глуповатой улыбкой.

Поначалу Юсуф его прятал, опасаясь, как бы мама не прогнала Мохаммада, но тот, завидев маму Юсуфа, столь благодарно вопил, извиваясь всем телом, что сделался одним из ее любимцев среди попрошаек. «Заклинаю тебя, почитай свою мать! — восклицал он, услаждая ее слух. — Учись на моем ужасном примере!» Известны случаи, говорила потом Юсуфу мать, когда мудрецы и пророки или же султаны переодевались нищими бродягами и якшались с простонародьем и бедня-

ками. Благоразумнее всегда обращаться с ними уважительно.

При появлении отца Юсуфа Мохаммад неизменно вскакивал и убегал, столь же пронзительно выражая воплями свое почтение.

Однажды Юсуф украл из кармана отцовской куртки монету. Сам не понимал, зачем так поступил. Пока отец, вернувшись с работы, умывался, Юсуф сунул руку в карман пахучей куртки, висевшей на гвозде в родительской спальне, и вытащил монету. Заранее он такого не планировал. Позднее он разглядел добычу — это оказалась серебряная рупия, и мальчик не осмелился расплачиваться ею. И без того чудо, что не попался. Он подумывал положить монету назад. А еще можно бы ее отдать Мохаммаду, но опять же Юсуф боялся, как бы нищий не изобличил его. Серебряная рупия — столько денег Юсуф никогда прежде в руках не держал. В итоге он сунул монету в трещину под стеной и время от времени тыкал туда палкой, проверяя, на месте ли рупия.

3

Дядя Азиз разместился после обеда в гостиной, прилег отдохнуть. Юсуфа такая задержка раздражала. Отец тоже ушел к себе в комнату, как всегда после трапезы. Непонятно, размышлял мальчик, зачем люди укладываются после обеда спать, исполняют какой-то ритуал. Называют это дневным отдыхом, даже мама порой уходит в спальню и задергивает занавески. Сам он попробовал раз или два и так извелся от скуки, боялся, не хватит сил даже встать. Во второй раз он решил, что это похоже на смерть: будешь лежать без сна в кровати, не в силах пошевелиться. Как страшная кара.

Пока дядя Азиз спал, Юсуфу велели прибраться в кухне и во дворе. Уклониться от такого поручения он не мог, поскольку хотел поучаствовать в распределении остатков. К удивлению мальчика, мать оставила его наедине с тарелками и ушла поговорить с отцом. Обычно она зорко наблюдала за ним, отделяя объедки в строгом смысле слова от того, что можно было еще подать на стол. Юсуф торопливо нанес урон остаткам пищи (насколько отважился), почистил и спас что мог, выскреб и

вымыл горшки, подмел двор, а затем уселся на посту в тени у заднего крыльца, вздыхая о выпавших на его долю тяготах.

На вопрос матери, чем он сейчас занят, он ответил: «Отдыхаю». Невольно вышло слишком торжественно, мама улыбнулась — и вдруг потянулась к мальчику, обняла его, оторвала от земли. Он яростно заколотил ногами: отпусти! Терпеть не мог, чтобы с ним обращались словно с младенцем, она же прекрасно это знала. Его стопы тянулись к голой земле двора, стремясь вернуть мальчику достоинство, а сам он извивался, насколько позволяли тесные объятия. Все потому, что он мал ростом для своих лет, вот она и проделывает это — подхватывает его на руки, щиплет щеки, обнимает, обцеловывает слюняво, а потом смеется над ним, как над малышом. А ему-то уже двенадцать! И тут мать еще больше удивила его: так и не разжала руки. Обычно она отпускала его, как только он забьется всерьез, только успевала шлепнуть по проворно удиравшей заднице. А на этот раз так и держала, прижимала к мягкой своей выпуклости, ничего не говоря, и совсем не смеялась. Лиф ее платья промок от пота, от тела исходил запах дыма и усталости. Мальчик вдруг перестал сопротивляться, и мать смогла крепче

прижать его к себе.

Таков был первый знак, первое предостережение. А когда он увидел на глазах матери слезы, сердце трепыхнулось в ужасе. Никогда прежде мать не плакала так. Он видел, как она выла на похоронах у соседа, словно мир рушился, и слышал, как она призывала милость Аллаха к тем, кто еще жив, ее лицо сминалось в мольбе, но никогда прежде не было безмолвных слез. Что-то случилось между ней и отцом, подумал мальчик, наверное, тот резко поговорил с ней. Может, угощение оказалось недостаточно хорошим для дяди Азиза.

— Ма-а! — ласково протянул он, но мама шикнула на него.

Может, отец заговорил о том, как прекрасна была его прежняя семья. Юсуф слышал от него такие слова, когда отец злился. Однажды сказал матери, что она дочь дикаря с гор Таиты, который ютился в задымленной хижине, кутался в вонючую козлиную шкуру и считал, что пять коз и два мешка бобов — отличная цена за любую женщину. «Случись с тобой что, продадут мне другую такую же из своего хлева», — заявил он. И пусть не напускает на себя важность потому лишь, что росла на побережье среди цивилизованных лю-

дей. Юсуф ужасно пугался, когда они ссорились, злые родительские слова точно вонзались в него, и мальчику вспоминались рассказы других ребят о жестокости и о брошенных детях.

О первой жене отца ему в свое время рассказала мама — с улыбкой и тем тоном, каким обычно рассказывала сказки. Женщина та была арабка, из старинной семьи Килвы[7] — не принцесса, конечно, однако благородного происхождения. Отец Юсуфа женился на ней вопреки воле ее гордых родителей, не считавших его подходящим женихом, ибо, хотя он носил славное имя, всяк, кто не слеп, видел, что мать его, наверное, была дикаркой и сам он не благословен преуспеянием. И пусть славное имя не бесчестится кровью матери, мир, где мы живем, налагает свои требования. Эти люди желали своей дочери лучшей доли и не могли допустить, чтобы она стала матерью бедных детей с дикарскими лицами. Неудачливому жениху было сказано: «Благодарим за оказанную нам честь, однако наша дочь еще слишком молода, чтобы думать о браке. В городе множество дочерей куда более достойных, чем наша».

Но будущий отец Юсуфа уже увидел ту девушку

[7] Примечания: 7

Килва — остров, принадлежащий Танзании. В Средние века там располагался одноименный султанат.

и не мог ее забыть. Он влюбился! Любовь сделала молодого человека упрямым и опрометчивым, он искал способа заполучить желанную. В Килве он был чужаком, посредником, доставившим груз глиняных кувшинов по поручению своего нанимателя, но он подружился с капитаном корабля-дау, этот капитан, находха, как их именуют, от всей души поддержал приятеля в его страсти, помог ему составить план и завладеть любимой. Помимо всего прочего, это унизит ее самодовольное семейство, решил находха. Будущий отец Юсуфа втайне сговорился с девушкой и в конце концов похитил ее. Находха, знавший все бухты побережья от Фазы на дальнем севере до Мтвары на юге, увез их на материк, в Багамойо. Будущий отец Юсуфа устроился работать к индийскому купцу на склад изделий из слоновой кости — сначала сторожем, потом стал писцом и по мелочи торговал. После восьми лет брака эта женщина решила вернуться в Килву, написав для начала родителям письмо с мольбой о прощении. Обоих маленьких сыновей она взяла с собой, чтобы защититься от родительских упреков. Дау, на котором они отправились в путь, называлось Джичо, «Око», и это «Око» никто больше не видел с тех пор, как оно покинуло Багамойо. Юсуф не

раз слышал рассказ о прежней семье и от самого отца, обычно когда тот на что-то сердился или его планы оборачивались крахом. Мальчик знал, что воспоминания причиняют отцу боль и вызывают у него великий гнев.

Во время одной из тех ужасных ссор, когда родители, сцепившись, видимо, забыли про сидевшего под открытой дверью ребенка, он слышал, как отец простонал:

— Моя любовь к ней была неблагословенна. Тебе знакома эта боль.

— Кому ж она неведома? — откликнулась мать. — Кто ж незнаком с этой болью? Или ты думаешь, я не знаю боли разбитой любви? Думаешь, я ничего не чувствую?

— Нет, нет, не вини меня! Только не ты! Ты — луч света на моем лице! — кричал отец, возвышая голос, и голос срывался. — Не обвиняй меня. Только не начинай все заново.

— Не стану, — отвечала она, и ее голос стихал, шипел.

Наверное, они снова поссорились, думал мальчик. Он ждал каких-то слов матери, объяснений, и злился на себя за то, что не в силах сам задать вопрос, вынудить ее рассказать причину своих слез.

— Отец тебе сам скажет, — вот и все, что он услышал в итоге. Мать отпустила его и ушла в дом. Миг — и ее поглотил сумрак коридора.

4

А вот и отец — пришел за ним. Только что проснулся, глаза еще красные спросонья. Левая щека тоже покраснела, наверное, намял во сне. Приподняв край рубашки, отец почесал живот. А другая рука в то же время задумчиво почесывала пробивающуюся щетину на подбородке. Борода у него отрастала быстро. Обычно он брился второй раз в день после сна. Он улыбнулся Юсуфу, расплылся в широкой ухмылке. Юсуф так и сидел у задней двери, там, где мать оставила его. Отец подошел и присел на корточки рядом с ним. Мальчик догадался, что отец только делает вид, будто все в порядке, и встревожился.

— Как насчет небольшого путешествия, осьминожка? — спросил отец, обхватив его рукой и обдавая запахом мужского пота.

Юсуф почувствовал тяжесть отцовской руки на своем плече и с трудом удержался от порыва уткнуться лицом в грудь отцу. Для таких порывов он уже чересчур взрослый. Он уставился прямо в глаза отцу, пытаясь понять, о чем тот говорит. Отец со смешком прижал его к себе, сильно сдавил.

— Ну, ты хоть притворись, что не рад, — сказал он.

— Когда? — Юсуф осторожно высвободился.

— Сегодня! — громко, бодро ответил отец, а затем усмехнулся и слегка зевнул: мол, ничего особенного.

— Прямо сейчас.

Юсуф приподнялся на цыпочках, слегка согнул колени. Внезапно ему захотелось в уборную, но он все так же неотрывно смотрел на отца, ожидая полного объяснения.

— Куда я поеду? А как же дядя Азиз? — решился спросить он.

Внезапно охвативший его липкий страх вытеснила мысль о десяти аннах. Он не двинется с места, пока не получит свою монету.

— С дядей Азизом и поедешь, — ответил отец и тут улыбнулся, слегка и как бы с горечью, так он улыбался, услышав от сына какую-нибудь глупость. Юсуф все еще ждал, но больше отец ничего не стал говорить, а только рассмеялся и снова попытался его схватить. Юсуф отпрыгнул и тоже засмеялся.

— Поедешь на поезде! — сказал отец. — Далеко, на побережье. Ты же любишь поезда, верно? Вот уж будешь радоваться — всю дорогу до самого

моря.

И снова Юсуф ждал каких-то слов отца и никак не мог понять, почему его вовсе не обрадовало предстоящее путешествие. Наконец отец хлопнул его по бедру и велел идти к матери собирать вещи.

Когда настало время уезжать, все происходило будто не взаправду. Он попрощался с мамой на переднем крыльце дома и пошел с отцом и дядей Азизом на вокзал. Мама не стала его обнимать, целовать. Не проливала над ним слез. Он-то боялся, что она станет. Впоследствии Юсуф не смог припомнить, что его мама сказала или сделала, но помнил, что она казалась больной или потерянной, устало прислонилась к дверному косяку. Если его мысли обращались к моменту отъезда, ему представлялась мерцающая от жары дорога, по которой они шли, и спины мужчин впереди. Во главе их небольшой группы брел, покачиваясь, носильщик, тащил на плечах вещи дяди Азиза. Юсуфу велели самому нести свой маленький узелок: две пары коротких штанишек, канзу — еще новый, с прошлого Идда[8], — рубашка, Коран и старые четки матери. Все, кроме

[8] Примечания: 8

Идд аль-Фитр, праздник разговения на исходе Рамадана, полагается встречать в новой одежде.

четок, мама сложила в старую шаль и стянула ее концы прочным узлом. Улыбнувшись, воткнула в узел трость, чтобы Юсуф мог вскинуть ношу на плечо, как делали носильщики. Четки из бурого песчаника она сунула ему в руку в последний момент, тайком.

Ему ни разу не пришло в голову, даже мимолетно, что он расстается с родителями надолго, тем более что может никогда их больше не увидеть. Ему не пришло в голову выяснить, когда ему предстоит вернуться. Он не догадался спросить, почему его отправляют с дядей Азизом и почему решение принято столь поспешно. На вокзале Юсуф увидел рядом с желтым флагом с той свирепой черной птицей еще один, с черным, обведенным серебряной каймой крестом. Этот флаг вывешивали, когда на поезде приезжали высокопоставленные немецкие офицеры. Отец наклонился к мальчику, пожал ему руку. Что-то долго ему втолковывал, и под конец глаза отца увлажнились. Впоследствии Юсуф не мог сообразить, что именно говорил отец, но имя Бога в его речи прозвучало не раз.

Поезд уже ехал какое-то время, прежде чем новизна путешествия повыветрилась, и тогда мысль, что дом остался вдали, сделалась невыно-

симой. Мальчик припомнил легкий мамин смех и заплакал. Дядя Азиз сидел рядом на скамье, и Юсуф сквозь слезы виновато оглянулся на него, однако купец уснул, втиснувшись между краем скамьи и поклажей. Несколько мгновений спустя Юсуф почувствовал, как слезы высыхают, но расставаться с самим ощущением печали не хотелось. Он вытер слезы и принялся изучать дядю Азиза. Ему еще не раз представится такой случай, но то был первый раз с тех пор, как дядя появился в жизни Юсуфа, когда мальчик мог в упор разглядывать его лицо. Войдя в поезд, дядя Азиз снял куфи, и Юсуф с удивлением увидел, какие жесткие у него черты лица — без шапочки лицо показалось приплюснутым, пропорции нарушились. Сейчас, когда он откинулся и тихо дремал, исчезли изысканные манеры, обычно привлекавшие к себе внимание. Пахло от него по-прежнему великолепно. Это Юсуфу всегда нравилось в дяде — это и еще тонкие, развевающиеся халаты и вышитые шелком шапочки. Когда он входил в комнату, аромат его присутствия струился как нечто отдельное от самого дяди, свидетельствуя о процветании, изобилии, отваге. Теперь, когда он полулежал, прислонившись к куче багажа, пониже груди проступило небольшое округлое

брюшко. Раньше Юсуф такого не замечал. Он присмотрелся и увидел, как живот поднимается и опадает с дыханием, а однажды по нему вбок пробежала волна.

Кожаные мешочки с деньгами были, как обычно, привязаны ремнем вокруг чресл, свисали на бедра и сходились между ногами, переплетаясь и выступая, будто кольчуга. Юсуф никогда не видел, чтобы дядя расставался с поясом, даже когда спал после обеда. Он подумал о серебряной рупии, спрятанной в щели внизу стены, и задрожал при мысли, что монету найдут и его вину обнаружат.

Поезд был шумный. Пыль и дым летели в открытое окно, а с ними запах огня и обугленного мяса. По правую руку местность, где они ехали, тянулась плоской равниной с длинными тенями в густеющих сумерках. Там и сям разрозненные фермы цеплялись за поверхность, приникая к быстро мелькающей земле. По другую сторону бугры гор, их вершины вспыхивали ореолом в лучах закатного солнца. Поезд не спешил, двигался рывками, урчал, пробиваясь к побережью. Порой тормозил и почти останавливался, движение становилось едва уловимым, потом внезапный рывок вперед, пронзительно, протестующе взвизгивали колеса. Юсуфу не запомнилось, чтобы

поезд останавливался в пути, но потом он понял, что такие остановки на станциях, конечно же, случались. Ему досталась часть еды, которую мама приготовила для дяди Азиза: маандази, вареное мясо, бобы. Дядя умело и аккуратно распаковывал еду, бормотал «бисмилла», слегка улыбаясь, и наполовину раскрывал ладонь, приглашая мальчика присоединиться к трапезе. Он ласково поглядывал на Юсуфа, пока тот ел, и улыбался в ответ на его тоскливый взгляд.

Заснуть не получалось. Ребра скамейки глубоко впивались в тело и будили Юсуфа. Порой он задремывал, чаще лежал в полусне, мучаясь от потребности облегчиться. Открыв среди ночи глаза, он чуть не вскрикнул громко при виде наполовину заполненного сумрачного вагона. Снаружи — тьма, бездонное море тьмы, он испугался, что поезд слишком глубоко в нее погрузился и уже не найдет безопасного пути назад. Сосредоточился на шуме колес, очень старался, но ритм их был неровен и чужд, только раздражал и мешал уснуть. В полусне привиделось, что мама — одноглазая сука, та, что у него на глазах была раздавлена когда-то колесами поезда. Потом привиделось: вот его трусость лежит, блестит-переливается в свете луны, покрытая

слизью последа. Он знал, что это его новорожденная трусость, потому что кто-то из тьмы сказал ему, и сам он видел, как она дышит.

На следующее утро они добрались до места назначения, дядя Азиз спокойно и уверенно провел Юсуфа через вопящую толпу торговцев сначала внутрь станции, а оттуда наружу. Он не разговаривал с мальчиком, пока они шли по улицам, усеянным остатками недавнего праздника. Дверные косяки все еще были украшены арками из пальмовых веток. На дорожках растоптанные гирлянды бархатцев и жасмина, потемневшие очистки фруктов на обочине. Впереди шел носильщик, тащил их багаж, потел, отдувался на утренней жаре. Юсуфу велели отдать свой маленький узелок. «Носильщик заберет его», — сказал дядя Азиз, указывая на ухмыляющегося мужчину, который стоял, раскорячившись, над прочими вещами. На ходу носильщик подпрыгивал, переносил вес на здоровую ногу, оберегая хромую. Дорога — ее поверхность — была раскалена, и Юсуф, чьи стопы не были защищены, сам бы охотно пустился вприпрыжку, но знал (ему это не требовалось объяснять), что дяде Азизу это не понравится. Судя по тому, как дядю приветствовали прохожие, Юсуф понял: он — важный

человек. Носильщик покрикивал, веля расступиться: «Дайте сеиду пройти, ваунгвана![9]» — и хотя сам он был такой оборванный, больной на вид, никто не возражал.

Порой он оглядывался с кривой ухмылкой, и Юсуфу мерещилось, будто носильщик знает о какой-то угрозе, о какой сам он понятия не имел.

Дядя Азиз жил в длинном приземистом здании на краю города. Дом стоял в нескольких метрах от дороги, перед ним был большой расчищенный участок, окаймленный деревьями. Невысокие нимы, кокосовые пальмы, хлопковое дерево и огромное манго в углу двора. Были там и другие деревья, незнакомые Юсуфу. В тени мангового дерева уже сидело несколько человек — надо же, еще даже не полдень. Рядом с домом тянулась зубчатая белая стена, по ту сторону Юсуф разглядел верхушки деревьев, в том числе пальм. Мужчины, сидевшие под манговым деревом, завидев дядю Азиза, поднялись, вскинули руки, выкрикивая приветствия.

Навстречу из магазина перед бунгало выбежал юноша по имени Халил, громко восклицая и многословно приветствуя хозяина. Он почти-

---

[9] Примечания: 9

Ваунгвана — самоназвание народа суахили, буквально значит «цивилизованные».

тельно поцеловал руку дяде Азизу и готов был целовать ее снова и снова, пока дядя не отнял у него свою руку, что-то раздраженно пробормотав. Халил умолк, застыл перед ним, сцепив пальцы так, словно пытался удержаться и не потянуться снова за отнятой рукой. Они обменялись приветствиями и новостями по-арабски, Юсуф пока наблюдал. На вид Халилу было лет семнадцать-восемнадцать, тощий, нервный, усики едва пробиваются на губе. Юсуф сообразил, что речь зашла и о нем, — Халил обернулся, смерил его взглядом, взволнованно закивал. Дядя Азиз двинулся вперед к боковой стене дома, и Юсуф увидел там открытый проем в длинной белой стене. Сквозь эту распахнутую дверь он на миг заглянул в сад и вроде бы заприметил там плодовые деревья, цветущие кусты, мерцающую воду. Он шагнул следом, но дядя, не оборачиваясь, выставил ладонь, отодвинув слегка руку от тела, и так и держал ее неподвижно, удаляясь. Юсуф никогда прежде не видел такого жеста, но почувствовал в нем упрек и понял, что это означает запрет следовать за дядей. Он оглянулся на Халила — тот осматривал его оценивающе, с широкой улыбкой. Махнул, подзывая к себе, и двинулся обратно в магазин. Юсуф поднял палку

с узлом, которую носильщик оставил на земле, когда понес багаж дяди Азиза внутрь, и пошел за Халилом. Четки из бурого песчаника уже потерялись, он забыл их в поезде. На скамье перед магазином сидели трое стариков, их спокойные взгляды проводили Юсуфа, когда тот поднырнул под прилавок во внутреннюю часть магазина.

5

— Это мой младший братец, будет работать на нас, — сообщил покупателям Халил. — Он выглядит таким маленьким, слабым, потому что явился прямиком из диких мест, по ту сторону гор. Там они едят лишь маниоку и сорную траву. Вот почему он похож на ходячий скелет. Эй, кифа уронго[10]! Только посмотрите на бедняжку! На его слабые ручонки, на его вытянутую физиономию. Но мы накормим его рыбой, цукатами и медом, и очень скоро он сделается достаточно упитанным для ваших дочерей. Поздоровайся с покупателями, малыш! Улыбнись пошире!

В первые несколько дней Юсуфу улыбались все, за исключением дяди Азиза — его мальчик видел раза два в день. Люди спешили навстречу дяде, целовали ему руку, если он позволял, или почтительно кланялись с расстояния в несколько метров. Его лицо оставалось бесстрастным, сколько бы приветствий и молитв ни раздавалось вокруг, и, вытерпев достаточно, чтобы соблюсти

[10] Примечания: 10

То, что притворяется мертвым, чтобы его не тронули (насекомое и т. д.).

правила вежливости, он шествовал дальше, бросив горсть монет самым жалким из своей свиты.

Юсуф безотлучно находился при Халиле — тот объяснял, как будет устроена его новая жизнь, и расспрашивал о старой. Халил работал в лавке, жил в лавке и вроде бы ничем больше не интересовался. Все его силы были, по-видимому, посвящены лавке, он стремительно переходил от одного дела к другому, со встревоженным видом, торопливо и бодро перечисляя все мыслимые напасти, которые постигнут его хозяйство, стоит на миг передохнуть. Ты себя до рвоты доведешь, столько болтая, предупреждали покупатели. Не мечись так во все стороны, юноша, зачахнешь до времени. Но Халил усмехался в ответ и не замолкал. В его речи ощущался заметный арабский акцент, хотя суахили он владел свободно, а некоторую вольность в построении фразы ухитрялся выдать за вдохновение и своеобычность. Разволновавшись или разозлившись, он взрывался неудержимым потоком арабского, и тогда покупатели молча, снисходительно отступали. В первый раз, когда Халил проделал этот фокус на глазах у Юсуфа, мальчик рассмеялся от такого неистовства. Халил шагнул к нему и шлепнул ладонью точно по мясистой части левой щеки.

Старики на террасе захохотали, отфыркиваясь, раскачиваясь и переглядываясь со знающим видом, будто давно этого ожидали. Они являлись каждый день и сидели на скамье, переговариваясь между собой, улыбаясь проделкам Халила. В отсутствие покупателей Халил полностью сосредотачивался на них, превращал их в хор, комментирующий его нелепую болтовню, вмешивался в их негромкий обмен новостями и слухами о войне со своими глубокомысленными соображениями и неотступными вопросами.

Юсуфа он неутомимо наставлял на путь истинный. День начинался с рассветом и не заканчивался вплоть до распоряжения Халила. Кошмарные сны, плач по ночам — глупость, и с этим надо немедленно покончить. Иначе решат, что его сглазили, и отправят к знахарю, тот прижжет ему спину раскаленным железом. Засыпать, привалившись к мешкам сахара в кладовке, — подлое предательство: а вдруг он обмочится и испортит сахар? Когда покупатель шутит, улыбайся, улыбайся вовсю, хоть лопни, улыбайся и не вздумай напустить на себя скучающий вид. «А что касается дяди Азиза, первым делом запомни: он тебе не дядя, — твердил Халил Юсуфу. — Вот что тебе надо понять. Слушай меня

внимательно, кифа уронго. Он тебе не дядя». Так Халил называл его в ту пору: кифа уронго, бледная немочь, ходячая смерть. Они спали на земляной террасе перед магазином, днем служили продавцами. Ночью превращались в сторожей, закутывались в грубые ситцевые покрывала. Головы сближали, а тела, наоборот, отодвигали подальше, чтобы тихо беседовать, но при этом не касаться друг друга. Если Юсуф подкатывался слишком близко, Халил яростно отпихивал его. Вокруг вились комары, пронзительным писком требовали крови. Стоило покрывалу сползти, и комары сразу же слетались на грешный пир. Юсуфу грезилось, он видит, как их зазубренные сабли пилят его плоть.

Халил объяснил:

— Ты здесь, потому что твой Ба задолжал денег сеиду. Я здесь, потому что мой Ба задолжал ему — только он уже умер, помилуй Бог его душу.

— Помилуй Бог его душу, — откликнулся Юсуф.

— Наверное, твой отец не умеет вести дела…

— Умеет! — воскликнул Юсуф, он понятия не имел, как было на самом деле, но не мог допустить подобные вольности.

— Уж во всяком случае он не настолько плох,

как мой марехему[11] отец, помилуй Бог его душу, — гнул свое Халил, не обращая внимания на протесты Юсуфа. — С ним никто не сравнится.

— Сколько твой отец задолжал ему? — спросил Юсуф.

— Неприлично задавать такие вопросы, — добродушно ответил Халил, а затем протянул руку и резко ударил мальчика по щеке, наказывая за глупость. — И не говори «ему», говори — «сеиду».

В подробностях Юсуф не разобрался, да и не видел ничего плохого в том, чтобы работать на дядю Азиза, пока не выплатит отцовский долг. Выплатит все — его отпустят домой. Только вот могли бы и предупредить перед отъездом. Он не запомнил, чтобы хоть словом упоминалось о долгах, и жили они вроде бы неплохо по сравнению с соседями. Он так и заявил Халилу, и тот долгое время молчал.

— Одно тебе скажу, — заговорил он наконец очень тихо. — Ты — глупый мальчик, ничего не понимаешь. Плачешь по ночам и кричишь во сне. Где были твои глаза и уши, когда они договорились продать тебя? Твой отец задолжал ему изрядно, иначе ты бы сюда не попал. Твой отец

---

[11] Примечания: 11
Покойник (суахили).

вернул бы деньги и ты остался бы дома, ел бы каждое утро малай[12] и мофу[13], да? Выполнял бы поручения своей мамы и тому подобное. Ты ему даже ни к чему тут, сеиду. Лишней работы нет…

Миг спустя он договорил так тихо, что Юсуф догадался: Халил не хотел, чтобы он услышал его слова и понял их:

— Наверное, у тебя нет сестры, а то бы он забрал ее.

Юсуф промолчал, он выдержал долгую паузу, чтобы показать: последняя реплика Халила не вызвала у него недолжного любопытства, хотя на самом деле он заинтересовался. Но мать частенько ругала его за манеру лезть не в свое дело, расспрашивать о соседях. Что-то сейчас поделывает мама, подумал он.

— Долго тебе еще работать на дядю Азиза?

— Он тебе не дядя! — резко ответил Халил, и Юсуф дернулся, опасаясь очередной пощечины. Миг — и Халил тихо рассмеялся. Вытянул руку из-под простыни и стукнул мальчика за ухом.

---

[12] Примечания: 12

Изначально индийское блюдо, жирные сбитые сливки, получаемые при нагреве молока.

[13] Примечания: 13

Лепешка.

— Усвой это поскорее, зума![14] Тебе это пригодится. Он не любит, когда нищие мальчишки вроде тебя называют его дядя, дядя, дядя. Он хочет, чтобы ты целовал ему руку и говорил «сеид». Это слово значит «господин» — может, ты не знал? Слышишь, что говорю, кипумбу ви[15], мелкое яичко? Сеид, так ты должен его называть. Сеид!

— Да! — поспешно ответил Юсуф, ухо еще горело от последней затрещины. — Только — долго тебе еще работать на него, прежде чем ты освободишься? Как долго мне придется оставаться тут?

— Пока твой Ба не выплатит долг или не умрет, — жизнерадостно пояснил Халил. — А в чем дело? Тебе что, не нравится тут? Он хороший человек, сеид. Он тебя не бьет, ничего такого. Если проявишь уважение, он за тобой присмотрит, чтобы с тобой плохого не случилось. Всю твою жизнь обустроит. Но если будешь плакать по ночам и видеть страшные сны… Выучи-ка арабский, тогда ты больше ему угодишь.

---

[14] Примечания: 14
Спорщик (суахили).

[15] Примечания: 15
Паховая грыжа (суахили).

6

Иногда по ночам им досаждали собаки, бродившие по темным улицам. Псы передвигались стаями, хищные, настороженные, прятались в сумраке, в кустах. Юсуфа будил шорох лап на дороге, потом он видел свирепые силуэты тел — собаки пробегали мимо. Однажды он пробудился от глубокого сна и увидел четырех псов — они замерли неподвижно через дорогу от него и от Халила. Юсуф сел, растревоженный. Глаза собак — вот что напугало его больше всего, вырвало из сна. Блеск их казался безжизненным в бледном свете неполной луны, он выражал лишь один вид знания. В этих глазах мальчик увидел жестокое расчетливое терпение, цель которого — разорить, уничтожить его жизнь. Когда Юсуф дернулся и резко сел, псы взвизгнули и убежали. Но они вернулись на следующую ночь, постояли молча какое-то время, затем ушли, словно подчиняясь некоему плану. Так они приходили ночь за ночью, и их настойчивость возрастала с ростом луны. Каждую ночь они придвигались ближе, окружали росчисть, выли в кустах. Разум Юсуфа полнился кошмарами, страх

смешивался со стыдом: он видел, что Халил вовсе не обращает внимания на собак. Если молодой человек замечал, как они подкрадываются, то швырял в них камень, и они удирали. Похоже, по ночам они приходили именно за Юсуфом. Во сне они поднимались на задние лапы, нависали над ним, длинные пасти слюняво разверсты, безжалостный взгляд скользит по его мягкому распростертому телу.

Однажды ночью они набросились — он знал, что это случится! — разойдясь веером, так что ему приходилось все время переводить взгляд с одного на другого. Было светло как днем. Самый крупный пес подошел совсем близко, встал на росчисти перед магазином. Напряженное тело гудело затяжным низким рыком, ему откликался тихий шелест лап — остальные псы расходились дугой по двору. Юсуф слышал, как они пыхтят, видел, как рты распахиваются в беззвучном рыке. Внезапно, сразу же, его внутренности раскрылись и потекли. Он вскрикнул в изумлении и увидел, как резко рванул вожак. Крик разбудил Халила, тот сел в тревоге, увидел, что собаки подошли совсем близко. Они утробно рычали, возбуждая в себе ярость, чтобы напасть. Халил выбежал во двор, вопя, размахивая руками, он швырял в

обезумевших псов камни и пригоршни грязи, все, что подворачивалось под руку. Псы развернулись и сбежали, поскуливая, щелкая друг на друга зубами, как обычно делают напуганные животные. С минуту Халил постоял во дворе, выкрикивая по-арабски проклятия вслед удирающим псам, грозя кулаком. Потом бегом вернулся, Юсуф увидел, что руки Халила дрожат. Он встал перед Юсуфом и гневно потряс кулаками. Быстро заговорил по-арабски, поясняя смысл своих слов разнообразными сердитыми жестами. Потом развернулся и обвиняюще ткнул пальцем в ту сторону, куда убежали собаки.

— Хочешь, чтоб тебя покусали? Думаешь, они поиграть с тобой пришли? Ты хуже, чем кифа уронго. Ты слабоумное дитя совсем без мужества. Чего ты ждал? Говори, малеуни[16]!

Наконец он угомонился, принюхался и помог Юсуфу добраться до крана у внешней стены запретного сада. Там возле дома стоял сарайчик, используемый как уборная, но Юсуф отказался заходить туда в темноте, а то вдруг оступится и упадет в страшную бездонную яму с дерьмом. Халил пытался его угомонить, приложив палец к

---

[16] Примечания: 16
Малеуни (суахили) — окаянный, негодяй, дьявол.

губам и легонько похлопывая по затылку, а когда это не помогло, погладил его по волосам и утер слезы с лица мальчика. Он помог ему раздеться и стоял рядом, пока Юсуф как мог отмывался под краном.

После этого собаки приходили еще несколько раз, останавливались чуть в стороне от двора, лаяли и подвывали в густой тени. Даже ночью, когда собак не было видно, ощущалось их кружение рядом с домом, слышно было шевеление в кустах. Халил рассказывал Юсуфу истории про волков и шакалов, которые похищали младенцев и воспитывали как зверей, вскармливая своим молоком и отрыгивая для них мясо. Они учили детей говорить на их языке и охотиться. Когда дети вырастали, хищники принуждали их совокупляться с ними и порождали человековолков, живущих в чащобе и питающихся исключительно тухлым мясом. Упыри тоже едят тухлое мясо, особенно человечину, плоть тех, над кем не были прочитаны заупокойные молитвы. Но они-то джинны, сотворенные из пламени, их не следует путать с волками-оборотнями — те из персти земной, как все животные. Ангелы, если хочешь знать, сотворены из света, потому и невидимы. А волки-оборотни порой затешутся и среди обыч-

ных людей.

— Ты когда-нибудь видел хоть одного? — спросил Юсуф.

Халил призадумался.

— Наверняка не скажу, — ответил он. — Но, пожалуй, видел. Они принимают другой образ, ты же знаешь. Однажды ночью под хлопковым деревом я видел очень высокого человека, он прислонился к стволу — ростом с дом и весь с головы до ног белый, аж сиял… но сиял как огонь, не как свет.

— А вдруг это был ангел? — Юсуфу очень хотелось надеяться, что так оно и было.

— Боже помилуй! Ангела никто не увидит. А этот — смеялся, прислонился к дереву и смеялся голодным смехом.

— Голодным смехом? — переспросил Юсуф.

— Я закрыл глаза и прочел молитву. Нельзя смотреть в глаза человековолку, иначе с тобой покончено, ам-ам. Когда я открыл глаза, он уже исчез. А в другой раз за мной целый час гналась пустая корзина. Я останавливаюсь — и она останавливается. Я за угол — и она за угол. Когда я шел дальше, слышал, как воет собака. А когда оглядывался — видел, что за мной движется пустая корзина.

— И ты не побежал? — голос Юсуфа упал до почтительного шепота.

— Толку-то. Оборотни бегают быстрее зебры, быстрее мысли. Обогнать оборотня может только мысль. А побежишь — они превратят тебя в животное или в раба. После Киямата[17], когда наступит конец света и Бог призовет всех к себе… после Киямата волки-оборотни будут жить в первом круге ада, тысячи тысяч волков, и будут пожирать грешников, непослушных Аллаху.

— И упыри тоже будут там?

— Наверное, — произнес Халил после долгого раздумья.

— А кто еще?

— Не знаю, — сказал Халил. — Но лучше туда не попадать. Впрочем, другие круги ада еще хуже, так что вернее будет держаться подальше от ада. А теперь спи, иначе будешь дремать на ходу, когда понадобится работать.

Халил обучал его работе в лавке. Показывал, как ворочать мешки, не надрываясь, как пересыпать зерно в бочки, чтобы не летело мимо. Показывал, как быстро считать деньги и выдавать сдачу, называть вслух монеты, различать более крупные

---

[17] Примечания: 17

Воскрешение (суахили). В исламской традиции Киямат — день Божьего суда.

и мелкие. Юсуф научился принимать деньги от покупателей и надежно зажимать банкноту в пальцах. Халил придерживал его руку, чтобы она не дрогнула, отмеряя кокосовое масло половником и отрезая проволокой требуемый кусок от длинного бруска мыла. Он ухмылялся, когда Юсуф хорошо усваивал знания, и больно бил его за ошибки, нередко на глазах у покупателей.

Покупатели смеялись, что бы он ни сделал, но их смех нисколько его не смущал. Они вечно передразнивали его акцент, неумело подражали ему и заходились хохотом. Братец научит его говорить правильнее, уверял Халил, а когда он научится говорить как следует, раздобудет себе пухленькую женушку-суахили и будет вести богоугодную жизнь. Старикам на террасе нравилось толковать о пухленьких женушках, а Халил рад был им угодить. Покупатели заставляли его повторять слова и выражения, в которых он ошибался, и Халил повторял, изо всех сил коверкая, и хохотал заодно со всеми, глаза его так и сияли.

Покупатели в основном жили поблизости, также заглядывали деревенские на обратном пути из города. Они жаловались на свою бедность и на дороговизну и помалкивали насчет собственной лжи и жестокости — как все люди. Если старики

сидели на скамье, покупатели останавливались поболтать с ними или даже заказывали у продавца кофе для почтенных отцов. Покупательницам приглянулся Юсуф, они тискали его при малейшей возможности, восхищенно смеялись в ответ на его маленькие любезности, умилялись его красоте. Одна женщина с лоснящейся черной кожей, с подвижными чертами лица, просто сходила по нему с ума. Ее звали Ма Аюза, крупная, сильная с виду женщина, голосом она могла проложить себе дорогу сквозь толпу. Юсуфу она казалась очень старой, огромной, неуклюжей, на ее лице, когда она переставала за собой следить, проступало страдание. При виде Юсуфа ее тело содрогалось и распрямлялось, как от электрического разряда, легкий вскрик вырывался из ее уст. Если мальчик не успевал ее заметить, она приближалась вплотную и обхватывала его обеими руками, и пока он вырывался, брыкаясь, она улюлюкала — радостная, торжествующая. Если же не удавалось подкрасться незаметно, она подходила с восторженными восклицаниями — «мой муж, мой господин!». Осыпала его комплиментами и посулами, соблазняла сладостями и предлагала блаженство, недоступное его воображению, если только он согласится прийти

к ней домой. Сжалься надо мной, мой супруг, кричала она. Другие мужчины, кто оказывался в этот момент рядом, предлагали взамен себя, ибо не переносили зрелища ее мук, но Аюза презрительно их отвергала. Юсуф обращался в бегство, едва завидев ее, прятался в самом темном углу магазина, а она, рыдая, призывала его. Халил изо всех сил старался помочь бедной женщине. Порой он словно случайно оставлял откидную доску прилавка незапертой, чтобы она могла проникнуть внутрь и гоняться за Юсуфом среди мешков и консервных банок. Или же посылал Юсуфа на склад сбоку от магазина, а там преследовательница уже поджидала его. Загнав его в ловушку, она неизменно обрушивалась на мальчика с неистовыми воплями, ее тело содрогалось в судорогах. Пахло от нее табаком, который она часто жевала, ее объятия и крики повергали мальчика в смущение. Всех вокруг это забавляло — только Юсуф не понимал, в чем тут смех, — и каждый спешил выдать Ма Аюзе его убежище.

— Она такая старая! — жаловался он Халилу.

— Старая! — восклицал тот. — Какое любви дело до возраста! Эта женщина любит тебя, а ты постоянно причиняешь ей страдания. Неужели ты не видишь, что у нее сердце разрывается? У

тебя нет глаз? У тебя нет чувств? Глупый кифа уронго, жалкий юный трус. Что значит старая? Посмотри на ее тело. Посмотри на ее бедра! Ее еще надолго хватит. Для тебя в самый раз.

— У нее седые волосы.

— Горстка хны… и нет седых волос. Какое тебе дело до волос? Красота глубоко в человеке, в душе, — отвечал Халил. — Не на поверхности.

— У нее зубы красные от табака, словно у тех стариков. Почему бы ей не возжелать кого-то из них?

— Купи ей зубную щетку, — посоветовал Халил.

— И живот такой большой, — ныл Юсуф, мечтая, чтобы его избавили от этих издевательств.

— Вах! Вах! — дразнился Халил. — Может быть, однажды в нашу лавку явится стройная прекрасная принцесса из самой Персии и пригласит тебя во дворец. Братец, эта прекрасная большая женщина влюблена в тебя.

— Она богата? — спросил Юсуф.

Халил рассмеялся и внезапно ласково обнял мальчика.

— Не настолько богата, чтобы вытащить тебя из этой дыры, — сказал он.

7

Они видели дядю Азиза каждый день по меньшей мере один раз, когда поздно вечером купец забирал дневную выручку. Он заглядывал в холщовый мешочек с деньгами, который вручал ему Халил, открывал записную книжку — в нее Халил заносил совершенные за день сделки, — а затем уносил и то и другое, чтобы изучить более тщательно. В иные дни они видели сеида чаще, но мельком. Он всегда был занят, проходил утром мимо лавки с задумчивым выражением лица, спеша в город, — чаще всего он выглядел так, словно обдумывал важные вопросы. Старики на террасе спокойно взирали на то, как дядя Азиз терзается мыслями. Имена стариков Юсуф уже знал: Ба Тембо, Мзе Тамим, Али Мафута, — но продолжал воспринимать их как нечто единое. Ему думалось: если зажмуриться под их болтовню, на слух не отличишь одного от другого.

Он так и не привык именовать дядю Азиза сеидом, хотя Халил давал ему затрещину всякий раз, когда слышал про «дядю». «Он тебе не дядя, глупый мальчишка-суахили. Рано или поздно тебе придется целовать ему задницу. Сеид, сеид.

А не дядя, дядя. Ну же, повторяй за мной: сеид!» Но не получалось. Если заходил разговор о дяде-сеиде, Юсуф говорил просто «он» или делал паузу, которую Халил тут же раздраженно заполнял.

Через несколько месяцев после приезда Юсуфа — он заставил себя сбиться со счета, и это своеобразное достижение показало, что дни могут тянуться дольше недель, если встречаешь и провожаешь их без радости, — начались приготовления к путешествию вглубь страны. Теперь дядя Азиз подолгу разговаривал с Халилом вечерами, сидя перед магазином на скамье, которую днем занимали старики. Между ними ярко горела лампа, сплющивая лица собеседников, придавая им иллюзию искренности. Юсуфу казалось, он стал немного понимать арабский, но это его не интересовало. Дядя Азиз просматривал вместе с Халилом записную книжку, в которой Халил отмечал покупки, они перелистывали страницы взад-вперед, складывали, подытоживали. Юсуф сидел на корточках рядом, прислушивался к их встревоженным голосам — эти двое словно опасались чего-то. Халил говорил напряженно, не мог сдержать голос, глаза его лихорадочно сверкали. Порой дядя Азиз внезапно смеялся, Халил так и подпрыгивал от неожиданности. А чаще купец

слушал с обычной своей небрежностью, неподвижный, как будто озабоченный чем-то другим. Если и говорил, то очень спокойно — впрочем, если требовалось, голос его сразу же твердел.

Подготовка к путешествию ускорялась, оборачивалась хаосом. В самое неожиданное время доставляли свертки и крупный багаж, их заносили в склады, тянувшиеся сбоку от дома. Мешки и рулоны ткани сваливали в лавке.

По углам террасы возникали кучи разнообразных форм, с самыми причудливыми запахами. Их накрывали мешковиной, чтобы уберечь от пыли. Вместе с грузами являлись неразговорчивые надсмотрщики, рассаживались настороже, потеснив со скамьи стариков, отгоняли детей и взрослых покупателей — всех так и притягивал таинственный товар. Надсмотрщики — сомалиец и ньямвези — были вооружены тонкими тростями и бичами. На самом деле не такие уж они были неразговорчивые, но их речь понимали только они двое. Юсуфу они казались свирепыми, страшными — мужчины, готовые к войне. Он не смел даже смотреть на них в открытую, а они его и вовсе не замечали. Мньяпара ва сафари, начальник каравана, будет ждать спутников где-то в глубине материка, сообщил Юсуфу Халил. Сеид

слишком знатный купец, чтобы самому собирать караван и руководить им. Обычно мньяпара приезжает заранее, нанимает носильщиков, закупает припасы, но на этот раз ему нужно сначала разобраться с делами. Говоря это, Халил многозначительно закатил глаза. Непростые дела, а то бы давно уже был здесь. Наверное, что-то малопочтенное. Что-то устраивает, организует контрабанду или сводит старые счеты — какая-то грязь, та или иная. Когда этот человек поблизости, всегда происходит неладное. Звать мньяпару Мохаммед Абдалла, сказал Халил и преувеличенно вздрогнул, произнося его имя. «Дьявол, — сказал он. — Жестокосердый мучитель душ, ни мудрости, ни милосердия. Но сеид высоко его ценит, невзирая на все его пороки».

— Куда они отправляются? — спросил Юсуф.

— Торговать с дикарями, — ответил Халил. — Такова жизнь сеида. Вот что он делает. Он едет к диким племенам, продает им свой товар и закупает то, чем торгуют они. Покупает все, кроме рабов — их перестал покупать даже прежде, чем правительство запретило. Торговать рабами — дело опасное и непочетное.

— Надолго они уходят?

— На несколько месяцев, а бывает, и на год, —

отвечал Халил, ухмыляясь от странной гордости. — Так живут купцы. Они не спрашивают, сколько времени займет путешествие. Встают и отправляются через горы во все стороны и не возвращаются, пока не продадут весь товар. Сеид мастер своего дела, он всегда заключает выгодные сделки и быстро возвращается. Так что и эта экспедиция вряд ли надолго, так, подзаработать на повседневные расходы.

Днем приходили мужчины, нанимались на работу, торговались об условиях с дядей Азизом. Некоторые приносили рекомендации от прежних нанимателей, были в их числе и старики, те принимались умолять с горящими отчаянием глазами, когда им отказывали.

Наконец, однажды утром, когда хаос сделался уже невыносимым, они выступили в поход. Барабан, рог, тамбурин заиграли весело, с таким напором — не устоишь, и повели всех прочь. Следом за музыкантами растянулась цепочка носильщиков с мешками и свертками, они бойко переругивались, задирали зевак, пришедших их проводить. Сомалиец и ньямвези угрожающе размахивали тростями и кнутами, отгоняя любопытствующих, дядя Азиз стоял и смотрел, как они проходили мимо, по его лицу блуждала

улыбка, то ли насмешливая, то ли горькая. Когда процессия почти скрылась из виду, он обернулся к Халилу и Юсуфу. Быстро — скорее это был намек на жест, чем движение, — оглянулся через плечо на дальнюю дверь в глубине сада, как будто услышал чей-то зов. Потом улыбнулся Юсуфу и протянул руку для поцелуя. Когда мальчик склонился над хозяйской рукой, окунулся в облако духов и благовоний, другая рука слегка погладила его по шее. Юсуфу припомнилась монета в десять анн, и он чуть не сомлел от нахлынувших запахов курятника и дровяного двора. В последний момент, как нечто для него неважное, дядя Азиз заметил громогласные прощальные восклицания Халила, протянул и ему руку для поцелуя и отправился в путь.

Они смотрели вслед своему хозяину, пока тот не исчез за поворотом. Тогда Халил обернулся и улыбнулся Юсуфу.

— Может, он приведет с собой еще одного мальчонку, — сказал он. — Или на этот раз девочку.

В отсутствие дяди Азиза Халил уже не носился, как шальной. Старики вернулись на террасу, обменивались жизненными премудростями и дразнили Халила, мол, снова он тут полновластный хозяин. Юноша занимался всеми

домашними делами и по утрам наведывался туда, однако ничем не делился, даже если Юсуф проявлял интерес. Халил расплачивался со стариком, который каждый день приносил овощи и входил в дверь сада, сгорбившись под тяжестью корзин. Иногда спозаранку Халил давал деньги соседскому мальчишке и посылал его на рынок. Мальчика звали Кисимамаджонгу, он мурлыкал себе под нос песенки, гонял туда-сюда, выполняя поручения. Держался он как закаленный жизнью мужчина, чем всех смешил, потому что был худой, болезненный, одетый в лохмотья, уличные мальчишки нередко его поколачивали. Никто не знал, где он ночует, дома у него не было. Его Халил тоже именовал кифа уронго. «Еще один. Вернее — первый из вас», — говорил он.

Каждое утро старик-садовник Хамдани приходил ухаживать за деревьями и кустами в запретном саду, чистить пруд и водные каналы. Он никогда ни с кем не разговаривал, без улыбки делал свою работу, тихо напевая стихи из Корана и касыды[18]. В полдень совершал омовение и молился в саду, чуть позднее безмолвно удалялся. Покупатели считали его святым, шептались,

[18] Примечания: 18

Касыда (касида) — твердая поэтическая форма народов Ближнего и Среднего Востока, Средней и Южной Азии.

что он обладает тайным знанием о лекарствах и способах исцеления.

В час обеда Халил ходил в дом и возвращался с двумя тарелками еды для них обоих, потом уносил пустую посуду. Вечером он относил в дом холщовый мешочек с деньгами и записную книжку. Иногда поздно ночью до Юсуфа доносились резкие голоса. Он знал, что в доме, скрытые от глаз, живут женщины. Всегда там были. Сам он никогда не заходил дальше крана, вделанного в стену сада, но оттуда мог разглядеть сушившееся на веревке белье, цветные, яркие рубашки и простыни и гадал, когда же обладательницы голосов успевают все это развесить. Их навещали женщины, с головы до ног закутанные в черный буйбуй[19]. Проходя мимо, здоровались с Халилом по-арабски, задавали вопросы о Юсуфе. Халил отвечал, отводя глаза, чтобы не глядеть на них в упор. Порой из черных складок выныривала расписанная хной рука, гладила Юсуфа по щеке. От женщин тянуло крепкими духами, как из маминого сундука с одеждой, вспоминал Юсуф. Мама называла это благовоние уд, объясняла, что оно сделано из алоэ, амбры и мускуса — от этих

[19] Примечания: 19
Чадра (суахили).

названий почему-то трепыхалось сердце.

— Кто живет там, внутри? — не выдержал наконец Юсуф. Он не решался ни о чем спрашивать, пока дядя Азиз не уехал. Он не мыслил себе иных желаний, кроме возникающих из их образа жизни, а жили они как бы во власти случая, в любой момент все могло перемениться. Средоточием и смыслом их жизни был дядя Азиз, все вращалось вокруг него. Юсуф еще не научился понимать дядю Азиза отдельно от этого движения жизни и лишь сейчас, в его отсутствие, начал разделять его и всех остальных.

— Кто живет внутри? — спросил он. Они уже заперли двор на ночь, но еще возились в магазине, Юсуф отвешивал сахар, а Халил сворачивал фунтики и пересыпал сахар в них. Мгновение казалось, будто Халил не слышал вопроса, даже после того как Юсуф его повторил, но потом юноша замер и посмотрел на своего помощника с кротким удивлением. Не следовало проявлять интерес, запоздало сообразил Юсуф и приготовился к затрещинам, которые Халил все еще отвешивал ему за те или иные промахи, но на этот раз Халил улыбнулся и отвел глаза, избегая напряженного взгляда Юсуфа.

— Госпожа, — сказал он и приложил палец к

губам, приказывая воздержаться от новых вопросов. Предостерегающе кивнул в сторону задней стены магазина. После этого они вертели фунтики в молчании.

Потом они сидели под хлопковым деревом на краю росчисти, в гроте света, очерченного фонарем. Насекомые бились о стекло, сходя с ума от невозможности броситься в огонь.

— Госпожа безумна, — внезапно произнес Халил и рассмеялся в ответ на тихое восклицание Юсуфа. — Твоя тетушка. Что же ты не зовешь ее тетей? Она очень богата, но она — старая больная женщина. Обходись с ней любезно — авось оставит тебе все свои деньги. Когда сеид женился на ней, много лет назад, он сразу разбогател. Но она очень уродлива. У нее болезнь. Много лет к ней ходили врачи, ученые хакимы[20] с длинными седыми бородами читали молитвы, мганга[21] из-за гор приносили свои зелья, но ничего не помогает. Приходили даже целители коров и верблюдов. Ее болезнь — словно рана в сердце. Не человеческой рукой нанесенная рана, понимаешь? Что-то дурное коснулось ее. Она прячется от людей.

---

[20] Примечания: 20
Врач (арабский).

[21] Примечания: 21
Знахари (суахили).

Халил замолчал и больше ничего не хотел говорить. Юсуф почувствовал, что, пока Халил говорил, привычная его насмешливость превратилась в печаль, и искал слова, которыми сумел бы хоть немного его ободрить. Что в доме прячется безумная старуха — это его нисколько не удивило. Именно так случалось в историях, которые рассказывала ему мать. В тех историях причиной безумия становилась любовь, которая не привела к добру, или же человека могли околдовать, чтобы присвоить наследство, или же до безумия доводила неосуществленная месть. И с безумием ничего не поделаешь, пока не устранишь его причину, пока не будет снято проклятие. Он хотел сказать это Халилу: не горюй, все еще исправится прежде, чем история подойдет к концу. Он дал себе зарок: если когда-нибудь столкнется с безумной госпожой, сразу отведет взгляд и прочтет про себя молитву. Ему не хотелось думать о маме или о том, как она рассказывала ему истории. Печаль Халила удручала его, и он сказал первое, что пришло в голову, только бы разговорить друга.

— Тебе мама рассказывала истории? — спросил он.

— Мама, мне? — изумился захваченный врас-

плох Халил.

Чуть подождав — Халил так ничего больше и не сказал, — Юсуф повторил:

— Рассказывала?

— Не спрашивай меня о ней. Ее нет. Никого больше нет. Все ушли, — ответил Халил. Он быстро произнес какие-то арабские фразы и, кажется, готов был ударить Юсуфа. — Все ушли, глупый ты мальчишка, кифа уронго. Все уехали в Аравию. Бросили меня здесь. Мама, братья… все.

Глаза Юсуфа увлажнились. Его охватила тоска по дому. Всеми покинутый… он пытался сдержать слезы. Халил вздохнул, вытянул руку и слегка ударил мальчика по затылку.

— Все, кроме вот этого маленького братца, — сказал он и рассмеялся: Юсуф не выдержал и взвыл от жалости к себе.

Обычно они запирали лавку на час-другой посреди дня в пятницу, но когда дядя Азиз уехал, Юсуф предложил Халилу провести в городе всю вторую половину дня. В дневную жару он различал на горизонте блеск моря и слышал, как покупатели толкуют о чудесном улове. Халил ответил, что никого в городе не знает и гавань-то видел всего один раз с тех пор, как в глубокой ночи его сгрузили с корабля прямо в руки сеиду.

И после стольких лет у него так и не появилось в городе знакомых, кого он мог бы навестить, сказал Халил. Он ни у кого не бывал дома. В Ид он всегда сопровождает сеида в Джума-мечеть[22] помолиться, и однажды его взяли с собой на похороны, однако он не знает даже, кого хоронили.

— Так пойдем, осмотримся, — сказал Юсуф. — Можем спуститься в гавань.

— Потеряемся, — нервно рассмеялся Халил.

— Ни за что, — решительно ответил Юсуф.

— Шабаб[23]! Какой у меня храбрый братец! — Халил шлепнул Юсуфа по спине. — Уж ты за мной присмотришь.

Выйдя из лавки, они вскоре столкнулись с одним из постоянных покупателей и поздоровались с ним. Затем влились в уличную толпу и вместе с потоком оказались внутри мечети, на пятничной молитве. Юсуф невольно отметил, что Халил путается в словах и не знает, какие требуются жесты. Потом они прогулялись по берегу, посмотрели на корабли и лодки. Юсуф никогда прежде не бывал у самого моря, он онемел от такого величия. Он думал, на берегу воздух будет

---

[22] Примечания: 22
Соборная мечеть для коллективной молитвы в пятницу.

[23] Примечания: 23
Зд.: ишь, молодой! (суахили).

свежим и солоноватым, но здесь пахло навозом, табаком и сырой древесиной. И еще какой-то резкий, едкий запах, позднее выяснилось, что от водорослей. На берегу отдыхали рядами лодки, чуть дальше расположились под навесами, вокруг костров, хозяева этих суденышек — рыбаки. Ждут прилива, сказали они. Примерно за два часа до заката начнется прилив. Они подвинулись, и Халил преспокойно уселся рядом, потянув за собой и Юсуфа. В двух закопченных котлах готовилась еда — рис и шпинат. Ее переложили в потрескавшуюся круглую миску, из которой ели все вместе.

— Я жил в рыбацкой деревне на берегу к югу отсюда, — сказал Халил, когда они простились с рыбаками.

Весь день они болтались по городу, смеялись над всем, над чем не боялись смеяться. Купили палку сахарного тростника и кулек орехов, остановились посмотреть, как мальчики играют в кипанде. Не присоединиться ли к ним, спросил Юсуф Халила, и тот важно кивнул. Правил игры он не знал, но за несколько минут наблюдения уловил общую идею. Он подтянул саруни, заправив в набедренную повязку, и, как одержимый, помчался за кипанде. Мальчишки хохотали,

награждали его всяческими прозвищами. При первой же возможности Халил завладел битой и передал ее Юсуфу, а тот с небрежной уверенностью мастера принялся зарабатывать очко за очком. Каждую его удачу Халил встречал аплодисментами, а когда Юсуфа наконец выбили из игры, он подхватил его на плечи и понес, как мальчик ни бился, пытаясь вырваться и слезть.

На обратном пути они видели, как на вечереющих улицах собираются псы. В сумерках их тела казались тощими, шелудивыми, клокастая шерсть свалялась. Глаза, столь беспощадные в лунном свете, при свете дня слезились и заплывали гноем. Кровавые язвы на их телах привлекали полчища мух.

После той игры в кипанде покупатели наслушались славословий Юсуфовым подвигам. С каждым рассказом Халил все более преувеличивал достижения своего «братца», а себя все более выставлял неуклюжим чудаком. Он, как всегда, готов был на все, лишь бы рассмешить покупателей, особенно девушек и молодых женщин, так что к тому времени, как послушать эту историю явилась Ма Аюза, игра превратилась в побоище, из которого Юсуф вышел победителем, а рядом с ним плясал его верный шут, воспевая ему хвалу.

Юсуф великолепный, благословенный Богом, новый Зу-ль-Карнайн, поразивший народы Яджудж и Маджудж. Ма Аюза вскрикивала и хлопала в ладоши именно тогда, когда следовало, слушая, как сверкающий меч Юсуфа поражал одного воображаемого врага за другим. А под конец повествования, как Юсуф мог бы предсказать с самого начала, Ма Аюза испустила радостный вопль и погналась за ним. Покупатели и старики на террасе смеялись, подначивали ее, науськивали. Бежать было некуда. Она схватила Юсуфа и, содрогаясь от страсти, дотащила до хлопкового дерева, прежде чем он сумел высвободиться.

— Кто эти маджуджи, про которых ты толковал Ма Аюзе? Что это за история? — спросил Юсуф Халила. Тот сначала отмахнулся, озабоченный — только что вернулся из дома после вечернего посещения. Потом сказал:

— Зу-ль Карнайн — маленькая крылатая лошадка. Если поймаешь ее и изжаришь на костре из гвоздичного дерева, и съешь по кусочку от каждой ноги и от крыльев, у тебя появится власть над ведьмами и демонами и упырями. Сможешь послать их, если захочешь, за прекрасной стройной принцессой в Персию, Индию или Китай. Но и цену заплатишь немалую — станешь пленни-

ком Яджудж и Маджудж на всю жизнь.

Юсуф тихо ждал продолжения, в услышанное не слишком верилось.

— Ладно, скажу тебе правду, — усмехнулся Халил. — Не стану дурачиться. Зу-ль Карнайн — это Двурогий, Искандер Завоеватель[24], который покорил весь мир. Слыхал про Искандера Завоевателя? Завоевывая мир, он добрался до самой окраины, к народу, который ему рассказал, что севернее живут народы Яджудж и Маджудж, варвары, не знающие человеческого языка, они только и делали, что разоряли соседние земли. Так что Зу-ль Карнайн построил стену, через которую Яджудж и Маджудж не могли перелезть и подкопаться тоже не могли. Эта стена обозначает границу обитаемого мира. По ту сторону — варвары и демоны.

— Из чего была построена стена? Яджудж и Маджудж все еще там? — всполошился Юсуф.

— А я откуда знаю? — рассердился Халил. — Оставь меня в покое наконец. Тебе бы только истории, истории. Я собираюсь хоть немного поспать.

Без дяди Азиза Халил отчасти утратил интерес

---

[24] Примечания: 24
Александр Македонский.

к лавке. Он все чаще заходил в дом и не так ругал Юсуфа, если тот забредал в сад. Сад был огорожен со всех сторон, оставалась лишь широкая дверь рядом с передней террасой дома. Тишина и прохлада запретного сада, ощутимые даже со стороны, очаровали Юсуфа в первый же день, когда он попал сюда. И теперь, без дяди, он зашел за стену и обнаружил, что сад делится на четверти, в середине пруд, и во все четыре стороны расходятся каналы. Четверти были засажены деревьями и кустами, некоторые как раз в цвету — лаванда, лавсония, розмарин и алоэ. На открытых участках между кустами — клевер и травы, кое-где небольшие клумбы ирисов и лилий. По ту сторону пруда, ближе к дальнему концу сада, на земляных террасах росли маки, желтые розы и жасмин — их распределили как бы случайным образом, в подражание природе. Юсуфу грезилось, будто по ночам благоухание пропитывает воздух, от него кружилась голова. В таком восторженном состоянии ему даже чудилась музыка.

Апельсиновые и гранатовые деревья тоже были прихотливо разбросаны по саду, и, прохаживаясь в их тени, Юсуф чувствовал, что вторгается в запретное, виновато вдыхал аромат их цветов. Со стволов свисали зеркала — слишком высоко,

чтобы мальчик разглядел себя в них. Лежа на земляной террасе перед магазином, Юсуф заговаривал с Халилом о саде, о его красоте. И хотя не смел сказать этого вслух, в такие минуты он более всего хотел бы оказаться затворником в тихом гроте — надолго. Гранат, втолковывал ему Халил, царь всех плодов. Он — не апельсин. Не персик, не абрикос, но соединяет в себе все их свойства. Это дерево плодородия, его ствол и плод упруги и податливы, как живая плоть. Но твердые, без сока, семена, которые Юсуфу были предложены в доказательство этого учения — дерзновенно извлечены из плода, висевшего в саду, — вовсе не напоминали вкусом апельсин, впрочем, Юсуф и не любил апельсины. Про персики он слыхом не слыхивал.

— А каковы абрикосы? — спросил он.

— Не так хороши, как гранаты, — сказал Халил и, кажется, рассердился.

— Значит, абрикосы мне не понравятся, — решительно заявил Юсуф, а Халил его словно и не услышал.

Но Халил и правда проводил теперь много времени в доме, а Юсуф как можно чаще наведывался в сад, хотя и понимал, что его визиты не остаются незамеченными. Он слышал, как

взмывает внутри дворика при доме жалобный голос, и догадывался, что голос этот поверх стены обращается к нему. Госпожа.

— Она видела тебя, — говорил ему Халил. — Сказала, что ты красивый мальчик. Она наблюдает в зеркалах на деревьях, когда ты гуляешь в саду. Ты заметил зеркала?

Юсуф думал, Халил посмеется над ним, как смеялся над пылом Ма Аюзы, но Халил сделался угрюм и недоволен, чем-то он был озабочен.

— Она очень старая? — спросил Юсуф, пытаясь спровоцировать Халила на обычные его подначки. — Госпожа — старая совсем?

— Да.

— И уродливая?

— Да.

— Жирная?

— Да.

— Она сумасшедшая? — продолжал Юсуф, как зачарованный наблюдая за нарастающим, но словно бесстрастным гневом Халила. — У нее есть слуги? Кто готовит?

Халил отвесил ему несколько пощечин, потом сильно ударил по голове. Он зажал голову мальчика между своих коленей и подержал так, а потом резко его оттолкнул.

— Ты ее слуга. Я ее слуга. Мы ее рабы. Ты совсем головой не думаешь? Глупый мальчишка-суахили, жалкий идиот… Она больна. Ты совсем не смотришь глазами? Такому, как ты, лучше сдохнуть. С тобой каких только бед не приключится, а ты так ничего и не сделаешь. Пошел прочь! — завопил Халил, в уголках его рта выступила пена, тощее тело затряслось от сдерживаемой ярости.

Город в горах

1

А потом его неожиданно взяли в путешествие вглубь страны. Он-то уже привык к тому, что время от времени дядя Азиз уходит с караваном. И на этот раз приготовления зашли довольно далеко, когда Юсуф узнал, что и он тоже поедет. Провизию складывали у задней стены лавки и на террасе. Благоухающие мешки с финиками и засушенными фруктами громоздились в одной из боковых кладовок. Пчелы и осы пробирались сквозь зарешеченные окна, привлеченные ароматом и сладким соком, сочившимся из плетенных соломенных мешков. Другие грузы, пахнувшие кожей и копытами, поспешно препровождались в дом. Странной формы, накрыты дерюгой. Магенао[25], шепнул Халил, контрабанда, отправляется за границу. Большие деньги. Покупатели следили за прибытием покрытых дерюгой грузов, приподнимая брови, обмениваясь довольными взглядами посвященных со стариками, а те, согнанные с привычной скамьи на террасе, преспокойно продолжали наблюдать, рассевшись под деревьями,

[25] Примечания: 25
Контрабанда (суахили).

кивали и ухмылялись, словно были причастны ко всему происходящему. Старики то и дело отлавливали Юсуфа, принуждая его слушать ленивую и осторожную беседу о геморроидальных шишках, работе кишечника или же запорах — в зависимости от того, кому он попадался в руки. И он терпел болтовню о муках угасающих тел в надежде послушать истории иных путешествий, посмотреть, как старики позабывают о своих заботах, возбужденные приготовлениями к новому походу.

В воздухе уже пахло дальней дорогой — густым ароматом иных мест — и звенели громкие распоряжения. По мере того как день отбытия приближался, хаос нехотя сдавал свои позиции. Спокойная, чуть насмешливая улыбка дяди Азиза, его суровое бесстрастное лицо как бы приказывали всем вести себя достойно. В конце концов караван отбывал в ореоле благого спокойствия, его возглавлял трубач, выдувавший из рога журчащую мелодию, барабанщик одобрительно выбивал ритм. Прохожие останавливались, смотрели на караван, улыбались, махали немного печально. Никто из них и не подумал бы отрицать, что походы вглубь страны — предназначение их жизни, и все знали слова, способные

объяснить необходимость таких походов.

Юсуф уже много таких караванов проводил, полюбил напористую суету приготовлений. И он, и Халил помогали носильщикам и сторожам, таскали большие и малые грузы, охраняли, пересчитывали. Сам дядя Азиз редко принимал участие в хлопотах. Обо всех мелочах заботился мньяпара, Мохаммед Абдалла. Дьявол! Всякий раз, собираясь в дальний поход, дядя Азиз посылал куда-то внутрь материка за мньяпарой. Тот всегда являлся, ибо дядя Азиз был купец с большими средствами, он мог снарядить экспедицию самостоятельно, не обращаясь за кредитом к индийским мукки. Работать на такого человека считалось честью. А уж носильщиков и охранников Мохаммед Абдалла нанимал сам, обговаривал их долю в прибыли. Он же и следил за их поведением. По большей части это были жители побережья, они сходились издалека — из Килифи, Линди и Мримы. Мньяпара умел внушить им всем страх. Его оскал, порыкивание, безжалостный огонь глаз сулили боль и ничего, кроме боли, всякому, кто его разозлит. Самые простые, заурядные телодвижения он исполнял, помня о своей власти и упиваясь ею. Это был высокий, сильный с виду мужчина, он расхаживал,

расправив плечи, готовый ответить на любой вызов. У него были высокие скулы, под кожей ходили жилки, словно от каких-то непростых, едва сдерживаемых порывов. При нем всегда имелась тонкая бамбуковая трость. Он бурно жестикулировал ею, со свистом разрезая воздух, когда злился, обрушивал удар на ленивую задницу, когда кипел от гнева. Было известно, что он бессердечный содомит, в рассеянности он нередко поглаживал свои чресла прилюдно. Говорили (чаще всего те, кому он отказал в работе), что он подбирает носильщиков, согласных в дороге не раз опускаться на четвереньки и ублажать его.

Порой он поглядывал на Юсуфа с пугающей улыбкой, покачивал головой, наслаждаясь. Машалла! — говорил он. Божье чудо! Взгляд его в такие моменты смягчался предчувствием удовольствия, рот приоткрывался в не свойственной этому человеку усмешке, выставляя напоказ испачканные жевательным табаком зубы. Когда ему припадала такая охота, он испускал тяжелые вздохи похоти и с улыбкой бормотал строки песни о природе красоты. Это он сообщил Юсуфу, что его берут с собой, и простые указания, которые он дал при этом, тоже звучали угрозой.

Юсуф вовсе не обрадовался внезапному вме-

шательству в спокойную жизнь раба, к которой привык за годы. Несмотря ни на что, он не чувствовал себя несчастным в магазине дяди Азиза. Он уже вполне осознал свою роль здесь — рехани, отданный в залог, в обеспечение долгов своего отца. Нетрудно было сообразить, что отец из года в год накапливал долг и этот долг превысил даже ту сумму, которую можно было бы выручить, продав гостиницу. Или же ему не повезло, или он глупо распорядился не своими деньгами. Халил говорил ему, что у сеида это в обычае, чтобы, когда ему что-то понадобится, всегда нашлись люди, кому это можно поручить. Если сеиду позарез требовались деньги, он приносил в жертву кое-кого из должников и собирал нужные средства.

Быть может, когда-нибудь отцу удастся поправить дела и он приедет и выкупит Юсуфа. Он плакал о матери и об отце — когда мог. Иногда впадал в панику при мысли, что их образы постепенно стираются из памяти. Звук их голосов, особые черточки — смех матери, редкая улыбка отца — возвращались, и тогда он успокаивался. Нет, он не тосковал по ним — или, во всяком случае, тоска с каждым днем стихала, но расставание с домом было самым памятным моментом его жизни, вот мальчик и цеплялся за него и гру-

стил о своей утрате. Он думал, сколько всего ему следовало знать о родителях, о чем следовало их расспросить. Думал об их ожесточенных ссорах, которые его пугали. Именах двух мальчиков, отплывших из Багамойо и пропавших в море. Названиях деревьев. Если б он сообразил вовремя расспросить обо всем этом родителей, он бы, наверное, не чувствовал себя таким невеждой, его бы не отделяла от всех и всего зияющая пропасть. Он выполнял поручения, следовал наставлениям Халила, привык полагаться на «старшего брата». Когда разрешали, копался в саду. Старый садовник, Мзе Хамдани, который приходил ухаживать за растениями с утра и до середины дня, оценил его любовь к саду. Старик почти всегда молчал и сердился, если его вынуждали прервать песнопения во славу Бога — некоторые из них он сочинял сам — и выслушивать чью-то речь. Каждое утро он приступал к работе, ни с кем не здороваясь, наполнял ведра и шагал по тропинке, расплескивая воду, словно на свете не существовало ничего, кроме сада и его работы. Когда становилось слишком жарко, он усаживался в тени под тем или иным деревом и читал маленькую книжицу, бормоча, слегка раскачиваясь, погруженный в экстатическое служение. Днем, после молитв,

он мыл ноги и уходил. Мзе Хамдани позволял Юсуфу помогать, если тот напрашивался, но не давал указаний, а только не прогонял мальчика. Во второй половине дня, когда солнце близилось к закату, сад целиком принадлежал Юсуфу. Тогда он поливал, обрезал ветки, расхаживал среди деревьев и кустов. Сварливый голос все еще возникал по ту сторону стены и гнал его прочь, когда темнело, хотя порой оттуда в густеющих сумерках доносились и вздохи, и обрывки песен. Этот голос пробуждал в нем печаль. Однажды мальчик услыхал приглушенный вопль тоски, напомнивший ему о матери. Он остановился под стеной и вслушался, дрожа от страха.

Он давно уже не расспрашивал о госпоже. Такие вопросы лишь сердили Халила. Это не наше дело, не задавай бессмысленных вопросов. Ты навлечешь кисимни… злосчастье. Хочешь обрушить на нас беду? Юсуф понимал, чего требует от него гнев Халила: помалкивать о госпоже, — но невольно перехватывал взгляды, которыми обменивались покупатели, расспрашивая, как того требовала вежливость, о делах домашних. Бродя вечерами по городу, Халил и Юсуф видели огромные молчаливые дома с глухими передними стенами, где жили богатые оманцы.

— Они выдают дочерей только за сыновей своих братьев, — объяснил мальчику кто-то из покупателей. — В иных из этих крепостей заперто слабое потомство, о котором никогда и словом не упоминают. Порой видишь лица этих бедолажек, они прижимаются к решетке окна там, на самом верху. Один Бог знает, в каком смятении они взирают на наш жалкий мир. А может, они сознают, что это кара за грехи отцов.

Они ходили в город каждую пятницу — молились в соборной мечети, играли в кипанде и футбол на улице. Прохожие кричали Халилу, что ему пора уже стать главой семьи, а не забавляться с ребятишками. Люди будут говорить о тебе, приклеят к тебе грязные клички, предупреждали они. Однажды старуха остановилась и несколько минут смотрела на игру, пока Халил не подошел ближе, тогда она сплюнула наземь и ушла. На закате они прогуливались у моря и разговаривали с рыбаками, если кто-то из них оставался на берегу. Им предлагали покурить, и Халил с благодарностью принимал, не давая Юсуфу. Он слишком красив, чтобы курить, говорили рыбаки. Это его испортит. Курево — дьявольская уловка, грех. Но как без него жить бедняку? Юсуф вспоминал трагические истории Мохаммада, нищего по-

бродяги, — как он лишился любящей матери и орошаемой земли к югу от Виту — и нисколько не противился такому запрету. Рыбаки рассказывали о своих приключениях, о чудесах и ужасах, случавшихся с ними в море. Тихо и торжественно говорили они о демонах, спускавшихся прямо им на голову с ясного неба в образе внезапной бури или же поднимавшихся из темной ночной пучины в образе гигантских светящихся скатов. Снисходительные друг к другу, они обменивались вымыслами о достопамятных битвах против могущественных и доблестных врагов.

Потом мальчики смотрели, как играют в карты возле кафе, или покупали еду и ели на открытом воздухе. Иногда на улице случались танцы или концерты, затягивавшиеся до поздней ночи, — так отмечались сезонные праздники или чья-то личная удача. Юсуф чувствовал себя в городе как дома, он бы охотно наведывался туда чаще, но он видел, что Халилу там не по себе. Счастливее всего Халил был у себя за прилавком, перекидываясь шуточками с покупателями, нарочито усиливая свой арабский выговор. Такому общению он радовался совершенно искренне, смеялся подначкам, насмешкам над собой с таким же удовольствием, с каким смеялись сами покупа-

тели, внимательно и сочувственно выслушивал истории о жизненных тяготах, о незаживающих болячках. Ма Аюза сказала, если б она не была уже просватана за Юсуфа, она бы присмотрелась к Халилу, ничего, что он тощий и суетливый.

Однажды вечером они пошли в центр старого города на индийскую свадьбу — не в качестве гостей, а в составе немытой толпы, явившейся посмотреть, как выставляют напоказ семейное преуспеяние и подобающие чувства. Все были поражены богато расшитыми платьями и золотыми украшениями, хлопали при виде веселых разноцветных мужских тюрбанов. Воздух полнился тяжелыми древними ароматами, густой дым благовоний поднимался от медных горшков, расставленных на дороге перед домом. Благовония заглушали запах, доносившийся из крытых сточных канав вдоль дороги. Процессию, которая сопровождала невесту, возглавляли двое мужчин, они несли большой зеленый фонарь в форме многокупольного, с луковичными сводами, дворца. По обе стороны от невесты двумя рядами выстроились молодые люди, они пели и прыскали розовой водой на тех, кто толпился у дороги. Некоторые юноши казались смущенными, зеваки почуяли это и принялись осыпать

их насмешками и оскорблениями, чтобы еще больше смутить. Невеста выглядела совсем юной, девочка-веточка. С головы до ног она была закутана в шелковые, затканные золотом покровы.

На ее запястьях и лодыжках тускло сияли тяжелые браслеты, большие серьги мерцали, словно яркая тень, из-под вуали. Яркий свет фонаря выхватил из тени силуэт склоненного лица, когда новобрачная входила в узкую калитку дома, где жил ее супруг.

Затем на улицу вынесли блюда с угощением для зевак — самосу[26], ладду[27], миндальную халву. Музыка играла до поздней ночи, струнные и ударные инструменты сопровождали голоса, которые звучали с прекрасной ясностью и точностью. Слов этих песен никто в толпе перед домом не понимал, но все равно люди остались послушать. Песни делались все более грустными по мере того, как ночь тянулась, и постепенно зеваки начали молча расходиться, спугнутые той печалью, что сулили эти песни.

---

[26] Примечания: 26

Самоса (более известная у нас как самса) — треугольные пирожки с начинкой.

[27] Примечания: 27

Ладду — десерт из нутовой муки и топленого масла с орехами и специями.

2

Киджана мзури. «Красивый мальчик», — произнес Мохаммед Абдалла, остановившись перед Юсуфом. Он обхватил его подбородок ладонью — на ощупь ладонь была неровная, чешуйчатая. Юсуф мотнул головой, высвобождаясь, в подбородке запульсировала кровь.

— Ты едешь с нами. Сеид велел, чтобы ты был готов к утру. Поедешь с нами, будешь учиться торговать, узнаешь разницу между обычаями цивилизованных людей и обычаями дикарей. Настало тебе время повзрослеть и увидеть мир, а не возиться в грязной лавке.

По лицу надсмотрщика, пока он это говорил, расползалась улыбка, оскал хищника, напомнивший Юсуфу о псах, которые проникали в тайные закоулки его кошмаров.

Юсуф поспешил к Халилу в надежде на сочувствие, но тот не стал жалеть его и плакать о его участи. Он рассмеялся и ткнул «братца» кулаком в плечо — вроде бы игриво, но больно.

— А ты хотел вечно сидеть тут да копаться в саду? И петь касыды, как сумасшедший Мзе Хамдани? Там тебя тоже ждут сады. Одолжи у сеида

мотыгу. Он их много дюжин везет, будет меняться с дикарями. Они обожают мотыги, эти племена. Откуда мне знать почему? Я слыхал, драться они тоже любят. Но тебе все об этом известно. Могу не трудиться рассказывать. Ты сам родом из диких краев — там, в горах. Чего ты боишься? Тебе отлично будет. Скажи им, что ты один из местных принцев, вернулся домой подыскать себе жену.

В тот вечер Халил избегал его, возился в лавке, увлеченно болтал с носильщиками. Когда же не мог более его избегать, поскольку они улеглись рядом на циновках, отшучивался в ответ на любые вопросы, какие Юсуф пытался ему задать.

— Может, в этом путешествии встретишь своего дедушку… Вот будет событие… А все эти непривычные виды, дикие звери… Или боишься, что у тебя за это время уведут Ма Аюзу? Не бойся, братец-суахили, она твоя навек. Я скажу ей, что ты плакал перед разлукой, боялся, некому будет погладить твой стручок там, среди варваров. Она будет ждать тебя. А когда вернешься, придет, чтобы спеть. Скоро ты сделаешься богатым купцом, будешь ходить в шелках и благоухать, как сеид, будешь носить кошельки на брюхе и четки на запястье, — болтал он.

— Да что с тобой такое? — вскричал Юсуф, голос

его задрожал от обиды и жалости к себе.

— А что мне делать? Плакать? — со смехом парировал Халил.

— Я завтра уезжаю, отправлюсь с этим человеком и его разбойниками…

Халил зажал Юсуфу рот рукой. Они устроились в задней части лавки, потому что переднюю террасу давно занял Мохаммед Абдалла и его люди, они же загадили все кусты по краям росчисти. Халил приложил палец к губам и тихо, предостерегающе зашипел. Когда Юсуф попытался что-то еще сказать, Халил резко ударил его в живот, и мальчик застонал от боли. Его словно изгоняли из рая, его как будто обвинили в предательстве, за что — он не понимал. Халил притянул его к себе, крепко обнял, подержал так и отпустил.

— Это ради твоего же блага, — сказал он.

Утром накрытые дерюгой грузы сложили на старый грузовик — их отправляли вперед, караван нагонит их позже. Водитель грузовика, наполовину грек, наполовину индиец по имени Вакх, носил длинные черные волосы и аккуратно подстриженные усы. Его отец держал в городе небольшой заводик по производству льда и бутилированной воды и время от времени сдавал грузовик вместе с сыном внаем купцам. Вакх

сидел в кабине, распахнув дверь, мягкое круглое тело уютно расползлось по сиденью. Изо рта водителя непрерывно сыпались непристойности, произносимые кротко и без улыбки. В промежутках между ругательствами он пел обрывки любовных песен, попыхивая своей бири[28].

— Будьте так добры, козолюбы, я бы с радостью сидел тут и гладил ваши задницы день напролет, но у меня и других грузов хватает, слышь. Так что навалитесь-ка, хватит нюхать дерьмо друг друга.

Если истину искать — то искать в твоих глазах,

В прочих лицах лишь вранье.

Если счастия искать — ласки мне просить твоей,

Пусть заткнется воронье.

Вах, вах, джанаб[29]! Если б махараджа услышал, как я пою, он бы каждый день угощал меня лучшим куском мяса. Странно тут у вас пахнет. Я бы сказал, воняет гниющими петушками, но, может быть, вас так кормят. Эй, баба́! Что тебе

---

[28] Примечания: 28
Сигара (суахили).

[29] Примечания: 29
Господин (индийский титул).

тут дают? В поте, который льется у тебя по спине, полно жира. Там, куда вы отправляетесь, слышь, любят жирное мясцо, так что следите, куда пристраиваете свои жопки. Полно, братец, хватит чесаться, пусть тебе кто другой почешет. Толку все равно никакого. От такой болячки лишь одно лекарство. Зайди сюда, к стенке, и сделай мне массаж. Я тебе пять анн дам.

Носильщики ржали, чуть не падали со смеху. Так браниться перед самим купцом! Стоило водителю запнуться, и его осыпали ответными ругательствами, поносили отца и мать, выдумывали мерзости о его детях. «Отсосите у меня», — отвечал он, хватаясь за свой пах, и вновь неистощимо бранился.

Другую часть товаров отвозили на станцию в рикваме, длинной тележке, которую вручную толкали грузчики. До последней минуты дядя Азиз о чем-то тихо переговаривался с Халилом, и тот почтительно кивал, запоминая все указания. Носильщики разбились на праздные группки, болтали, спорили, внезапно взрывались смехом, хлопали друг друга по рукам.

— Хайя, отправляемся! — скомандовал наконец дядя Азиз и подал сигнал. Барабанщик и горнист тут же заиграли, ринулись в самое начало колон-

ны. Мохаммед Абдалла зашагал следом, высоко вздернув голову, его трость описывала в воздухе огромную дугу. Юсуф помогал толкать тележку, следил за деревянными колесами — не наехать бы кому на ногу — и ритмично ухал вместе с грузчиками. Ему было стыдно смотреть, как Халил напоследок общеловывает руку дяди Азиза, словно готов заглотить ее целиком, только позвольте. Он всегда так себя вел, но в то утро Юсуфу стало противно. Он слышал, как Халил что-то кричит ему вслед, мол, братец-суахили, но не оглянулся.

Дядя Азиз шел в самом конце, время от времени останавливаясь, обмениваясь прощальными словами с наиболее достойными знакомцами из числа прохожих и зевак.

3

Носильщики и охранники разместились в вагоне третьего класса, по-хозяйски развалились на дощатых скамьях. Юсуф ехал вместе с ними. Пассажиры перешли в другие вагоны или жались по углам, напуганные шумом и грубостью этой компании. Мохаммед Абдалла наведался сюда из другой части вагона, с усмешкой слушал возбужденную болтовню, невежественные рассуждения. В вагоне было тесно и сумрачно, пахло древесным дымом и липкой землей. Прикрыв глаза, Юсуф вспоминал первое свое путешествие на поезде. Ехали два дня и ночь между ними, с частыми остановками, скорость особо не набирали. Поначалу сплошные заросли пальм, фруктовых деревьев, и сквозь эту растительность на обочине можно было разглядеть маленькие фермы и плантации побольше. На каждой остановке носильщики и охранники высыпали на платформу посмотреть, что там такое. Некоторые ехали по этому маршруту не первый раз, знали служащих станции или торговцев, выходивших к поезду, сразу же вступали в разговор с ними, передавали подарки и весточки. На одной остановке, в тиши

дневной жары, Юсуфу послышался шум водопада. Потом поезд остановился в Каве, и Юсуф сел на пол вагона, затаился, чтобы никто из местных не увидел его, не смутил его родителей. А дальше они свернули к востоку, начались холмы и взгорья, деревья и фермы поредели, вместо пастбищ все чаще встречались густые леса.

Носильщики и охранники ворчали, переругивались между собой. Все время говорили о еде, обсуждали всякие замечательные блюда, недоступные в пути, спорили, в чьих краях готовят лучше. Испортив друг другу настроение и заодно проголодавшись, они принимались спорить о другом: об истинном значении тех или иных слов, о размерах приданого, полученного дочерью знаменитого купца, о подвигах отважного капитана корабля или о том, почему у европейцев кожа словно ободрана. Весьма оживленно прошли полчаса, когда сравнивали вес яичек разных животных — быков, львов, горилл, у кого тяжелее, — каждая партия имела своих приверженцев. Ругались из-за места для сна, мол, кто-то занял чужое. Толкались с громким уханьем и проклятиями. Раззадорившись, воняли по́том с оттенком мочи и застоявшегося табачного дыма. А там уж и драки пошли. Юсуф прикрывал голо-

ву руками, вжимался спиной в стену вагона и брыкался изо всех сил, если кто-то приближался к нему. В ночи он слышал какое-то бормотание, тихое движение, и постепенно стал различать звуки тайных поцелуев, а там и легкий смех и глухой шепот наслаждения.

Днем он глядел в окно, присматривался к местности, подмечал перемены в ней. Справа вновь вздымались холмы, темные, кажется, обильно заросшие. Воздух над возвышенностью был густым и мутным, словно укрывал некую тайну. На потрескавшейся от зноя равнине, по которой пролагал себе путь поезд, свет был прозрачен, но когда всходило солнце, воздух забивала пыль. Эта опаленная солнцем, засохшая равнина местами была покрыта пятнами мертвой травы — в сезон дождей она превратится в роскошную саванну. Там и сям торчали искривленные шипастые деревья, черные скалы бросали на них густую тень. От раскаленной земли поднимались волны зноя и пара, забивали рот, затрудняли дыхание. На одной станции, где они задержались надолго, цвела одинокая жакаранда. Лиловые и бордовые лепестки лежали на земле переливчатым ковром. Рядом с деревом находился двухкомнатный пристанционный магазин. На дверях висели

огромные ржавые засовы, беленые стены были забрызганы грязью с примесью красной глины.

Частенько он вспоминал Халила и грустил, думая об их дружбе и о своем внезапном угрюмом отъезде. Но Халил чуть ли не рад был его выпроводить. Юсуф думал о Каве, о родителях там, и гадал, мог ли он что-то сделать иначе.

Они прибыли ближе к вечеру в маленький город под высокой, со снежной вершиной, горой. Воздух здесь был приятно прохладным, свет мягкий, словно ранние сумерки отражались в бескрайней воде. Дядя Азиз приветствовал начальника станции, индийца, как старого друга.

— Мохун Сидхва, худжамбо бвана вангу[30]. Надеюсь, вы в добром здравии, и ваши дети, и мать ваших детей, все в добром здравии. Альхамдулиллахи раби аль-алямин[31], чего нам еще и желать.

— Карибу[32], бвана Азиз. Добро пожаловать. Надеюсь, и в вашем доме все благополучно.

---

[30] Примечания: 30

Здравствуй, господин мой (суахили).

[31] Примечания: 31

Благодарение Богу, хвала Аллаху (арабский) — восклицание, завершающее молитву или благословение.

[32] Примечания: 32

Добро пожаловать (суахили).

Какие новости? Как идут дела? — Плотный приземистый начальник станции с плохо скрытым возбуждением и радостью изо всех сил сжимал руку дяди Азиза.

— Мы благодарим Бога за все, чем Он соизволил нас благословить, старый друг, — ответил дядя Азиз. — Но довольно про меня, расскажи, что да как было тут. Молюсь, чтобы все твои начинания были успешны.

Они скрылись в низком, похожем на сарай здании, где располагался кабинет начальника станции. На ходу оба улыбались, болтали, спешили обменяться всеми приличествующими случаю любезностями, прежде чем перейти к делу. Над зданием развевался огромный желтый флаг, дрожал и хлопал на ветру, казалось, та хищная черная птица на нем бьется в гневном припадке. Носильщики переглядывались с улыбками, понимая, что сейчас сеид сторгуется с железнодорожником и тот, приняв взятку, существенно снизит поборы за их багаж. Вскоре явился помощник начальника, прислонился к стене с беззаботным видом случайного зеваки. Тоже индиец — низенький и худой молодой человек, старавшийся не привлекать ничье внимание. Носильщики перемигивались, посмеиваясь над

его позой, бросали ему реплики — дескать, им ли не знать. А сами меж тем под присмотром Мохаммеда Абдаллы и охранников разгружали багаж, сваливали кучами на платформе.

— Глядите в оба, вы, болтуны бесстыжие, — командовал Мохаммед Абдалла, орал во всю глотку, наслаждался собственной громогласностью, угрожающе размахивал в воздухе тростью. Улыбкой он выражал презрение ко всем собравшимся и рассеянно гладил себя сквозь ткань кикои[33], широко расставив ноги. — Не пытайтесь даже мелочь уворовать. Ясно? Поймаю кого — всю спину в клочья располосую. Потом я спою вам колыбельную, а пока никому не спать. Мы в стране дикарей. Эти люди слеплены не из такой трусливой глины, как вы. Они украдут все, включая ваши стручки, если не обмотаетесь как следует одежкой. Хайя, хайя! Они уже ждут нас.

Закончив разгрузку, они двинулись в путь, каждый тащил свою ношу. Во главе каравана шагал его надменный предводитель, размахивая тростью и сурово поглядывая на изумленных зевак. Город был невелик и с виду пустоват, однако нависавшая над ним высокая гора придавала

---

[33] Примечания: 33
Набедренная повязка (суахили).

ему вид таинственный и мрачный, словно здесь разыгрывались трагедии. Двое украшенных бусами воинов прошли мимо, гладкие тела разукрашены охрой. Кожаные сандалии шлепали по дороге, в такт им раскачивались копья, тела были слегка наклонены вперед, напряженные, спешащие. Воины не глядели ни вправо, ни влево, лица их излучали уверенность и стремление к цели, чуть ли не священный долг. Волосы были заплетены тугими косичками и окрашены в тускло-красный цвет, как здешняя почва, такого же цвета были и шуки[34] из мягкой кожи, переброшенные по диагонали с плеча к бедру и спускавшиеся ниже до колен. Мохаммед Абдалла обернулся к своим подчиненным, презрительно скалясь, указал тростью на воинов:

— Дикари! — произнес он. — Стоят дюжины таких, как вы.

— Создает же Бог таких существ! Они словно вылеплены из греха, — отозвался молодой носильщик, всегда первым встревавший в разговор. — Жуткие с виду, правда?

— Почему они такие красные? — подхватил другой. — Наверное, кровь пьют! Ведь это же

---

[34] Примечания: 34

Шука — кусок ткани длиной около двух метров, используемый как набедренная повязка.

правда? Что они пьют кровь?

— Только посмотрите на лезвия их копий!

— И они умеют ими пользоваться, — добавил один из охранников, понижая голос, чтобы не навлечь на себя гнев начальника. — Можно подумать, это ножи, кое-как прикрученные к палкам, но они могут понаделать бед. Особенно с их военной подготовкой. Они только этим и занимаются — либо нападают на другие племена, либо охотятся. Чтобы стать полноправным воином, нужно загнать льва. Убить его и съесть член. Каждый раз, когда воин съедает член льва, он вправе взять очередную жену, и чем больше членов съест, тем знатнее будет у себя в народе.

— Ялла! Ты все выдумываешь! — закричали остальные, смеясь над рассказчиком, отказываясь верить в подобные небывальщины.

— Это правда, — запротестовал охранник, — я сам видел. Спросите любого, кто странствовал в этих местах. Валлахи, я говорю правду. А когда они убивают мужчину, отрезают от него кусочек и хранят в особом мешке.

— Зачем? — поинтересовался разговорчивый молодой носильщик.

— Ты спрашиваешь, зачем дикарь что-то делает? — резко обернулся к нему Мохаммед

Абдалла. — Потому что он дикарь, вот почему. Таков он есть. Ты же не спрашиваешь акулу или змею, почему она нападает. Точно так же и дикарь. Такова его природа. А ты поучись шагать быстрее со своей ношей, а говорить поменьше. Все вы — толпа плаксивых баб, вот вы кто.

— Вера у них такая, — сказал чуть погодя охранник.

— Я считаю, это недостойно, жить так, — сказал молодой носильщик и навлек на себя пронзительный, устрашающий взгляд Мохаммеда Абдаллы.

— Цивилизованный человек всегда сумеет победить дикаря, даже если дикарь сожрет члены тысячи львов, — подхватил другой охранник, родом из Коморо. — Одолеет его знаниями и хитростью.

Караван быстро добрался до места — до магазина в конце узкого проезда рядом с главной дорогой. Перед магазином была круглая росчисть, чисто выметенная, обсаженная хлебными деревьями. Магазином управлял приземистый толстячок в широкой белой рубашке и мешковатых штанах. В его тонких, аккуратно подстриженных усах мелькала седина, и в волосах тоже. Внешность и речь выдавали в нем человека с

побережья. Он засуетился среди носильщиков, уверенно и властно распоряжаясь и словно вовсе не замечая Мохаммеда Абдаллу, который пытался вмешаться, повторял его команды.

4

Воздух здесь, у подножья горы, был резким, и такого лилового оттенка света Юсуф нигде прежде не видел. Ранним утром вершина горы скрывалась за тучами, но постепенно солнце набирало силу, тучи рассеивались, проступал вмерзший в лед горный пик. По эту сторону простиралась вдаль плоская равнина, по другую, рассказывали ему те, кто там побывал, живут пропыленные дикие воины, которые пасут скот и пьют кровь своих животных. Они считают войну самым благородным занятием, говорили ему, и гордятся учиненными жестокостями. Величие их вождей измеряется тем, сколько скота они сумели угнать у соседей, сколько женщин увели. Когда они не сражаются — украшают свои тела и волосы с тщанием распутных женщин. Постоянные жертвы их набегов — земледельцы, живущие на склонах горы, там, где дожди орошают почву. Эти земледельцы по несколько раз в неделю приходят в город продавать свой урожай — плоскостопые, выдубленные солнцем, такие люди вряд ли расстанутся с родными местами и отправятся в далекое путешествие.

Лютеранский пастор научил земледельцев пользоваться железным плугом и изготавливать колесо. Это дары Бога, сказал он, Бога, который послал его в эти горы предложить их душам спасение. Он возвестил им, что труд возложен на человека повелением Бога во искупление грехов. В часы, свободные от богослужения, его церковь превращалась в школу, он учил паству читать и писать. По его настоянию весь народ обратился к Богу, имеющему столь разумных и полезных священников. Пастор запрещал мужчинам брать более одной жены и убеждал их, что клятвы, данные этому новому Богу, которого он им принес, значат намного больше, чем их приверженность обычаям отцов и матерей. Он разучивал с прихожанами псалмы и рассказывал о зеленых долинах, где в изобилии произрастают плоды и текут сливки, о лесах, где таятся гоблины и дикие звери, о склонах гор, покрытых снегом, о том, как целые деревни выходят кататься на коньках на льду замерзшего озера. У пастухов появилась теперь новая причина презирать земледельцев, которых они и без того притесняли из поколения в поколение. Мало того, что они питаются от земли, как женщины и животные, так они еще и поют скорбные хоры побежденных, оскверняя

своим завыванием горный воздух!

В пыльной стране теней по ту сторону покрытой снегом горной вершины, где обитали воинственные племена и почти не бывало дождя, жил и некий прославленный в легендах европеец. Говорили, его богатства не поддаются счету. Он узнал язык животных и мог беседовать с ними и приказывать им. Его царство занимало обширную территорию, он жил в железном дворце на утесе. Дворец его был также мощным магнитом: стоило врагам приблизиться — мечи вылетали из ножен, из их тщетно цепляющихся рук, и все войско, обезоруженное, попадало в плен.

Вожди свирепых племен подчинялись европейцу, а он восхищался их жестокостью и неукротимостью. Он видел в них благородство, стойкость, величие и даже красоту. Говорили, у европейца есть кольцо, с помощью которого он вызывает духов этой земли и они ему служат. К северу от его владений рыскали стаи львов, неутолимо жаждущие человеческой плоти, но к европейцу они приближаться не смели, если только он сам их не подзывал.

Человек с побережья, владелец лавки, где остановился караван (Юсуф пристроился рядом с мужчинами под хлебным деревом послушать

эти рассказы), звался Хамид Сулейман. Он был родом из маленького города к северу от Момбасы — Килифи. Юсуф знал, что этот город находится к югу от Виту: Мохаммед-нищий рассказывал ему, как однажды чуть не утонул, переплывая глубокий пролив у Килифи. А лучше бы ему тогда же и сгинуть, сказал он, освободиться от позорного рабства, в каком его держит зелье. Но, говоря это, он виновато усмехался, выставляя напоказ пеньки зубов.

Хамид Сулейман был добр и радушен и обращался с Юсуфом как с родным. Отправляясь дальше, дядя Азиз что-то сказал ему о Юсуфе — Юсуф видел, как они разговаривали, поглядывая в его сторону. Ему дядя ничего не объяснил, лишь похлопал по затылку и велел оставаться здесь, у Хамида. Юсуф смотрел вслед каравану со смешанными чувствами: хорошо, что избавился от грозного Мохаммеда Абдаллы, но, с другой стороны, он уже предвкушал путешествие к озерам в глубине материка — именно туда направлялся караван. И почему-то он чувствовал себя своим в компании парий-носильщиков, с восторгом слушал бесконечные рассказы и непристойные шутки.

Жена Хамида, Маймуна, тоже была родом с по-

бережья, но ее родина, остров Ламу, находилась дальше на север от Момбасы. Ее речь заметно отличалась: Маймуна уверяла, что на Ламу говорят самым чистым суахили, такого больше не встретишь на побережье — кисуахили асли[35], кого хочешь спроси, — и ничто не могло превзойти в ее глазах совершенства родного острова. Как и ее муж, она была пухлой и добродушной и не могла посидеть молча, если поблизости имелся хоть один слушатель. Юсуфа она засыпала вопросами. Где он родился? Где родились его отец и мать? Где живут его родичи? Знают ли они, куда он попал? Когда он навещал родителей в последний раз? А других родичей? Неужели никто не объяснял ему, как это важно? Есть ли у него нареченная? Почему нет? Когда он собирается вступить в брак? Неужто он не знает, что, если слишком долго откладывать, люди решат, будто с ним что-то неладно? На ее взгляд, он уже достаточно взрослый, хотя, конечно, внешность обманчива. Сколько ему лет? Юсуф уклонялся от этих вопросов как мог. Во многих случаях ему оставалось лишь пожать растерянно плечами, услышав вопросы, каких ему никогда прежде не задавали,

[35] Примечания: 35
Исконный суахили (суахили).

или же пристыженно опустить глаза. Вроде бы с этой задачей он более-менее успешно справлялся. Маймуна ворчала недоверчиво, получая такие отговорки, и ее взгляд сулил: рано или поздно она выведет его на чистую воду.

Обязанности у него были такие же, как в лавке дяди Азиза, разве что работы меньше, потому что здешняя торговля не слишком преуспевала. Помимо работы в магазине, следовало подметать росчисть утром и вечером. Он собирал падавшие на землю плоды хлебного дерева, складывал их в корзину — каждый день за ними приходил человек с рынка. Разбившиеся плоды он выбрасывал на задний двор. Сами они этих плодов не ели.

— Слава Богу, мы еще не настолько бедны, — приговаривала Маймуна.

Магазинчик прежде служил перевалочным пунктом для караванов, возвращающихся из глубины страны, пояснял Хамид. Так было до той поры, пока они сами не перебрались сюда, тогда станция и городок при ней процветали. Плодами хлебного дерева кормились носильщики и рабы, они что угодно готовы были съесть после долгого пути по диким местам. Нет, сам он не видит ничего плохого в этих плодах. В своих родных местах они тушили их в кокосовом соусе и ели с

жареными сардинами. Видит Бог, то, что они едят теперь вместо плодов хлебного дерева, — вполне скромная пища, хоть это не повод ее презирать. Но вышло так, что плоды хлебного дерева оказались прочно связаны в умах людей, особенно живущих здесь, с рабством.

Юсуфу отвели небольшую комнату в доме, ел он вместе с хозяевами. Всю ночь в доме горели лампы, двери закрывали решетками, оконные рамы запирали сразу с наступлением темноты. Чтобы уберечься от животных и от воров, говорили ему. Хамид разводил голубей, они жили в ящиках под крышей дома. Порой ночью напряженное молчание нарушалось хлопаньем крыльев, а утром во дворе обнаруживались перья и кровь. Голуби все были сплошь белые, с широкими хвостовыми перьями. Хамид уничтожал всех птенцов, чья внешность не соответствовала этому образцу. Он любил поговорить о птицах и о том, как их разводить в неволе. Своих голубей он именовал райскими птицами. Они расхаживали по крыше и по двору, выставляли себя напоказ с безоглядной гордыней, рискуя жизнью, лишь бы похвалиться собственной красотой. Но порой Юсуфу казалось, будто он замечает в их глазах насмешку над самими собой.

Иногда супруги, слушая Юсуфа, обменивались такими взглядами, словно знали о нем больше, чем он сам о себе. Он гадал, что рассказал им дядя Азиз. Поначалу что-то в его поведении казалось им странным, но они не желали сказать ему, в чем дело. Многие его слова они выслушивали с подозрением, словно сомневаясь в его замыслах и намерениях. Когда он пустился описывать потрескавшуюся землю, по которой они ехали, пока не добрались до города, хозяева рассердились, и он почувствовал, что допустил какой-то промах или же огорчил их, обратил их внимание на неизбежные тяготы их бытия.

— Что тебя так удивило? Здесь повсюду сухая земля. Ты рассчитывал на ручейки, на изобильно заросшие уступы? Ну, тут оно не так, — заявил Хамид. — Но, по крайней мере, здесь, у горы, прохладно и нам перепадает сколько-то дождя, хотя и меньше, чем на склонах. Но уж как есть.

— Да, — кивнул Юсуф.

— Не знаю, на что ты рассчитывал, — продолжал Хамид, нахмурившись. — Разве что несколько недель в году, после дождей, здесь, на высоте, тоже бывает так. Но ты бы видел те засохшие равнины после дождя. Видел бы ты их!

— Да, — повторил Юсуф.

— Да — кто? — одернула его Маймуна. — Да, гиена? Да, животное? Называй его «дядя».

— Но у моря все растет, — заговорил Юсуф после небольшой паузы. — При доме, где мы жили, был красивый сад, со всех сторон окруженный стеной. С пальмами и апельсиновыми деревьями и даже гранатами. И каналы, и пруд, и цветущие кусты.

— Ах-ах, где уж нам сравниться с купцами, с такими вельможами, — голос Маймуны резко взмыл вверх. — Мы-то всего лишь бедные торговцы. Ты везунчик, а нам Бог отвел такую вот жизнь. Мы живем здесь, как скот, покорный Его воле. Тебе он дал райский сад, а нам — кусты и заросли, полные змей и хищных животных. И чего ты ждешь от нас? Чтобы мы хулили Его волю? Жаловались, что с нами обошлись несправедливо?

— Наверное, он просто скучает по дому, — вмешался Хамид, улыбаясь, стараясь всех примирить. Маймуна не угомонилась, она все еще бормотала, яростно поглядывая на Юсуфа и явно желая что-то добавить к своим словам.

— Что ж, за все приходится платить свою цену. Надеюсь, он быстро это усвоит, — сказала она наконец.

Юсуф вовсе не хотел сравнивать два сада, но оправдываться не стал. Здесь вместо сотво-

ренных Мзе Хамдани цветов и тени, пруда и плодоносных деревьев по краям заднего двора топорщились кусты, в них выбрасывали мусор. Заросли трепетали потайной жизнью, оттуда поднимались пары гниения и заразы. В первый же день Юсуфа предупредили, что приближаться к этим кустам нужно с осторожностью, остерегаясь змей, и он почувствовал, что это предостережение — своего рода пророчество. А теперь от него ждали каких-то слов, извинений, но он никак не мог сообразить, что сказать, и сидел перед своими хозяевами, онемевший, а их обида все разрасталась.

— Я обычно работал в саду по вечерам, — выпалил он наконец.

Хозяева рассмеялись, Маймуна вытянула руку и погладила его по лицу.

— Кто бы мог сердиться на такого красивого мальчика? Я подумываю избавиться от моего толстяка-мужа и выйти замуж за тебя. Но до той поры ты, пожалуй, мог бы обустроить нам сад, — продолжала она, обменявшись быстрым взглядом с Хамидом. — Заставим-ка его поработать, пока он с нами.

— А здесь растут апельсины? — спросил Юсуф. Они сочли его вопрос ироническим и вновь рас-

хохотались.

— Построй нам фонтаны и летние дворцы. Наполним сад птицами всех пород, — все тем же шутливо-сварливым тоном продолжала Маймуна. — Певчими птицами, не этими бурчащими голубями, которых так любит Хамид. Надеюсь, ты развесишь на деревьях зеркала, как в старинных садах, чтобы улавливать свет и чтобы птицы лишались чувств при виде своего прекрасного отражения. Вот такой сад нам сделай.

— Она у меня поэтесса! — Хамид похлопал жене. — Все женщины в ее семье поэтессы. А мужчины — бездельники, зато умеют торговаться.

— Пусть Бог простит твое вранье. Видишь, это он всегда выдумывает истории. Да уж, он таков, — Маймуна с улыбкой указала на Хамида. — Погоди, пока он не начнет. Забудешь еду и сон, пока он не закончит. Вот подожди, наступит Рамадан, он тебе ночь напролет спать не даст. Уж он у нас забавник, поверь мне.

На следующий день Хамид набросился на кромку зарослей с мачете, яростно рубил ветки, до каких сумел дотянуться. Он позвал Юсуфа собирать падающие наземь ветки, складывать их в будущий костер.

— Хотел сад? — добродушно напомнил он. —

Хорошо же, я вырублю кусты, а ты разбей для нас сад. Помоги-ка мне, юноша. Расчистим заросли вплоть до того терновника.

Поначалу свирепые удары Хамида сопровождались кровожадными воплями и хриплым пением. Это чтоб змей отпугнуть, пояснил он. Но вскоре его возбуждение сникло, а подбадривающие крики Маймуны и ее насмешки лишь понуждали Хамида гневно прерываться между ударами. Если предоставить все женщинам, что с нами сталось бы, как по-твоему? — спросил он. Мы бы так и жили в пещерах, вот что я думаю. По его лицу, пузырясь, тек пот. Примерно через час воинственные вопли сменились уханьем, и он уже почти бессильно замахивался на дрожащие кусты, часто останавливался, задыхаясь, или же подробно растолковывал Юсуфу, как складывать отрубленные ветки. Неуклюжесть Юсуфа раздражала его, он бросал на него сердитые взгляды, когда мальчик, уколов руку острым суком, невольно вздрагивал. Наконец с криком отчаяния он бросил наземь мачете и яростно зашагал к дому.

— Не собираюсь я надрываться до смерти, борясь с этим лесом, — заявил он, проходя мимо жены. — Ты бы нам хоть кувшин воды вынесла.

— Ле-ес! Это всего лишь кустики, дряхлый ты слабак, — засмеялась она, отмахиваясь, гоня его в дом. — Ты уже ни на что не способен, Хамид Сулейман! Счастье, что я успела найти себе нового мужа.

— Ты у меня еще узнаешь! — крикнул из дома Хамид.

Маймуна издевательски захохотала.

— Тебе детей только пугать, шабаб! А ты — не трогай это жуткое оружие! — прикрикнула она, стоило Юсуфу взять в руки мачете. — Не хватало, чтобы твоя кровь пала на наши головы. И так бед невпроворот, а еще твои родичи набросятся на нас. Придется тебе привыкать к кустам со змеями — а о своем райском саде вспоминай в мечтах, пока дядюшка не вернется за тобой. Отнеси этому своему дяде воды попить.

5

Ему пришлось услуживать им обоим. Они орали, подзывая его, что бы ни понадобилось, и, если он не прибегал бегом, его ждали резкие слова и сердитые взгляды. Принеси воды из колодца. Наруби дров. Подмети двор. Когда его помощь не требовалась в магазине, его посылали на рынок за мясом и овощами. Шагая по городу, он не торопился, задерживался на перекрестках, смотрел, как проходят мимо пастухи и крестьяне. Коровы, урча, брели мимо, роняя огромные лепешки. Время от времени они облизывали влажные хвосты и выпускали в воздух струю жидкого дерьма. Пастухи шипели, бранили коров, а порой кололи их острым концом посоха, чтобы построить в ряд. Часто Юсуф видел и выкрашенных в красное воинов, они горделиво шагали, привлекая к себе взгляды всех вокруг. Иногда его отправляли передать что-то индийским или греческим купцам, он вешал корзины на длинное коромысло, взваливал его на плечи и старался при этом не вспоминать того убогого продавца овощей, что являлся каждодневно в дом дяди Азиза. Фермеры-европейцы приезжали в город на грузовиках

и на запряженных волами повозках, покупали запасы, вели какие-то таинственные дела. Они никем не интересовались, расхаживали с гримасой отвращения на лице. Вернувшись домой, он получал очередное поручение — либо принести что-то со склада, либо проводить малыша в уборную. В доме было трое детей. Старшая дочь уже достигла порога юности, считалось, что она смотрит за младшими, но она была слишком занята, погружена в свою внутреннюю жизнь, носилась по дому и двору, хлопая дверьми и неведомо чему улыбаясь. Юсуфа время от времени просили заняться мальчишками, отвести их туда или сюда. Мальчики были бойкие, шумные, привыкли, чтобы на них орали. Возясь с ними, он вспоминал, как обходился с ним Халил, и старался проявить терпение — это не всегда ему удавалось.

Он рассказал Хамиду о Халиле, о том, как они работали вместе — фактически они самостоятельно управляли лавкой, — рассказал в надежде, что ему дадут работу поинтереснее, чем выполнять поручения и метаться от магазина к складу и обратно, но Хамид лишь улыбнулся в ответ. Торговля идет не так бойко, чтобы занять их всех, сказал он. Если б не путешественники и не кое-какие местные покупатели, им бы и жить было

не на что. Не говоря уж о том, чтобы заработать.

— Разве у тебя мало дел? Зачем тебе еще работа? Расскажи мне о твоем купце, о дяде Азизе. Он был тебе хорошим хозяином? — принялся расспрашивать он. — Он очень богат и очень щедр, ведь так? Его имя идеально ему подходит[36]. Я мог бы много порассказать тебе о нем, такие удивительные истории. Однажды я непременно должен посетить его. Наверное, его дом подобен дворцу… Судя по тому, что ты рассказывал про сад, я уверен, это настоящий дворец. Он задает пиры, устраивает у себя празднества? Ты и Халил, верно, жили там словно принцы, избалованные всякой роскошью.

В магазине было три этажа, но на один Юсуфа никогда не посылали и дверь туда была заперта. Порой Юсуф останавливался перед этой дверью и вроде бы чуял за ней животные запахи — шкур, копыт. Магендо, вспоминал он. Большие деньги.

Хамид говорил как-то, что языкастый водитель грузовика — создание, словно выползшее из отхожей ямы, так он выразился, — добрался до него, и Юсуф сообразил, что в том помещении хранится тайный товар, который нельзя было

---

[36] Примечания: 36

Имя Азиз арабского происхождения, означает «могущественный», «милостивый».

перевозить на поезде. Склады располагались позади дома, внутри закрытого двора. По ту сторону двора, все еще внутри ограды, имелись пристройки, уборная и кухня. Комната Юсуфа находилась в том же конце дома, что и запретный склад, и однажды ночью Юсуф услышал, как там двигался Хамид. Сначала он испугался, не вор ли это или кто похуже, но потом узнал голос Хамида. Он хотел выйти посмотреть и даже тихонько отпер дверь спальни. Был самый темный час ночи. Стоя на пороге своей комнаты, он различал свет лампы, пробивавшийся под дверью. До него донеслось бормотание Хамида, и мальчик застыл на месте. Голос торговца возвышался и опадал, тревожась, заклиная. Что-то ужасное звучало в этом жалобном голосе посреди ночи, одновременно трагическое и отталкивающее. Зря он поднялся с циновки, подумал Юсуф, лучше бы ему ничего не слышать. Когда Хамид смолк и тоже прислушался, Юсуф задвинул засов на своей двери, так же тихо, как вначале его отодвинул, и вернулся на свое ложе. Утром об этом не было сказано ни слова, хотя Юсуф краем глаза и ловил на себе взгляды.

Через город проходили многочисленные торговцы, и если они были родом с побережья, или

арабы, или сомалийцы, то останавливались на день-два у Хамида, пока улаживали дела и отдыхали. Они спали на росчисти под хлебными деревьями и ели вместе с домашними, расплачиваясь небольшими подарками и любезностями. Иногда они продавали часть своего товара, прежде чем снова пуститься в путь. Путешественники приносили вести и невероятные истории об отваге и стойкости, проявленных в походе. Кое-кто из горожан заглядывал послушать эти рассказы, в том числе механик-индиец, приятель Хамида. Этот индийский механик всегда носил бледно-голубой тюрбан и являлся в гости на шумном грузовике, порой слегка пугая торговцев. Он редко принимал участие в разговоре, но Юсуф замечал, как механик в самые неподходящие моменты хихикает, из-за чего собеседники с недоумением и недовольством оглядываются на него. Поздними вечерами они сидели на росчисти перед домом, чуть дрожа в прохладной тени горы, вокруг горели лампы, и мужчины повествовали об иных ночах, когда звери и люди с дурными намерениями кружили вокруг их лагеря. Если бы они не были хорошо вооружены или если бы им изменила отвага, кости их остались бы лежать

там, посреди пыльной ника[37], и их дочиста обглодали бы падальщики и черви.

Куда бы они ни пошли, всюду натыкались на европейцев, уже явившихся туда, разместивших своих солдат и чиновников. Они твердили, что пришли в эту страну спасти здешних жителей от врагов, которые хотят их поработить. Послушать их, никакой другой торговли, кроме продажи рабов, не существовало. Торговцы говорили о европейцах с изумлением, ошеломленные их свирепостью и беспощадностью. Они забирают себе лучшую землю, не заплатив даже стеклянной бусины, всякими хитростями заставляют местных работать на них, жрут все, и твердое, не разгрызть, и гнилое. Их жадность не знает пределов и приличий, они словно рой саранчи. Налоги на то, налоги на се, непокорным тюрьма или порка, а то и виселица. Первым делом они строят тюрьму, потом церковь, потом крытый рынок, чтобы вся торговля была у них на глазах, и обкладывают ее налогами. И все это прежде, чем построят себе жилье. Слыханное ли дело? Они носят одежды из металла, но им не жарко в них, они могут много дней обходиться без воды

[37] Примечания: 37
Саванна, пустыня (суахили).

и сна. Их слюна ядовита. Валлахи, клянусь, так оно и есть. Попадет на тебя — прожжет плоть до кости. Убить их можно, только проткнув слева под мышкой, больше ничего не помогает, но сделать это почти непосильно: в этом месте они носят прочную броню.

Один торговец клялся, что своими глазами видел, как европеец упал замертво, а другой пришел и вдохнул в него жизнь. Он видел, как змеи проделывают такое, и у змей слюна тоже ядовитая. Если тело европейца не повреждено и не начало разлагаться, другой европеец способен вдохнуть в него жизнь. Если б он наткнулся на мертвого европейца, он не стал бы его трогать и ничего не взял с трупа, а то вдруг поднимется и предъявит ему обвинение.

— Не кощунствуй! — рассмеялся Хамид. — Жизнь дает только Бог.

— Я видел это своими собственными глазами. Пусть Аллах ослепит меня, если лгу, — настаивал торговец, обводя взглядом хохочущих слушателей. — Вот лежал мертвец и другой европеец лег с ним рядом, стал дышать ему в рот — мертвец содрогнулся и вернулся к жизни.

— Если он может даровать жизнь, то он Бог, — настаивал на своем Хамид.

— Да простит меня Аллах! — вскричал торговец, дрожа от гнева. — Зачем ты такое говоришь? Я ничего подобного не хотел сказать.

— Невежественный человек, — подытожил Хамид позднее, когда торговец отправился дальше по своему маршруту. — В тех местах, откуда он родом, люди очень суеверны. Такое иногда случается от избытка веры. В чем он пытался нас убедить? Что европейцы — змеи в людском обличье?

Некоторые из гостей Хамида встречали в пути караван дяди Азиза и приносили вести о нем. В последний раз его видели по ту сторону озер за горами Марунгу, у верховий двух великих текущих параллельно друг другу западных рек. Он торговал с народом маньема и получил немалую прибыль. Опасные места, но там есть что прикупить: каучук, слоновую кость, а если будет на то воля Бога, то и немного золота. Приходили известия и от самого дяди Азиза: он поручал уплатить от его имени торговцам, снабдившим его провизией или товарами, а однажды прибыл груз каучука под присмотром купца, который возвращался домой. Вести приходили нередко, и поскольку они были обнадеживающими, Хамид щедро обходился с путешественниками, которые

их приносили.

6

В месяц Шаабан, накануне Рамадана с его суровым режимом поста и молитв, Хамид решил наведаться в деревни и поселения на склонах горы. Такую поездку он предпринимал ежегодно и заранее ждал этой возможности развеяться, однако считал ее также и деловым предприятием. Мол, раз покупатели сами не являются в магазин, он отправится к ним. На этот раз он взял с собой Юсуфа. Они наняли грузовик в городе, у сикха-механика, того самого, кто приходил по вечерам послушать рассказы путешественников. Механик — настоящее его имя было Харбанс Сингх, но все звали его Каласинга[38], — сам управлял машиной, и это к лучшему, поскольку та часто ломалась и шины они пробивали чуть ли не каждую милю. Каласингу все эти неприятности не смущали, он винил плохую дорогу и крутые горки. Он бодро чинил грузовик, парируя насмешки Хамида добродушными прибаутками, которых немало имел в запасе. Эти двое давно водили знакомство. Юсуфа не раз посылали с

[38] Примечания: 38
Сикх (суахили).

поручениями домой к Каласинге. Они постоянно переругивались, нападали и давали сдачу, забавляясь этой игрой. Оба приземистые и пухлые, в чем-то схожие. При этом Хамид улыбался, скалил зубы, а Каласинга в любых обстоятельствах сохранял невозмутимость.

— Не будь ты скрягой, купил бы новый грузовик и избавил бы своих клиентов от злосчастья, — ворчал Хамид, удобно расположившись на камне, пока Каласинга возился с захворавшим мотором. — Куда ты деваешь деньги, которые вымогаешь у нас? Отсылаешь в Бомбей?

— Плохая шутка, брат. Или ты хочешь, чтобы кто-нибудь пришел убить меня? Какие деньги? К тому же я родом вовсе не из Бомбея, ты же знаешь. Бомбей — страна этих банья[39], козьего дерьма. Эти подонки-гуджарати, они-то при деньгах, их братья — мукки-юкки, кровососы, бохра[40]. Знаешь, на чем они богатеют? Дают деньги в рост и мошенничают. Кредитуют замордованного торговца под сложные проценты и с правом стребовать весь капитал по малейшему

---

[39] Примечания: 39

Индус из касты торговцев.

[40] Примечания: 40

В Западной Индии так называют мусульман-суннитов, а также представителей некоторых других религий — исмаилитов, джайнов.

поводу. Такая у них профессия. Подонки! Так что, будь добр, прояви толику уважения, не смешивай меня с этими червями!

— Разве ты не таков же? — спросил Хамид. — Все вы индийцы, все банья, мошенники и лгуны.

Лицо Каласинги затуманилось.

— Не будь ты моим братом уже столько лет, я непременно вздул бы тебя за такие слова! — сказал он. — Я же вижу, ты хочешь меня обидеть, но я справлюсь с гневом. Я не доставлю тебе такого удовольствия, не поведу себя недостойно. Но прошу тебя, друг, не заходи чересчур далеко. Сикху очень трудно молча переносить оскорбления.

— Да? И кто же заставляет тебя молчать? Я слыхал, у каласинга из задницы растут длинные волосы. Слыхал и о том, как один каласинга вырвал у себя из задницы волос и связал того, кто ему досаждал.

— Друг мой, я человек терпеливый. Но должен тебя предупредить: если мой гнев пробудится, его утолит лишь кровь, — скорбно отвечал Каласинга. Он покосился на Юсуфа и покачал головой из стороны в сторону, призывая посочувствовать ему. — Знаешь ли ты, каков я, когда теряю власть над собой? — спросил он Юсуфа. — Я подобен дикому ревущему льву!

Хамид расхохотался, очень довольный:

— Не пугай мальчика, волосатый кяфир! Вы, банья, лжецы и больше ничего. Ревущий лев! Ладно, ладно, опусти гаечный ключ. Не хочу, чтобы мои дети стали сиротами из-за глупой шутки. Но скажи честно… мы же старые друзья, между нами нет секретов. Что ты делаешь с деньгами, которые тебе удается загрести? Отдаешь все женщине, верно? То есть — ты же ни на что не тратишься. Все твое хозяйство — полдюжины сломанных машин. Семьи у тебя нет. И одежда, и все твое имущество выглядят нищенскими. Интересует тебя разве что дешевое помбе[41] или какую отраву ты гонишь у себя в мастерской. В азартные игры ты не играешь. Значит — женщина?

— Женщина? Нет у меня никакой женщины!

Хамид залился смехом. Слухов о похождениях Каласинги с женщинами было немало, их распускал сам Каласинга, но приятели всячески их разукрашивали. В этих историях Каласинга никак не мог возбудиться, доводил этим женщин до отчаяния, но, раз возбудившись, уже не слезал с жертвы.

— Если уж тебе так надо знать, осел ты этакий,

---

[41] Примечания: 41
Пиво из бананов и сорго (суахили).

я посылаю малость братьям в Пенджаб, чтоб присматривали за семейной землей. Почему ты только об этом и хочешь говорить? «Что ты делаешь со своими деньгами?» Какими деньгами? Это мое дело! — разорался вдруг Каласинга, замолотил кулаком по капоту грузовика. Хамид блаженно рассмеялся и хотел снова приняться за свое, но Каласинга запрыгнул в машину и завел мотор.

Под вечер они добрались до небольшого селения на склоне горы. На следующий день они планировали поторговать здесь и двинуться дальше. Каласинга остановил грузовик под смоковницей, на берегу стремительной горной реки. Берега ее по колено заросли сочной зеленой травой. Юсуф разделся и прыгнул в реку, вскрикнул, окунувшись в ледяную воду, и все же продержался в ней две-три минуты — руки и ноги почти сразу онемели. Каласинга рассказал, что реку питает ледник, тающий на вершине горы. Земля здесь густо поросла деревьями и травой, и когда они разбивали лагерь в прохладном сумраке, их окружало пение птиц и звук струящейся реки.

Юсуф прошел немного дальше вдоль берега, ступая по крупным камням, торчавшим из воды. На другом берегу, за открытым пространством, он

разглядел густую рощу банановых пальм. Вскоре он добрался до водопада и остановился поглазеть. Это место казалось укромным, таинственным, но дух его был мирным и благосклонным. Гигантские папоротники и бамбуки склонялись над водой. Сквозь брызги Юсуф разглядел в горе за водопадом глубокий сумрак, намекающий на присутствие там пещеры, скрытого хранилища сокровищ или же убежища несчастных принцев, спасающихся от подлых узурпаторов. Он ощупал себя — одежда промокла насквозь, вплоть до нательной, но он продолжал стоять в брызгах, влага словно окутывала его. Ему казалось, стоит прислушаться, и за грохотом вздымающихся и опадающих потоков он различит дыхание речного божества. Так он долго стоял неподвижно, молча, а потом, когда свет начал стремительно убывать и ясное небо пересекали тени летучих мышей и ночных птиц, он увидел, как Хамид издали манит его к себе рукой.

Юсуф поспешил к Хамиду, прыгая по камням, разбрызгивая вокруг себя воду, ему не терпелось рассказать о красоте водопада. Пока он добежал до Хамида, дыхание сбилось, и он молча остановился перед торговцем, пыхтя и смеясь над самим собой.

— Ты весь мокрый! — засмеялся и Хамид, хлопнув его по спине. — Иди поешь, устройся на ночь, пока не стемнело. По ночам здесь становится холодно.

— Водопад! — выпалил наконец Юсуф, ловя воздух ртом. — Он прекрасен!

— Знаю, — сказал Хамид.

Из густеющих теней перед ними выступил мужчина в темно-синем свитере в рубчик с кожаными накладками на плечах и шортах хаки, униформа состоящих на службе у европейцев. Они сблизились, и мужчина взмахнул дубинкой, которую до тех пор прятал за ногой, — продемонстрировал, что вооружен. Когда они сошлись вплотную и учуяли его запах, Юсуф увидел на лице мужчины тонкие шрамы, по одному на каждой щеке, идущие наискось от глаз к краешкам рта. Вблизи его одежда оказалась лохмотьями, от нее несло навозом и дымом. Глаза его зловеще светились — до жути ярко.

Хамид поднял руку в приветствии и произнес «салям алейкум».

Тот человек в ответ что-то буркнул и приподнял дубину.

— Чего ты хочешь? — спросил он. — Убирайся!

— У нас тут лагерь, — сказал Хамид, и Юсуф

почувствовал его страх. — Мы никого не побеспокоим, брат. Юноша хотел посмотреть на водопад, а теперь мы возвращаемся в лагерь.

— Зачем явились? Бвана не хочет, чтобы вы были тут. Ни лагерь, ни смотреть на водопад. Он не хочет вас тут, — отрезал мужчина, глядя на них с ненавистью.

— Бвана? — повторил Хамид.

Взмахом дубинки мужчина указал в ту сторону, откуда вернулся Юсуф. Теперь и он, и Хамид разглядели там очертания невысокого дома, и у них на глазах одно из окон внезапно осветилось. Мужчина вперил в них пылающий взгляд, дожидаясь, чтобы они ушли. Юсуфу померещилось в этом взгляде нечто трагическое, словно мужчина утратил обычное зрение.

— Но наш лагерь далеко отсюда, — запротестовал Хамид. — Мы даже одним воздухом с вами не будем дышать.

— Бвана не хочет вас тут, — резко повторил мужчина. — Убирайтесь!

— Послушай, друг мой, — Хамид заговорил в привычной для него манере торговца, — мы твоего бвану вовсе не потревожим. Иди с нами, выпей чаю, убедись сам.

Мужчина разразился длинной речью, он го-

ворил гневно и на языке, непонятном Юсуфу. Потом внезапно развернулся и зашагал прочь в темноту. Мгновение они смотрели ему вслед, Хамид пожал плечами и сказал:

— Пошли! Его бвана, верно, думает, что ему принадлежит весь мир.

Вернувшись в лагерь, они обнаружили, что Каласинга приготовил рис и сварил в консервной банке чай. Хамид открыл сверток фиников, разделил со спутниками длинные полосы сушеной рыбы, и они обжарили их на угасающих углях костра. Рассказали Каласинге про человека с дубинкой.

— Тут живет мзунгу, — сказал Каласинга, сыто пердя и ничуть этого не стесняясь. — Европеец с юга, работает на правительство. Я как-то чинил ему генератор. Большой такой, шумный, очень старый. Сказал ему, я мог бы достать генератор поновее, но ему это пришлось не по вкусу. Разорался, сделался весь красный с лица, сказал, я вымогаю взятку. Да, от небольшого бакшиша я бы не отказался. Что тут плохого? Таков обычай. Но он назвал меня грязным кули. Грязный кули, говорит, вороватый ублюдок. И его собаки загавкали — ряв! ряв! Много собак, крупные такие, мохнатые, зубищи огромные.

— Собаки, — тихо повторил Хамид, и Юсуф сразу угадал его мысли.

— Да, большие собаки! — Каласинга встал, распахнул руки, оскалился. — С желтыми глазами и серебряной шерстью. Натасканы на мусульман. Если вслушаться в их злобный лай, разберешь: «Я люблю мясо алла-валлахов! Тащите мне мясо мусульман!»

Каласинга наслаждался своей шуткой, отфыркивался, хлопал себя по колену. Хамид принялся его ругать — безумец, неверный, вороватый ублюдок, волосатый кяфир, — но Каласинга не унимался. То и дело снова лаял и рычал, а потом ржал так, словно в жизни не слышал ничего забавнее.

— Угомонись наконец, грязный кули! Ты слишком долго искушаешь судьбу. Того гляди собаки европейца накинутся на нас… И двуногие тоже. Прекрати же, волосатый банья! — сердито потребовал Хамид, не дождавшись, чтобы Каласинга умолк по своей воле.

— Банья! Я тебя предупреждал: не называй меня банья! — возмутился Каласинга, огляделся в поисках оружия или палки, чуть не соблазнился консервной банкой с закипающим чаем. — Разве это моя вина, что вы, мусульмане, так боитесь

собак? Ты оскорбляешь весь мой род! И этот раз будет последним.

Потом они помирились и приготовили ночлег. Каласинга расстелил тонкий матрас возле грузовика, Хамид лег рядом с ним, а Юсуф выбрал место в нескольких шагах от них, так, чтобы, распростершись на спине, видеть небо, чтобы пускаемые Каласингой ветры не били в нос, но все-таки достаточно близко, чтобы прислушиваться к их разговору. Мужчины с усталыми вздохами, с удовлетворенным постаныванием, улеглись, и Юсуф уже начал задремывать в дружелюбной тишине.

— Приятно ведь представлять себе таким же рай? — тихо заговорил Хамид, голос его сливался с наполнявшим воздух шумом воды. — Водопады — более прекрасные, чем мы сумеем себе вообразить. Прекраснее даже этого, попробуй-ка представить такое, Юсуф! Знаешь ли ты, что там источник всех земных вод? Четыре реки рая — вот источник. Они текут во все стороны, на север-юг-запад-восток, разделяя Божий сад на четверти. И там повсюду вдоволь воды. Под крытыми павильонами, в садах, стекает по ступеням террас, вдоль тропинок у леса.

— Где этот сад? — спросил Каласинга. — В Ин-

дии? Я видел в Индии много садов с водопадами. Там твой рай? Там, где живет Ага Хан[42]?

— Господь сотворил семь небес, — сказал Хамид, не обращая внимания на Каласингу, повернул голову вбок, словно обращался к одному Юсуфу. Голос его понемногу становился тише, мягче. — Рай — это седьмое небо, и сам он разделен на семь частей. Самая верхняя — джаннат адн, сад Эдема. Туда не пускают волосатых богохульников, пусть они ревут, как тысяча львов разом.

— У нас есть такие сады в Индии, с семью и даже с восемью уровнями, — вставил свое слово Каласинга. — Их построили варвары-моголы. Они устраивали оргии на террасах, а в садах держали диких животных, чтобы охотиться, когда пожелают. Наверное, это и есть рай, и твой рай в Индии. Индия очень духовная страна.

— По-твоему, Бог сошел с ума? — спросил Хамид. — Надо же — поместить рай в Индии!

— Ну, может, он не нашел места получше, — ответил Каласинга. — Я слыхал, что тот сад все еще существует. Здесь, на земле.

— Кяфир! Ты готов верить во все детские сказки, — сказал Хамид.

---

[42] Примечания: 42

Наследственный титул главы религиозной общины исмаилитов-низаритов.

— Я читал об этом в книге. В духовной книге. Ты читать-то умеешь, дука-валлах, мусульманский корм для собак?

Хамид засмеялся.

— Я слыхал, говорят, когда во времена наби Нуха[43] Бог наслал потоп, покрывший всю землю, воды не достигли сада и он сохранился в целости. Итак, первоначальный сад еще может существовать. Но он закрыт от людей бушующими водами и вратами из пламени.

— Только представь себе — если правда, что этот сад все еще на земле! — после долгого молчания выговорил Каласинга. Хамид ответил шуточкой, но Каласинга будто не услышал. Бушующие воды и врата из пламени — эти подробности внушали ему уважение. Он вырос в благочестивом семействе сикхов, на почетном месте в семейном святилище лежали книги великих гуру. Но его отец был весьма терпимым человеком и в глубине святилища отвел место также для бронзовой статуэтки Ганеши, маленькой иконки с Иисусом Христом-Искупителем и миниатюрной копии Корана. Каласинга понимал мощь и убедительность таких подробностей, как

---

[43] Примечания: 43

Ной. В исламской традиции — первый из пяти великих пророков.

бушующие воды и врата из пламени.

— Ну, я слышал от некоторых людей, будто Сад находится на земле, но я в это не верю. Даже если он здесь, в него не войдет никто, и уж точно не банья, — решительно подытожил Хамид.

7

После четырехдневного перехода с остановками во всех деревнях и поселениях, где была надежда что-то продать или купить, они добрались до Ол-молога, государственного поста на полпути к вершине горы. Дорога заняла дольше запланированного времени, потому что грузовик так часто ломался. На последнем этапе дороги Каласинга только поспевал оправдываться, но Хамид слишком устал и уже не смеялся над ним.

— Хайя, хайя, хватит болтать. Довези только нас до места, — твердил он. Ол-молог был конечной целью их пути. Проведя там день, они повернули обратно. Некогда Ол-молог был большим поселением скотоводов, раскрашивавших свои тела и волосы охрой. Потому-то там и решено было организовать земледельческое хозяйство. Правительство рассчитывало, что добрый пример убедит воинов-кочевников позабыть кровожадность и заняться производством молочных продуктов. Но план этот провалился, вероятно, из-за нетерпеливости чиновников, являвшихся от имени власти преображать этот уголок

земли. Так или иначе, местные жители только рады были предоставить чужеземную затею ее собственной участи. Сами они переселились немного дальше и приходили сюда торговать.

Хамид обычно останавливался у человека по имени Хуссейн, родом с Занзибара. Хуссейн жил на доходы от своей лавки. Внутри магазина стояла швейная машина с ручным приводом, на ней он строчил шуки и накидки для своих клиентов. На прилавке у стены громоздились мешки с сахаром, ящики чая и всякий мелкий товар. Хуссейн был высокий и тощий, с виду привычный к трудностям — такой же небогатый и нетребовательный, как его магазинчик. Жил он одиноко в задней части лавки, гостей устроил на складе и рассчитывал на неспешную беседу. Вечером они уселись перед лавкой, послушали рассказы Хуссейна о Занзибаре. Когда он наговорился всласть, перешли к делу, а потом молча смотрели, как угасает свет на горе.

— Заметил, какой здесь зеленый свет? — после долгой паузы спросил Хуссейн. — Каласингу можно и не спрашивать, он замечает лишь то, что смазано машинным маслом и шумит. Каков нынче план, мой друг? В прошлый раз, когда ты приезжал сюда, ты собирался купить автобус и

продолжить маршрут по горным деревням. Что сталось с этой блестящей идеей?

Каласинга пожал плечами и не ответил, даже не обернулся. Из жестяной кружки он прихлебывал самодельное пойло, которое прихватил с собой в дорогу. На глазах у спутников он старался не пить, но Юсуф замечал, как шофер делает несколько торопливых глотков из каменной бутыли, когда думает, что его никто не видит.

— А ты, юноша, как тебя? Юсуф? Ты различаешь этот свет? — настаивал Хуссейн. — Когда-нибудь ты сведешь молодых женщин с ума своей красотой. Поедем вместе со мной на Унгуджу, я женю тебя на моей дочери. Видишь этот свет?

— Да, — ответил Юсуф. Он видел, как постепенно с подъемом в гору менялся свет, и был рад поговорить об этом, как рад был и разговору о Занзибаре. Слушая рассказы Хуссейна о Занзибаре, он внезапно принял решение: однажды он непременно отправится туда, чтобы своими глазами увидеть это невероятное место.

— Он с чем угодно согласится теперь, когда ты пообещал ему свою дочь, — засмеялся Хамид. — Но ты опоздал, мы уже обручили его с нашей старшенькой. Разве я не говорил тебе об этом, Хуссейн?

— Противно слушать! Ей всего десять лет, — возмутился Хуссейн.

— Одиннадцать, — поправил его Хамид. — Самый возраст для брака.

Юсуф понимал, что его поддразнивают, но все же от этого разговора ему стало неловко.

— Почему он зеленый? Свет — почему?

— Из-за горы, — ответил Хуссейн. — Когда доберешься в своих странствиях до озер, увидишь, что мир окружен горами и они придают небу зеленоватую окраску. Эти горы на том берегу озера — край известного нам мира. По ту сторону воздух цвета язвы и чумы, и одному Богу ведомо, что за твари там обитают. Восток и север известны нам вплоть до Китая на краю востока и до владений Яджуджа и Маджуджа на севере. Но на западе страна тьмы, страна джиннов и чудищ. Бог посылал твоего тезку Юсуфа пророчествовать в стране джиннов и дикарей. Может быть, он и тебя пошлет к ним.

— Ты бывал у озер? — спросил Юсуф.

— Нет, — ответил Хуссейн.

— Но во всех остальных местах он бывал, — вмешался Хамид. — Он-то дома не засиживается, не такой это человек.

— Что за пророк Юсуф? — спросил Каласинга.

Пока Хуссейн рассуждал про озера и зеленый свет, он презрительно усмехался — все это сказки, восклицал он, — но собеседники знали, что он не устоит при упоминании пророка и джиннов.

— Пророк Юсуф, который спас Египет от голода, — ответил Хуссейн. — Разве ты не слышал о нем?

— Что там, за тьмой на западе? — спросил Юсуф, и Каласинга сердито прищелкнул языком. Он-то ждал рассказа о голоде в Египте — знать он про него знал, но охотно бы послушал снова.

— Никто не знает, как далеко простираются дикие места, — ответил Хуссейн. — Но я слышал, говорят, путь пешком занял бы пять сотен лет. Источник жизни там, в этой пустыне, его охраняют упыри и змеи — каждая с целый остров величиной.

— Ад тоже там? — спросил Каласинга, вернувшись к своему обычному насмешливому тону. — Все эти камеры пыток, которыми запугивает ваш Бог, они тоже там?

— Тебе виднее, — сказал Хамид, — ведь ты направляешься прямиком туда.

— Я собираюсь перевести Коран, — внезапно заявил Каласинга, а когда все остальные отсмеялись, уточнил: — На суахили.

— Ты и говорить-то не умеешь на суахили, — сказал Хамид. — И по-арабски не читаешь.

— Я переведу его с английского перевода, — угрюмо упорствовал Каласинга.

— Зачем это делать? — спросил Хуссейн. — Такой бестолковой идеи мне еще не доводилось от тебя слышать. Зачем тебе это?

— Чтобы вы, глупые туземцы, услышали болтовню Бога, которого почитаете, — пояснил Каласинга. — Это будет моя миссия. Разве вы понимаете, что там написано по-арабски? Самую малость, а по большей части вы, глупые туземные братцы, и того не понимаете. Потому-то вы и глупые туземцы. Что ж, когда начнете понимать, может быть, увидите, насколько нетерпим ваш Аллах, и перестанете его чтить, поищете для себя что-то получше.

— Валлахи! — воскликнул Хамид, уже не шутя. — Не думаю, что такому, как ты, пристойно говорить о Нем в столь недопустимом духе. Наверное, кто-то должен проучить этого волосатого пса. Вот что: в следующий раз, когда ты придешь подслушивать наши разговоры у лавки, я перескажу глупым туземцам твои слова. Они живо подпалят твою волосатую задницу.

— Все равно я переведу Коран, — неколебимо

заявил Каласинга, — ибо я пекусь о других людях, даже о невежественных алла-валлахах. Разве это религия для взрослых людей? Может, я не знаю, каков Бог, и не помню всю тысячу его имен и миллионы его посулов, но я знаю — Он не может быть тем злыднем, которого вы почитаете.

В этот момент в магазин вошла женщина, спросила муку и соль. Вокруг ее талии был обмотан кусок ткани, и на шее висели широкие бусы, спускаясь также на плечи. Грудь оставалась открытой, соски наружу. Она не обратила ни малейшего внимания на Каласингу, который при виде нее заерзал, стал испускать похотливые звуки, причмокивая, словно голодный, и вздыхая. Хуссейн заговорил с женщиной на ее языке, и она благодарно улыбнулась, стала подробно отвечать, жестикулируя, что-то поясняя, сквозь ее слова прорывался смех.

Хуссейн засмеялся вместе с ней, отфыркиваясь, присвистывая носом. Женщина ушла, а Каласинга не прерывал песнь своей похоти, описывал, как будет скакать и скакать, пока не изольется в нее целиком.

— О эти дикарки, вы почувствовали запах коровьего навоза? Вы видели эти груди? Такие пухлые, ах, у меня все болит!

— Она кормит дитя. Об этом она и рассказывала мне — о своем малыше, — сказал Хуссейн. — Ты смеешься над нетерпимостью нашего Бога и глупостью нашей веры, а потом называешь эту женщину дикаркой.

Каласинга вроде бы и не слышал этого упрека. Откликаясь на подначки Хамида, он пустился рассказывать про свои любовные подвиги, громоздя комические подробности. Вот, мол, красивая женщина после всяческих его тщательно продуманных ухищрений привела его к себе домой — и оказалась мужчиной. А потом он вел переговоры со старухой, принимая ее за сводницу, но она и оказалась проституткой, за близость с которой ему следовало уплатить. А еще у него было дело с замужней женщиной и он чуть не лишился жизненно важных органов, когда в самый неподходящий момент рогатый муж загремел дверным замком. Он разыгрывал все роли, смягчал голос, расслаблял тело, руки и ноги его свободно ходили в суставах. В тех промежутках, когда он становился собой, его борода грозно щетинилась и тюрбан словно приподнимался над головой — вот он, грозный джанаб[44],

[44] Примечания: 44
Господин (арабский).

сосредоточенный исключительно на поисках женщины. Хамид выл от смеха, хватался за бока, задыхался в приступе веселья. Каласинга терзал его, повторяя те сцены, которые действовали наотмашь. Юсуф тоже смеялся — виновато, потому что видел, что Хуссейн вовсе не одобряет грязной болтовни, но при виде Хамида, корчащегося в судорогах хохота, не мог устоять.

Наконец в ранние предрассветные часы болтовня их стала тише, мрачнее, и слова прерывались все более частыми и долгими зевками.

— Боюсь я времен, что нам предстоят, — негромко сказал Хуссейн, а Хамид в ответ устало вздохнул. — Все пришло в смятение. Эти европейцы очень настойчивы, они сокрушат нас всех, воюя за блага земли. Глупо думать, будто они явились сюда с добром. Их не торговля интересует, а сама земля. И все, что тут есть… мы.

— В Индии они правят веками, — откликнулся Каласинга. — Но вы не цивилизованы, как они могут проделать здесь то же, что в Индии? Даже в Южной Африке — убивать всех людей там, чтобы завладеть землей, имеет смысл только ради золота и алмазов — а здесь что? Они будут спорить и ссориться, хватать то и воровать се, может, устроят несколько небольших войнушек,

а потом им надоест и они отправятся по домам.

— Пустые мечты, мой друг, — откликнулся Хуссейн. — Смотри, они уже разделили между собой лучшую землю на горе. Из гористой местности к северу отсюда они изгнали даже самые свирепые племена и захватили их землю. Прогнали их с легкостью, будто малых детей, кое-кого из вождей похоронили заживо. Ты об этом не слышал? Остаться разрешили только тем, кого превратили в своих слуг. Несколько столкновений — с их-то оружием, — и вопрос решен. По-твоему, это выглядит так, словно они заглянули сюда ненадолго? Говорю тебе, они очень настойчивы. Им нужен весь мир.

— Тогда нужно узнать, кто они такие. Что вам известно о них, кроме этих побасенок о змеях и людях, которые едят железо? Вы знаете их язык, их истории? Как же иначе вы научитесь справляться с ними? — спросил Каласинга. — Ворчать-бурчать — что толку в этом? Мы все одинаковые. Они наши враги. Это тоже делает нас одинаковыми. В их глазах мы животные, и мы не можем помешать им еще долго думать про нас такую глупость. Знаете, почему они сильны? Потому что они веками кормятся за счет всего мира. И сколько ни ворчи, ворчней это не оста-

новишь.

— Чему бы мы ни научились, это их не остановит, — равнодушно ответил Хуссейн.

— Ты просто боишься их, — мягко возразил Каласинга.

— Ты прав, я боюсь… и не только их. Мы потеряем все, в том числе наш образ жизни, — напророчил Хуссейн. — А молодые люди утратят еще больше. Наступит день, когда те заставят их наплевать на все, что мы знаем, заставят вытвердить их законы и их историю мира так, будто это слово Божье. И когда они напишут о нас, то что скажут? Что мы рабы.

— Так научись бороться с ними! — вскричал Каласинга. — Если ты говоришь истину, если впереди нас ждут такие беды, что же ты сидишь тут на горе и возвещаешь о них?

— А куда мне идти возвещать о них? — спросил Хуссейн, кротко улыбаясь ярости своего собеседника. — На Занзибар? Там даже рабы воспевают рабство.

— К чему эти мрачные речи? — вмешался Хамид. — Что уж такого замечательного в нашем образе жизни? Разве у нас мало тревог без того, чтобы пугать нас столь горестными предсказаниями? Все в руках Бога. Все может перемениться,

но солнце по-прежнему будет всходить на востоке и садиться на западе. Прекратим эти мрачные речи, прошу вас.

После долгого молчания Хуссейн спросил:

— Хамид, а чем нынче занят твой пройдоха-партнер? В какую глупость втянул тебя на этот раз?

— Кто? — напряженно выговорил Хамид. — О чем ты говоришь?

— Как кто! Сам скоро поймешь кто. Твой партнер. Разве ты не об этом говорил в прошлый раз? Придет время, этот человек обчистит тебя так, что не останется даже нитки с иголкой, чтобы чинить одежку, — презрительно проговорил Хуссейн. — Он сделает тебя богачом, говоришь ты. Никакого риска, уверяет он. Ни в чем не сомневайся. Можешь уже заказывать себе шелковые жилетки, если хочешь. А потом — вот и риск, а обратного пути у тебя уже нет. Неудачи случаются, торговля есть торговля. Сам знаешь, как это бывает. Скольких он уже разорил? Он втягивает тебя в затеи сверх твоих средств, а когда ты не сможешь платить, заберет себе все. Так он всегда делает, и ты прекрасно знаешь, о чем я говорю.

— Да что с тобой сегодня? — возмутился Хамид. — Наверное, это от жизни на горе, от этого

зеленого света. — Юсуф понимал, что Хамиду не по себе и он начинает сердиться. Вид у него был рассеянный и угрюмый, один раз он с тревогой оглянулся на Юсуфа.

— Знаешь, что я слыхал о нем, о твоем партнере? — продолжал Хуссейн. — Мол, если его партнеры не могут заплатить, он забирает их сыновей и дочерей как рехани. Словно в старые дни рабства. Достойные люди так не поступают, не должны.

— Довольно, Хуссейн! — сердито перебил Хамид, полуобернувшись, словно хотел снова посмотреть на Юсуфа. Каласинга вроде бы тоже хотел что-то сказать, но Хамид замахал на него руками. — Позволь мне совершать те глупости, какие я сам захочу совершить. Ты думаешь… то, что делаешь ты… что делаем мы… лучше? Чем это лучше? Мы трудимся, рискуем всем, живем вдали от своих, и все равно мы по-прежнему бедны, как мыши, и, как мыши, напуганы.

— Господь говорит нам… — начал Хуссейн, заготовив изречение из Корана.

— Не надо мне этого! — перебил его Хамид — кротко, чуть ли не умоляюще.

— Однажды он попадется! — не смолчал Хуссейн. — Вся эта контрабанда, все его ловкие

сделки добром не кончатся, и ты тоже окажешься в это замешан.

— Прислушайся к своему брату, — посоветовал Хамиду Каласинга. — Мы, конечно, люди небогатые, но, по крайней мере, живем по закону и уважаем друг друга.

Хамид рассмеялся.

— О да, какие мы благородные философы! Когда ты обнаружил закон, ты, лживый негодяй? О чьем законе ты рассуждаешь? Сколько ты дерешь с любого из нас за простейшую работу… И это у тебя называется «жить по закону». — Тоном и всей манерой говорить Хамид давал понять, что трудный момент позади и он предпочел бы придать более шутливое направление беседе. — Но, право, мы же не хотим, чтобы у молодого человека сложилось дурное впечатление обо всех нас?

Юсуфу было тогда шестнадцать, и зваться «молодым человеком» казалось ему лестно, все равно как если бы его назвали высоким или даже мудрецом. Он всячески постарался показать, как ему приятно, не боясь выставить себя дурачком, и трое мужчин посмеялись над его наивностью. Так разговор благополучно уклонился от истории человека, вынужденного отдать сына в залог, чтобы удовлетворить кредиторов. Но Юсуфу казалось,

кое-что из сказанного Хуссейном о Хамиде ему вполне ясно. То отчаяние, с каким этот торговец стремился обеспечить себя, и его переживания о судьбе каравана дяди Азиза, — все говорило о неуверенности, о страхе неудачи. Юсуф припомнил бормотание в запретном для него складе и запах магендо, исходивший от спрятанных там товаров. То бормотание Хамида было молитвой.

8

Через несколько дней после их возвращения в город вернулся с караваном и дядя Азиз. Как обычно, процессию возглавляли барабанщик и трубач, за ними шагал Мохаммед Абдалла. Явились они в конце дня, в тот час сочного и яркого света, когда солнце уже не палит, а в дыхании ветра и в шорохе листьев вновь ощущается влажная прохлада. Юсуф увидел их первым: сначала лишь колебание воздуха над дорогой, по которой он шел в одиночестве, а затем облако тонкой пыли, и грохот барабана, и визг трубы. Он хотел подождать, увидеть — как ему представлялось — устало волочащих ноги путников, но решил, что обязан помчаться домой и предупредить Хамида.

Экспедиция, как выяснилось, была трудной, караван столкнулся со множеством опасностей и лишений. Два человека были тяжело ранены: одного погрыз лев, другого укусила змея. Обоих оставили в маленьком городке у озера на попечении семейства, которому дядя Азиз щедро заплатил. Прежде ему не доводилось иметь дела с этими людьми, но он был уверен, что они

будут добросовестно ухаживать за ранеными, так он сказал. Многие носильщики и охранники переболели, ничего особенно серьезного, благодарение Богу, обычные тяготы путешествия вглубь страны. Мохаммед Абдалла однажды ночью свалился в овраг и повредил плечо. Он оправился, но плечо все еще болело, хоть он и старался это скрывать, сказал дядя Азиз. Несмотря на такие горести, дело того стоило, хотя их все время и тревожила мысль, что они слишком удалились от побережья. Дядя Азиз выглядел столь же невозмутимым, как и всегда, разве что исхудал и поздоровел. После того как он выкупался, переоделся и надушился, уже и не верилось, что он провел несколько месяцев в пути.

— В верховьях рек торговля шла как нельзя лучше, — рассказывал дядя Азиз, — но мы провели на реке не так уж много времени. В следующем году мы вернемся на Марунгу[45], пока в эти места не хлынули купцы. Европейцы скоро отрежут эту территорию. Бельгийцы. Я слышал, они продвигаются все ближе и ближе к озерам. Завистливые, никчемные бедняки, ни малейшего понятия о том, как вести дела. Я о них слышал. Даже ан-

[45] Примечания: 45
Нагорье в Конго.

гличане и немцы лучше, хотя, видит Бог, все они — дурные дельцы. На этот раз мы привезли кое-какой ценный товар.

Его слова звучали музыкой в ушах Хамида, и, стремясь подчеркнуть свою близость к дяде Азизу, он пересыпал свою речь арабскими словами, непрестанно улыбался и постанывал от восхищения, наблюдая, как товар складывают в хранилище. Мешки зерна, приобретенные дядей Азизом за бесценок, оставались в лавке Хамида, а камедь, слоновая кость и золото отправлялись на поезде к побережью. Прежняя партия каучука уже была продана греческому купцу из города. Вечером Хамид повел дядю Азиза на склад осмотреть товары, потом они долго сидели над амбарными книгами, бормотали, прикидывали прибыль.

Дядя Азиз задержался ненадолго. Он хотел вернуться на побережье до наступления Рамадана, чтобы отдыхать и поститься у себя дома. Распорядившись всем этим добром до конца месяца, он успевал расплатиться с носильщиками перед Новым годом и справлялся с расходами, каких требует Ид. В день отбытия — Мохаммед Абдалла все еще не вполне пришел в себя — процессия двинулась к станции. Юсуфа провожать не про-

сили. Незадолго до отъезда дядя Азиз отозвал его в сторону и вручил пригоршню монет.

— На случай, если тебе что-нибудь понадобится, — сказал он. — В следующем году я снова проеду через этот город. Я тобой доволен.

Путешествие вглубь страны

1

Визит дяди Азиза осчастливил Хамида. Рассказы о путешествии привели его в восторг, и всем слушателям приоткрылся великий и страшный мир там, за горизонтом. Чтение и сверка цифр также внушали оптимизм, сложенный в магазине Хамида товар свидетельствовал о благой удаче, которая сопутствовала всему предприятию. Теперь Хамид даже не дожидался наступления ночи, чтобы прокрасться в тайный склад и там предаться ликованию. Иногда он оставлял дверь открытой, и сокрушительный запах звериных шкур проникал во двор. Юсуф видел нагроможденные внутри мешки из джута и соломы, в некоторых он узнавал запас зерна, оставленный дядей Азизом, в других тот груз, что сквернослов Вакх доставил на грузовике. Он видел, как Хамид расхаживает среди всего этого богатства, пересчитывая мешки и толкуя сам с собой. Когда он заметил за распахнутой дверью Юсуфа, гримаса паники промелькнула на его лице, сменившись разом облегчением — и подозрительным прищуром. Торговец нахмурился, взгляд его сосредоточенно обратился внутрь.

Потом он лукаво рассмеялся и вышел навстречу мальчику.

— Что тебе нужно? Разве у тебя нет работы? Ты подмел двор? Собрал плоды хлебного дерева? Тогда я отправлю тебя с поручением в город. Кто велел тебе подсматривать за мной, а? Хочешь знать, что там в мешках, да, хочешь? Однажды ты все узнаешь, — бодро частил он, запирая дверь. — Очень удачное вышло путешествие, очень удачное, благодарение Богу. Всем нам повезло. Тебе что-то нужно? Что ты тут высматриваешь?

— Я… — заговорил было Юсуф, но Хамид оборвал его на полуслове, зашагав к главному входу в магазин, и Юсуфу пришлось поспешить следом.

— Ничего не высматриваешь, вот как? Хотел бы я послушать, что скажет теперь Хуссейн. Только потому, что он живет на горе и едва может себя прокормить, он считает любого, кто старается хоть немного заработать, закоренелым грешником. Да ты же был там с нами! Я вовсе не стремлюсь к великим богатствам, но пока я живу в этом месте и торгую здесь, отчего бы мне не заработать малость. Если он ведет себя как странный человек, как мечтатель — это его дело. Ты же слышал его, великие идеи и ничего больше. Ведь

ты же его слышал?

— Да, — ответил Юсуф, растерявшись перед напором Хамида. Ему стало интересно, что на самом деле в мешках. Но спрашивать не хотелось: он видел, Хамид думает, будто он и так все знает. Наверное, там какие-то ценности, которые прячут подальше от чужих глаз на складе у Хамида.

— Разве это грешно — заботиться, чтобы твоя семья жила лучше? — настаивал Хамид, возвышая голос, словно презрительно бросал вызов Хуссейну. — Дать им возможность жить среди своего народа? Что в этом плохого, спрашивается. Я всего лишь хочу купить маленький дом для моей семьи, найти детям хороших мужей и жен, иметь возможность ходить в мечеть вместе с культурными людьми. И если это не слишком, я бы еще хотел посидеть вечером с друзьями и соседями, выпить чашечку чая за дружеской беседой… Вот и все! Разве я говорю, что хочу кого-то убить? Или обратить другого человека в рабство? Или ограбить невинного? Я всего лишь хозяин маленького магазинчика, пытаюсь немного заработать. Очень немного заработать, видит Бог! Вот он теперь взялся за европейцев, мол, они всех лишат земли. Они, мол, прирожденные убийцы без жалости и милосердия. Уничтожат нас и все,

во что мы верим. А когда ему надоедает говорить про это, он учит меня, как мне вести дела. Я бы тоже мог тебе кое-что о нем порассказать. Но я всего лишь хочу жить своей собственной жизнью, жить в мире. А нашему философу этого недостаточно — не устраивает это Хуссейна, живущего, словно бес, среди дикарей. Ему кто-нибудь указывает, чтобы он не делал со своей жизнью все, что ему заблагорассудится? Но стоит рассказать что-то про себя, и он тут же прочтет тебе проповедь и процитирует суры из Корана. «Господь велел нам!» — ты его слышал.

Хамид призадумался над своими словами, пыхтя от возмущения. Потом пробормотал: «*Астагфирулла*, Боже, прости меня», передернувшись от мысли, что в его словах прозвучало неуважение к Книге.

— Я не хочу сказать, чтоб в цитатах из Книги был какой-то вред, но он ссылается на Книгу из злобы, а не из благочестия. О нет, я вовсе не хочу сказать, что в Слове Божьем может быть какой-то вред. А сумасшедший Каласинга хочет переводить Коран! Это в нем его пойло говорит, само собой. Надеюсь, Бог видит, что он язычник и сумасшедший, Бог сжалится над ним, — и Хамид захихикал при таком воспоминании.

— Коран — наша вера, в нем заключена вся мудрость, какая нужна нам, чтобы жить хорошей, нравственной жизнью. — Он поднял глаза, словно ожидал что-то увидеть в небе. Юсуф тоже посмотрел вверх, но Хамид раздраженно зашипел, требуя внимания. — Но это не дает нам права стыдить других Кораном. Он должен быть нашим источником знаний, нашим руководством. Читай Книгу всегда, когда можешь, особенно теперь, в Рамадан. В этот священный месяц каждое доброе дело несет двойное благословение по сравнению с тем, что ты получаешь в иное время. Пророку обещал это сам Всевышний в ночь Мираджа. В ту ночь наш пророк был перенесен из Мекки в Иерусалим на крылатом коне Бураке, а оттуда в присутствие Всевышнего, который объявил ему законы ислама. Рамадан, так было предписано, станет месяцем поста и молитв, месяцем самоотречения и покаяния. Как же еще выразить нашу покорность Богу, если не отказом от самых насущных благ жизни — от пищи, воды и телесных радостей? Вот что отличает нас от дикаря и язычника, тот-то себе ни в чем не отказывает. И если в эту пору ты читаешь Коран, твои слова направляются прямиком к Творцу, они стяжают тебе великое благословение. Выделяй для

этого каждый день по часу, пока длится Рамадан.

— Да. — Юсуф отступил на шаг. Под конец проповеди тон Хамида сделался задушевным, торговец явно ждал от Юсуфа полного соучастия в этом внезапном порыве благочестия. Юсуф надеялся удрать прежде, чем Хамид окончательно распалится, но не успел.

— Кстати говоря, я не замечал тебя за чтением. — Хамид вдруг сделался строгим, подозрительным. — С этим шутить нельзя. Ты что, хочешь попасть в ад? Сегодня мы будем читать вместе, после того как ты помолишься вечером.

К вечеру Юсуф ослаб от голода и усталости. Первые три дня поста всегда самые изнурительные, и, если б мальчика предоставили самому себе, он бы пролежал большую часть дня в тихой тени. После первых трех дней тело привыкало существовать долгие часы без еды и воды, и это длящееся целый день мучение становилось сколько-то выносимым. Он думал, что прохладный горный воздух облегчит испытание, но оказался неправ — в духоте прибрежного городка он словно отчуждался от собственного онемевшего тела, предоставлял телу изнемогать и достигал состояния оглушенного терпения. Здешний сравнительно прохладный воздух под-

державал его, не позволял ослабнуть настолько, чтобы соскользнуть в полуобморок. А теперь еще ожидало унизительное разоблачение при встрече с Хамидом.

— То есть как? Ты не умеешь читать? — возмутился Хамид.

— Такого я не говорил, — запротестовал Юсуф. Он всего лишь пытался сказать, что не успел дочитать Коран прежде, чем его отправили работать на дядю Азиза. Мать разучила с ним алфавит и помогла прочесть первые три простые суры. В семь лет его отправили к учителю в городе, куда они только что переехали, для наставления в религии. Учеба шла медленно. Учитель вовсе не торопился довести порученных ему детей до завершения курса: как только мальчик осваивал чтение Корана от первой страницы до последней, учитель лишался ежемесячного взноса за него. Образование считалось оконченным после примерно пяти лет учебы. Так выходило справедливо по отношению и к самому учителю, и к ученикам. Ребята служили на побегушках, убирали в доме учителя. Носили ему дрова, выполняли всякие поручения. Мальчики частенько прогуливали и за это бывали биты. Девочек били только по ладоням, их учили прилично себя держать. Уважай

себя, и другие станут уважать тебя — это правило касается всех нас, но в первую очередь женщин. Вот что означает слово «честь», твердил им учитель. Так заведено от начала времен, насколько мы можем знать или помнить. Мальчики и девочки рассаживались на циновках на заднем дворе учительского дома и покорно, с понятной неохотой, распевали урок за уроком. В свое время и Юсуф закончил бы курс и считался бы равным среди сверстников и старших. Но его отослали из дома.

Халил обучил его цифрам, но ни разу не предлагал почитать Книгу, и сам не читал. По пятницам, когда они ходил в город, в мечеть, Юсуф неплохо справлялся. Правда, во время более длинных молитв внимание рассеивалось, а когда читали незнакомые разделы Книги, он просто гудел бессмысленно в лад с теми, кто по-настоящему читал, но ни разу не опозорился. И сам проявлял учтивость, не вслушиваясь слишком внимательно в чтение стоявших рядом, не проверял, справляются ли они лучше, чем он. Но теперь, когда Хамид усадил его под вечер рядом с собой, Юсуф понимал, что нет шансов просто погудеть, побормотать и выбраться из угла, куда его загнали. Хамид предложил начать с чтения вслух,

по очереди, суры Йа Син. Юсуф открыл Книгу и полистал страницы под пристальным взглядом Хамида.

— Ты не знаешь, где находится Йа Син? — спросил он.

— Я не закончил курс, — ответил Юсуф. *Сикухитиму*[46]. — Наверное, я не смогу ее прочесть.

— То есть как? — потрясенно, испуганно спросил Хамид. Он поднялся на ноги и попятился от Юсуфа — не так, как пятятся от угрозы, но как от чего-то скверного, обреченного. — *Маскини*[47]! Несчастный мальчик! Это очень дурно! Неужели тебя в том доме не научили читать? Что за люди там живут?

Юсуф тяжело вздохнул, пристыженный своим провалом, осознавая бесчестье. Он тоже поднялся на ноги — сидя на корточках на полу, он чувствовал себя еще более уязвимым. Он устал, проголодался и хотел бы обойтись без той драмы, что ему несомненно предстояла. Но он не был так напуган провалом, как со страхом ожидал весь день.

— Маймуна! — Хамид закричал, призывая

---

[46] Примечания: 46
Не закончил (суахили).

[47] Примечания: 47
Нищий, бедняжка (суахили).

жену так, словно у него что-то заболело. Юсуф понадеялся, что Хамид тоже изнурен постом, что он скоро опустится на пол и будет негромко внушать ему насчет учебы и долга. Но тот вдруг заорал, впадая в истерику: — Маймуна! Иди сюда! Ялла! Иди скорей!

Маймуна выскочила на порог, на ходу обматываясь покровом, ее заспанные глаза широко раскрылись, отзываясь на тревожный призыв мужа.

— *Кимвана*[48], мальчик не умеет читать Коран! — заявил Хамид, горестно обернувшись к супруге. — У него нет отца, нет матери, и он даже не знает Слово Божие!

Они скрупулезно допросили Юсуфа, будто давно к этому подготовились. Он и не пытался ничего скрывать. А что говорила по этому поводу госпожа? Как она выглядела? Он понятия не имел, как она выглядела, никогда ее не видел. Разве о ней не говорили, что она весьма набожна? Он ничего об этом не слышал. Разве купец не велел ему ходить в мечеть? Нет, купец вовсе им не занимался, оставил его работать в лавке. Неужто он не думал о том, что без молитв он предстанет

---

[48] Примечания: 48
Дорогая (суахили).

перед своим Создателем обнаженным? Нет, об этом он не думал да и вообще о Создателе не очень часто думал. А как же он молился, не зная Слова Божьего? Он и не молился. Разве что по пятницам, когда ходил в город. Какое безобразие. Их возмущенные крики взмывали все выше, дети тоже выбежали посмотреть на такое зрелище — старшая, Аша, уже почти двенадцатилетняя, такая же пухлая и жизнерадостная, как отец; сыночек Али, унаследовавший материнские кудри и сияющую кожу, и младший, Суда, вечно хнычущий, вцепившись в сестру. Все вышли во двор и присоединились к трагическому хору, оплакивающему позор Юсуфа. Маймуна прижала одну ладонь к виску, словно пытаясь утишить удары пульса, Хамид горестно качал головой:

— Бедный мальчик! Бедный мальчик! — твердил он. — Какое злосчастье принес ты в наш дом! Кто бы мог подумать!

— Не вини себя, — подхватила Маймуна, сопровождая каждое слово тихим стоном. — Откуда нам было знать?

— Не стыдись так, — сказал Хамид Юсуфу, когда их ужас и потрясение достигли пика и слегка пошли на спад. — Это не твоя вина. Бог обвинит нас, потому что мы не поинтересовались вовремя,

получил ли ты образование. Ты прожил с нами уже несколько месяцев…

— Но как мог дядя оставить тебя прозябать в таком состоянии — столько лет? — спросила Маймуна, спеша переложить хотя бы часть вины на другого.

«Во-первых, он не мой дядя», — подумал Юсуф, вспомнив, как его школил Халил, и с трудом удержался от улыбки. Он предпочел бы уйти, и пусть эти двое предаются горю без его участия, но сама извращенность этой сцены приковала его к месту. Ему были отвратительны подобные выплески ужаса и возмущения. Все это казалось расчетливым — и при этом нелепым — представлением.

— Ты же знаешь, что мы, кто родом с побережья, называем себя ваунгвана? — напомнил Хамид. — Знаешь, что это значит? Это значит «люди чести». Так мы называем себя, особенно здесь, среди дикарей и бесов. Почему мы так именуем себя? Потому что Бог дает нам такое право. Мы обладаем честью, вверяем себя Создателю и выполняем свой долг перед ним. Если ты неспособен читать его слово и следовать его законам, то чем ты лучше тех, кто поклоняется камням и деревьям? Да ты мало чем отличаешься от животного!

— Да! — ответил Юсуф, ежась от детского смеха.

— Тебе еще пятнадцать? — Хамид несколько смягчил свой голос.

— Исполнилось шестнадцать в прошлый Раджаб[49]. Перед тем как мы отправились в горы, — ответил Юсуф.

— Нельзя терять время! В глазах Всевышнего ты уже взрослый человек, обязанный целиком выполнять его законы, — заявил Хамид, возвращаясь к привычной роли спасителя. Прикрыв глаза, он пробормотал длинную молитву. — Дети, посмотрите на него! Учитесь на том примере, который он являет нам! — призвал он под конец, выбрасывая вперед руку, чтобы указать на Юсуфа. *Избегай зелья, заклинаю тебя! Учись на моем ужасном примере.*

— Пусть идет в школу изучать Коран вместе с детьми, — вмешалась Маймуна и посмотрела на мужа в упор. — Хватит терзать его, словно он кого-то убил.

---

[49] Примечания: 49
Седьмой месяц мусульманского лунного календаря.

2

Такое унижение навязали они ему. Каждый день в тот месяц Рамадан Юсуф ходил вместе с их детьми к учителю. Он был намного старше всех в школе, и дети изводили его с упорством, доходящим до одержимости. Словно кто-то требовал от них такого поведения и они не могли противиться. Учитель, имам единственной в городке мечети, обращался с Юсуфом сострадательно, по-доброму. Мальчик учился быстро, каждый день дома усаживался повторять пройденное. Поначалу его подгонял стыд, но потом уже радовали и обретенные умения. Учитель многословно его расхваливал и ободрял, будто на такие успехи и надеялся. Юсуф ходил теперь в мечеть ежедневно, вверял себя Богу, которым так долго пренебрегал, и смирялся перед Ним. В мечети имам давал ему небольшие поручения, выделяя перед другими верующими, — знак доверия и одобрения. Он просил принести книгу, которую намеревался почитать вслух собранию, или же четки, или кадильницу. Порой он задавал Юсуфу вопросы, поощряя проявить новоприобретенные знания, а однажды велел забраться на крышу и

призвать мусульман на молитву. Первое время Хамид взирал на происходящее с восторгом, заговаривал со знакомыми о произошедшем у них на глазах чудесном обращении, выражая надежду, что Бог непременно заметит ту роль, которую он и его жена сыграли в спасении этого мальчика. Усердие Юсуфа не ослабевало и по окончании Рамадана. За два месяца он прочел Коран от корки до корки и готов был начать с начала. Имам брал его с собой на похороны и на церемонию, совершаемую после рождения ребенка. Юсуф забывал о своих обязанностях по дому и магазину, проводя все больше времени в мечети, а по вечерам допоздна засиживался над книгами, которые дал ему имам. Спустя некоторое время это внезапное благочестие начало беспокоить Хамида. Какое-то оно избыточное, смахивает на одержимость, решил он. Не стоило заходить так далеко.

Каласинга, с которым он делился этими мыслями, когда тот заглядывал поболтать, не соглашался с ним.

— Пусть мальчик наберется добродетели сколько сможет, — рассуждал он. — Такие чувства долго не держатся. Мир вскоре соблазняет нас ко греху и грязи. Но сама по себе религия прекрасна, истинна и чиста. Ты ничего не понимаешь в

духовных делах, это мы, люди с востока, тут знатоки. Ты всего лишь глупый торговец со своими поцелуй-пять-раз-в-день-землю и замори-себя-голодом-в-рамадан. Тебе неведомы медитация и трансцендентное или что-нибудь подобное. Хорошо, что мальчик нашел для себя нечто более важное, чем мешки с рисом и корзины с фруктами, жаль только, что ему некуда больше обратиться, кроме как к учению Аллаха.

— Но не слишком ли мальчик усердствует? — настаивал Хамид, не обращая внимания на провокацию, содержавшуюся в последних словах.

— Он уже не мальчик, — отвечал Каласинга. — Он почти что молодой человек. Хочешь его разбаловать, что ли? Он такой красавчик — превратишь его в жалкого неженку.

— Да, мальчик миловидный, — согласился после небольшой паузы Хамид. — Но по-мужски. И, знаешь, он совершенно не интересуется своей внешностью. Когда при нем заговаривают о его красоте, он отходит в сторону или меняет тему. До чего невинен! Да и к чему ты завел разговор о вере и добродетели? Уж если я не разбираюсь в этих вопросах, неужели в них смыслит обезьяна вроде тебя? Ты почитаешь горилл и коров и

рассказываешь детские сказки о том, как возник мир. Ты не лучше здешних язычников. Порой я жалею тебя, Каласинга, представляя себе, как твоя волосатая задница будет жариться в аду после дня суда.

— Я буду в раю совокупляться со всем, что попадется на глаза, алла-валла, пока твой пустынный Бог будет терзать тебя за все твои грехи, — бодро отвечал Каласинга. — В глазах твоего Бога что ни возьми, все грех. А наш молодой человек, возможно, просто хочет учиться. Сыт по горло пребыванием в этой твоей мусорной куче. Если в его голове есть мозги, они уже превращаются в кашу. Ты только и требуешь от него, чтобы он сидел рядом и слушал твои лживые истории или собирал никчемные плоды хлебного дерева для продажи на рынке. Даже мартышка обратится к религии, если ее так мучить. Пошли его ко мне, и я научу его читать английские буквы, покажу работу механика. Это хотя бы полезное умение, в отличие от навыков торговца.

Хамид всячески пытался отвлечь Юсуфа работой и даже припомнил затею развести сад за домом, но при этом упомянул и о предложении Каласинги — так и вышло, что Юсуф стал по несколько дней в неделю проводить в мастер-

ской Каласинги. Он сидел на старых покрышках, положив на колени дощечку, и учился читать и писать по-персидски. Утром он делал свою работу по дому, а после обеда шел к Каласинге, вечером же направлялся в мечеть и оставался там до намаза иша[50]. Поначалу эта напряженная жизнь его радовала, но несколько недель спустя он уже врал насчет посещения мечети и засиживался дольше у Каласинги. К тому времени он научился писать на дощечке — правда, медленно — и читать по той книге, которую дал ему Каласинга, хотя и не понимая слов. Он научился и многому другому — менять шины и мыть автомобиль. Заряжать аккумулятор и счищать ржавчину. Каласинга поведал ему тайны двигателя, и кое-что из этого Юсуф ухватил, но ему больше нравилось следить за тем, как наставник, словно чудом, оживляет переплетение из труб и болтов. Он слушал истории про Индию, где Каласинга уже много лет не бывал, но куда мечтал вернуться. И о Южной Африке, где он жил в детстве. Там, на юге, — сумасшедший дом. Там сбываются все самые жестокие фантазии. Я тебе кое-что расскажу про этих мерзавцев африканеров. Они

---

[50] Примечания: 50
Ночной намаз, завершающий цикл ежедневных молитв.

совершенно безумны. То есть не просто жестокие, неуправляемые — а с головой у них неладно. Жаркое солнце расплавило их голландские мозги.

Юсуф помогал толкать машины и осваивал искусство варить чай в консервной банке на примусе. Его посылали в магазин за запасными частями, а вернувшись, он частенько обнаруживал, что Каласинга, воспользовавшись его отсутствием, пропустил глоток-другой. Под настроение Каласинга повествовал о святых, сражениях, влюбленных богах, статных героях и усатых негодяях, а Юсуф, сидя на ящике, награждал его аплодисментами. Каласинга разыгрывал все роли, но порой просил Юсуфа изобразить молчащего принца или напуганного злодея. Забывая важные подробности, он перекручивал сюжет, порой переворачивая его с ног на голову ради забавной концовки.

По вечерам Юсуф сидел на террасе вместе с Хамидом и кем-нибудь из его друзей или гостей, кто заглядывал на огонек. От него требовалось находиться под рукой, подавать кофе, приносить воду в стаканах, порой служить мишенью для взрослых шуток. Мужчины рассаживались на циновках вокруг стоящей на полу лампы. Если ночи в предгорье становились холодными или шел

дождь, Юсуф выносил охапку шалей, раздавал гостям. Он садился чуть в стороне, как подобало ему по возрасту и статусу, слушал рассказы о Мрима и Багамойо, островах Мафии и Ламу, Аджеми и Шаме[51] и о сотне иных заколдованных мест. Порой мужчины приглушали голоса и наклонялись поближе друг к другу, отгоняя Юсуфа прочь, если и он вытягивал шею. Тогда он видел, как слушатели все шире раскрывают глаза, удивляясь, восторгаясь, а под конец взрываются смехом.

Однажды вечером у них остановился человек из Момбасы и рассказал им про своего дядю, который недавно вернулся, проведя пятнадцать лет в Русии, стране, про которую никто из присутствовавших дотоле не слыхал. Он состоял на службе у немецкого офицера из гарнизона в Виту, а когда англичане выгнали оттуда немцев, последовал за своим хозяином — тот сделался дипломатом и поехал в Европу, в посольство своей страны в город Петербург, столицу этой самой Русии. В истории, которые купец передавал со слов своего дяди, невозможно было поверить. В городе Петербурге солнце светит до полуночи, говорил он. Когда наступают холода, вся вода

[51] Примечания: 51

Страна Шам — Сирия (в тогдашней географии, включающей Палестину и значительную часть арабского мира).

превращается в лед, и слой льда на реках и озерах такой толстый, что может проехать доверху нагруженная телега. Ветер дует все время, порой разражается буря, летят куски льда и камни. По ночам в вое ветра слышатся вопли бесов и джиннов, они подделываются под голоса женщин и детей, попавших в беду, но если кто поспешит им на помощь, тот уж не вернется. В самые холодные недели зимы замерзает даже море, и дикие псы и волки рыщут по улицам города и сжирают всякого, на кого наткнутся, будь то человек, лошадь, кто угодно. Люди в Русии нецивилизованные, не то что в Германии, так рассказывал дядя. Однажды, путешествуя по стране, они попали в маленький город, и все обитатели его — мужчины, женщины, дети — оказались мертвецки пьяны. *Сикуфаньени машкара*, умерли для мира. Их дикость наводила на мысль, что дядя попал в страну Яджудж и Маджудж, находящуюся за пределами земель ислама. Но и тут его подкараулила неожиданность — пожалуй, наибольшая неожиданность в этом путешествии. Очень многие жители Русии оказались мусульманами! В каждом городе! Татары, киргизы, узбеки! Кто прежде слыхал эти имена? И столь же удивлялись эти люди при виде дядюшки, ибо они слыхом не

слыхали о черных людях из Африки, да при этом еще мусульманах.

Машалла! — дивились все и требовали у купца из Момбасы новых и новых подробностей. Что ж, его дядя посетил города Бухару, Ташкент и Герат, древние города, где построены мечети небывалой красоты, а сады похожи на земной рай. Он спал в прекраснейшем из садов Герата, а ночью слышал музыку столь совершенную, что едва не лишился рассудка. Стояла осень, повсюду цвела девичья трава, на лозе созревали виноградные гроздья, такие сладкие, не поверишь, что эти плоды породила земля. Воздух там так чист и ясен, что люди не болеют и не стареют.

— Это сказки! — вскричали слушатели. — Не может быть на земле такого места.

— Это правда! — возразил купец.

— Возможно ли, чтобы это было правдой? — О, как они мечтали поверить. — Ты рассказываешь нам очередной вымысел. Запутываешь нас сказками.

— То же самое я сказал дяде, — отвечал купец. — Хоть и выразился повежливее. Как такое может быть правдой?

— И что ответил дядя? — настаивали они.

— Он сказал: клянусь!

— Значит, такие места существуют, — вздыхали они.

А дальше в этом путешествии, добавил купец, они переплыли бурное море с огромными волнами, называется Каспий. По ту сторону он видел, как из земли вырываются фонтаны черной нефти, а из воды, словно стражи адского царства, поднимались железные башни. Небо заполнилось клубами пламени, как будто и огненные врата уже близко.

Оттуда через горы и долины дядя добрался до самой красивой страны, какая встретилась ему в том путешествии, красивее даже Герата. Она была покрыта цветочными и фруктовыми садами, там текли реки и ручьи, жили ученые, изысканные люди, от природы одержимые страстью к войне и интригам, а потому в этих местах никогда не наступал мир.

— Как называется эта земля? — спросили купца.

Он долго раздумывал и наконец неуверенно выговорил: Кавказ. А оттуда его дядя спустился в страну Шам и проделал весь путь обратно в Момбасу, — концовку он произнес поспешно, чтобы его больше не перебивали вопросами об именах и названиях.

3

Юсуф пересказывал детям истории, которые слушал по вечерам, сидя с мужчинами. Дети приходили к нему в комнату, когда им наскучивали игры. В любой момент, как вздумается, могли заглянуть к нему. С тех пор как Юсуфа заставили ходить к имаму вместе с детишками, они перестали его стесняться. Поначалу он радовался отдельной комнате, но одиночество сгущалось, и комната превращалась в тюрьму; теперь он с нежностью вспоминал Халила и то время, что провел с ним вместе. Порой младшие мальчики, возбужденно вопя, боролись на его циновке или набрасывались на Юсуфа, втягивая его в шуточную потасовку. Аша просила его рассказывать истории и не отрывала взгляда от его лица, пока он не закончит. Мальчики приваливались к нему или брали его за руку, но Аша садилась так, чтобы видеть его. Если ее звали родители, она требовала подождать, пока она не вернется. Однажды после обеда пришла без братьев дослушать рассказ, во время которого ей пришлось уйти накануне. Она села на циновку лицом к Юсуфу, напряженно вслушиваясь.

— Ты все врешь! — вскричала она, когда он закончил, в глазах ее стояли слезы. Он смутился и не знал, что ответить. Девочка подалась вперед и вдруг ударила его по плечу. Он неуклюже потянулся к ней, ожидая, что и она примется барахтаться и вырвется, как делали ее братья, но она охотно подалась ему навстречу, прижалась с протяжным вздохом, и теплое дыхание коснулось его груди. Когда его страх слегка улегся, он ощутил, как расслабляется ее пухлое тело, и несколько минут они тихо лежали, сжимая друг друга в объятиях. Он почувствовал шевеление у себя между ног и смутился: как бы она этого не заметила.

— Вдруг кто-нибудь войдет, — сказал он наконец.

Она мгновенно отскочила прочь, потом засмеялась. Девчонка, совсем ребенок, подумал он. С ней ничего подобного никогда не случалось. Кто бы мог дурно об этом подумать? Ему велели присматривать за детьми, в том числе и за ней. И он снова распахнул объятия, и она, слегка вскрикнув от радости, прижалась к нему.

— Расскажи мне про сады в том городе, — попросила она.

— В каком городе? — спросил он, боясь поше-

велиться.

— Где по ночам играла музыка, — сказала она, смеясь, но не отрывая от него внимательного взгляда. Она поерзала рядом с ним, и Юсуф вновь ощутил шевеление там, внизу.

— Герат, — произнес он. — Ночью в саду путешественник услышал, как поет женщина, и едва не лишился рассудка.

— Почему так? — спросила она.

— Не знаю. Может быть, потому, что ее голос был так прекрасен. Или же он не слышал раньше, как поют женщины.

— Как его имя?

— Купец, — сказал он.

— Это не имя. Назови мне имя, — попросила она и принялась тереться об него, а он гладил ее мягкое, пухлое плечико.

— Его звали Абдулразак, — сказал он. — На самом деле о женщине, которая пела, говорил не дядя купца. Дядя привел слова поэта, который жил в Герате много лет назад и писал стихи о красоте этого города.

— Откуда ты это знаешь?

— Его племянник сказал.

— Почему у нас так много дядей? — удивилась она.

— Они же не родные наши дяди, — засмеялся он, крепче прижимая ее к себе,

— Ты тоже станешь купцом? — спросила она, и ее голос взмыл вверх, задрожал и оборвался: девочка шумно захихикала.

После этого она приходила к нему одна и лежала вот так в его объятиях, и он поначалу тихо прижимал ее к себе, боясь сделать резкое движение или прикоснуться к ней так, что ее напугает. Ее сдобный масляный запах был слегка противен, но Юсуф не мог устоять, когда теплое мягкое тело терлось об него. Она целовала ему руки, лежа рядом, а порой и сосала кончики пальцев. Он скрещивал ноги, чтобы она не заметила, как возбуждает его, но не знал, как много она увидела и понимает ли вообще, чем они занимаются. После многих таких безмолвных часов он стал противен самому себе и к тому же боялся последствий, если их застанут в подобном виде. Он продумывал, какими словами положить конец ее визитам, но никак не получалось заговорить.

Первой заподозрила неладное Маймуна. Аша слишком настойчиво отгоняла братьев от Юсуфа, и они пошли жаловаться матери. Та сразу же ворвалась в комнату, велела Аше уйти. Юсуфу она ничего не сказала, лишь долго стояла в дверях,

меряя его гневным взглядом. С той поры она стала холоднее с ним обращаться и бдительно следила, как он возится с детьми. Аша в его присутствии опускала глаза и никогда больше не приходила к нему в комнату. Хамид чаще держал его при себе, но вроде бы не был так возмущен, как Маймуна. Что именно рассказали Хамиду, Юсуф мог только гадать, но по его насмешливым замечаниям с тревогой понял, что теперь уж торговец всерьез задумал женить его.

4

Вскоре после этого — точно в назначенное время, через год после первой экспедиции — дядя Азиз явился опять, с новым караваном, намного больше прежнего. Число носильщиков и стражей дошло до сорока пяти — не так много по сравнению с невероятными караванами прошлого века, подобными кочующим деревням, с собственными князьками во главе, но для простого купца это было существенное предприятие. Чтобы нанять такое количество помощников, дяде Азизу пришлось взять у других купцов кредит под долю в будущей прибыли. И чтобы приобрести тот приумноженный груз, который они несли, дяде Азизу пришлось одолжить денег у индийских заимодавцев с побережья, чего он обычно не делал. Среди товаров были металлические изделия: тяпки и топоры из Индии, американские ножи и немецкие засовы. А также разные ткани: набивной ситец, каники[52], белый хлопок, бахта,

[52] Примечания: 52

Темная хлопчатобумажная ткань, из двух ее кусков составляется женский национальный наряд (один кусок окутывает голову и плечи, другой спускается вниз от груди).

муслин, кикои. А еще пуговицы, бусины, зеркальца и прочие побрякушки, предназначавшиеся в подарок. Как только Хамид увидел эту процессию и услышал о кредиторах, у него началась скверная простуда. Глаза заслезились, слизистые сразу же опухли. В голове отдавалось гулкое эхо, вытеснив из нее все прочее. Он все еще числился партнером Азиза — если нынешнее предприятие провалится, весь товар Хамида, все его имущество перейдет заимодавцам.

Руководил сборами, как и прежде, Мохаммед Абдалла. Его правое плечо толком не зажило, хотя знаменитый мганга провел весьма мучительную операцию, вправляя сустав. Боль мешала мньяпаре размахивать тростью с привычной свободой, а в результате и походка сделалась не столь заносчивой и угрожающей. Задранный подбородок и широко разведенные плечи выглядели теперь преувеличенной позой, то есть нелепо и смешно. То, что прежде казалось обращенной ко всему миру яростной силой, теперь выглядело ужимками тщеславия. Изменилась даже его речь, порой он казался расстроенным, сбитым с толку. Дядя Азиз, прежде не обращавший на своего помощника внимания и предоставлявший ему делать свою работу, теперь ласково заговаривал с ним.

Поскольку число носильщиков заметно увеличилось, Мохаммед Абдалла нанял человека надзирать за ними. Надсмотрщика, высокого, мощного с виду человека из Морогоро, звали Мвене. В первые дни он едва ли произнес несколько слов. Он тоже славился свирепостью и потому носил прозвище Симба Мвене, Лев Мвене. Расхаживая среди подчиненных, он сурово поглядывал на них, доказывая, насколько заслуженно это имя.

На этот раз Юсуфу предстояло проделать путь вместе со всеми. Дядя Азиз сам сообщил ему это, бодро, улыбчиво: ему, дескать, требуется человек, кому он может доверять.

— Ты уже слишком взрослый, чтобы засиживаться тут, — сказал он. — Того гляди попадешь в беду, свяжешься с дурной компанией. Мне нужен умный парнишка присматривать за моими делами.

Юсуфа такой комплимент скорее озадачил, но он сообразил, что то была просьба Хамида: забрать его в путешествие. Он слышал, как мужчины говорили о нем. Понял не все, поскольку дядя Азиз частенько переходил на арабский и Хамид пытался подражать ему в этом. Но он разобрал, как на террасе Хамид уверял дядю Ази-

за: мальчик сложный, пора ему посмотреть мир.

— Сложный мальчик, трудный, — повторял Хамид. — Либо заберите его с собой, либо надо его женить. Он уже взрослый, семнадцать лет в прошлом месяце. Смотрите, какой он большой. Нечего ему тут делать.

Накануне отправления разразилась буря. Сначала поутру поднялся сильный ветер, он нес тучи пыли и сухих веток по дорогам и пустырям. К середине дня пыль сгустилась настолько, что солнечный свет померк, все было покрыто слоем скрипучего песка. Потом ветер внезапно стих и на мир опустилось великое молчание, самый громкий звук заглушался толстым слоем пыли. Если кто-то пытался заговорить, ему в рот набивался песок. Затем ветер поднялся снова, на этот раз принеся шквальный дождь, который лупил струями по домам и деревьям и обрушивался на каждого, кто еще не нашел себе укрытия.

Через несколько минут дождь превратился в затяжной ливень, его шум прерывался лишь треском сломавшегося дерева или отдаленным рокотом грома. Носильщики и товары были рассеяны этой бурей, судя по тревожным крикам и воплям, кто-то, похоже, пострадал. Когда среди дня наступила тьма, носильщики стали при-

зывать Божье имя и молить о милосердии, чем навлекли на себя гнев Мохаммеда Абдаллы.

— С чего Богу проявлять милосердие к невежественным тварям вроде вас? — орал он, слова его с трудом различали те, кто стоял рядом. — Это всего лишь буря. Почему вы так себя ведете? Ой-ой, змея проглотила солнце! — передразнил он, вращая бедрами в издевательской пародии на бабское поведение. — Ой-ой, горе-злосчастье! Дурной знак! Ой, путь нам преградят демоны! Так спойте же песенку, чтобы рассеять злые чары. Или сожрите мерзостный порошок, которым вас снабдили знахари! Что, неужто не знаете каких-нибудь заклинаний? Может, зарежете козу и погадаете по желудку? Вы одержимы страхом перед демонами и всякими предзнаменованиями, а еще называете себя людьми чести и важничаете. Ну же, спойте песню, чтобы отогнать злую волшбу.

— Я полагаюсь на Бога! — вскричал Симба Мвене. — Тут не все трусы.

Мохаммед Абдалла смерил его пристальным взглядом. Он стоял под дождем, вода текла с него ручьями. Он словно тщательно взвешивал и слова, которые произнес Симба Мвене, и как тот держался, когда их произносил. Затем мньяпара

усмехнулся с тщательно отмеренной злобой и кивнул. В бурю Мохаммед Абдалла вновь стал самим собой, в хаосе он метался и орал с упоением.

— Хайя, хайя, — подгонял он носильщиков. — Если не хотите, чтобы я расписал вам задницы тростью, угомонитесь-ка живо. Посмотрите на сеида: он рискует потерять куда больше, чем вы. Что у вас имеется, кроме жалкой жизни, которая никому не сдалась? А у сеида — его богатство и богатство, которое вверили ему другие люди. Он должен заботиться и о вашем благополучии, не только о своем. У него от Бога дар вести дела. У него красивый дом, куда он хочет вернуться. Все это он может утратить, но разве он носится по двору, кудахча, как курица с яйцом? Демоны! Сотню демонов и тысячу ифритов вам в глотку, если не прекратите этот галдеж. Делом займитесь, укройте провизию и товар! Хайя!

Дождь не стихал до поздней ночи, к тому времени постройки обрушились, скот унесло потоком, животные тонули в огромных лужах, вспененных яростной бурей. Сорвало крыши с уборных, переломилось и рухнуло одно из хлебных деревьев на росчисти. Чудом уцелели голубятни, так сказал Хамид. Во дворе до утра жгли факелы, носильщики и охранники пытались спасти все, что

могли. Теперь уж они переговаривались бодро, порой поливая друг друга насмешливой бранью, выкрикивая ругательства. Они изумлялись царившему вокруг хаосу и разрушению, но вроде бы не были ими удручены.

Утром, когда все было готово, дядя Азиз подал сигнал.

— Хайя! — сказал он. — Доставьте нас вглубь страны.

Мньяпара возглавил процессию, он держался очень прямо, несмотря на боль в плече, задирал голову с презрительным высокомерием аристократа. Ему было трудно сохранять прежнюю осанку, он знал это и все же надеялся, что сумеет произвести достойное впечатление на этот наемный сброд и на грязных дикарей, мимо которых шествовал. Чтобы подчеркнуть размах нынешней экспедиции, к барабанщику и трубачу добавили двух горнистов, целый оркестр. Первым вступил рог сива, его протяжные, внушающие почтение звуки пробуждали в каждом тайную тоску, а затем присоединились остальные музыканты и возвеселили сердца путешественников, шагавших в неведомые земли.

Хамид стоял на террасе и смотрел им вслед — встревоженный, напуганный. Юсуф припом-

нил, что говорил Хуссейн: Хамид втянулся в игру, которая ему не по средствам, — и задумался, не эта ли мысль терзает Хамида. Он представил себе, как отшельник смотрит на них с высокой своей горы и качает головой при виде такого безумства. Рядом с Хамидом стояли его маленькие сыновья, но ни Аши, ни Маймуны Юсуф не увидел, как не увидел и Каласингу, а ведь надеялся, что тот выйдет их проводить. Сам он навестил Каласингу и рассказал ему о предстоящей экспедиции, и Каласинга пустился восхвалять путешествия в дальние страны, обрушил на мальчика свои фантастические советы. Не забывай раз в неделю капать в ухо немножко масла, иначе там отложат яйца глисты и черви. До последней минуты Юсуф воображал, как сикх драматически вырулит навстречу на грязную дорогу, выскочит из грузовика и отдаст честь проходящим мимо. Каласинга всегда салютовал по-военному в такие важные минуты. Но, вероятно, он правильно сделал, что остался дома, подумал Юсуф, вспомнив, как носильщики смеялись над тюрбаном сикха и его заплетенной в косички бородой.

В первый день они далеко не продвинулись, удовлетворились тем, что отошли от города. Носильщики жаловались на усталость после

безумной ночи, но Мохаммед Абдалла угрозами и криками подгонял их. Ранним вечером разбили лагерь и принялись разбираться, в какое положение они попали и что ждет впереди. Ливень пропитал землю, прибил пыль, и казалось, будто земля тут жирная, налитая соком. В ясном свете блестели деревья и кусты, доносились звуки торопливой пробежки, что-то отчаянно царапалось, словно сама земля пробуждалась. Остановились они у небольшого озера, берега которого истоптали животные.

Поначалу Юсуф затесался среди носильщиков: сам не зная почему, он предпочитал держаться подальше от дяди Азиза. Но вскоре Мохаммед Абдалла отыскал его и отправил в конец каравана, а там купец приветствовал его дружеской улыбкой и шлепком по затылку. Вскоре мальчик понял, что здесь ему и надлежит быть, выполняя поручения дяди Азиза. После той первой остановки все заботы об удобстве купца легли на него. Он расстилал его циновку и приносил купцу воду, устраивался рядом с ним, ожидая, пока приготовят еду. Дядя Азиз будто не замечал буйного веселья своих спутников, он спокойно озирал окрестности, словно каждая деталь ландшафта требовала особого внимания.

Проследив за тем, как обустраивается лагерь, мньяпара присоединился к дяде Азизу, сел напротив него на циновке.

— Когда смотришь на эти места, — дядя Азиз нехотя оторвал взгляд от окрестностей, — душа устремляется ввысь. Здесь так светло, так чисто. Кажется, будто здешним обитателям неведомы ни старость, ни болезни, будто дни их полны радости и заняты поиском мудрости.

Мохаммед Абдалла захихикал.

— Коли есть на земле рай, он прямо здесь, прямо здесь, — пропел он, кривляясь, и вызвал у дяди Азиза улыбку.

Вскоре они заговорили по-арабски, жестами обозначая направление, споря о преимуществах того или иного маршрута. Юсуф пустился бродить по лагерю, мимо аккуратных стопок товара, мужчин, собиравшихся группами вокруг небольших костров и своего имущества. За немногие часы, что они провели здесь, лагерь приобрел сходство с маленькой деревней. Кое-кто звал Юсуфа выпить чаю или делал менее пристойные предложения. Больше всего народу толпилось вокруг Симбы Мвене, который развалился, опираясь на мешки, а слушатели наклонялись ближе послушать его рассказы о немцах. Симба с восторгом

повествовал о строгости и неумолимости немцев. Малейшее нарушение карается, сколько бедолага ни молил бы о милости и ни клялся исправиться, говорил он.

— У нас, если виновный выкажет раскаяние, нам уже трудно его наказать, особенно когда приговор суров. Люди приходят и просят за осужденного, у всех есть близкие, кто будет оплакивать казненного. А у немцев все наоборот. Чем суровее наказание, тем судьи решительнее и непоколебимее. Как только приговор произнесен, можешь молить, пока у тебя язык не распухнет, а немец будет стоять перед тобой, глаза у него сухие, ни малейшего смущения на лице. А потом ему надоест тебя слушать, и ты поймешь, что выхода нет — только принять наказание. Вот как они проделывают все то, на что, как мы видели, они способны: не позволяют сбить себя с толку.

Сгущались сумерки, воздух наполнился ревом и воплями животных, которые пришли к воде поесть и напиться. Юсуф никак не мог заснуть, его мучил страх, лежать было неудобно. Поразительно — как это они расположились на продуваемом склоне горы, ночью, а вокруг рыщут голодные звери, рычат на расстоянии одного прыжка. И тем не менее, похоже, уснули все, кроме стра-

жей, забаррикадировавшихся позади мешков с товарами. А может быть, никто и не спит, думал Юсуф, может, лежат молча и терзаются тревогой.

5

С каждым днем пейзаж вокруг менялся: они постепенно спускались с горной вершины, земля становилась более сухой, поселения встречались реже. Через несколько дней они вышли на плато, и каждый шаг каравана вздымал тучи песка и пыли. Редкий кустарник был чудовищно искривлен, исковеркан, словно его существование было пыткой. При виде той негостеприимной земли, по которой им предстояло пройти, стихли и песни носильщиков, угасло веселье. Они оживлялись, завидев вдали большие стада, злобно спорили о том, что это за животные. В первые дни внутренности Юсуфа словно превратились в жидкость, тело было измучено усталостью и лихорадкой, в лодыжки и руки впивались колючки, кожа горела от укусов насекомых. Он не понимал, как хоть что-то способно выжить в столь жестоких и свирепых местах. По ночам от рева хищников в его сны проникали кошмары, и поутру он толком не мог разобраться, спал ли ночью или так и лежал, скорчившись в страхе. Но и на этой равнине они натыкались на людей и на поселения. Люди казались такими же иссохшими, как кустарник,

от тела оставалась лишь необходимая для жизни малость. Дядя Азиз распорядился дарить в каждом поселении, мимо которого они проходили, какую-нибудь мелочь, чтобы снискать благоволение жителей и получить от них полезные сведения.

Теперь Юсуф догадывался, почему дядю Азиза звали сеидом. При любых обстоятельствах он выглядел невозмутимым, пять раз в день в установленные часы читал молитву, с его лица почти никогда не сходило выражение снисходительной отстраненности. Самое большее — он хмурился при задержках или стоял, напряженно выпрямившись, нетерпеливо дожидаясь, пока исправят какую-нибудь поломку. Говорил он редко, в основном с Мохаммедом Абдаллой — с ним он подолгу беседовал каждый вечер по окончании дневного перехода. Но Юсуф чувствовал, что купец замечает все существенное, что случается в пути. Порой он видел, как тот посмеивается сам с собой, следя за ужимками носильщиков, а однажды после вечерней молитвы подозвал мальчика и положил руку ему на плечо.

— Ты вспоминаешь отца? — спросил он.

Юсуф онемел. Дядя Азиз чуть-чуть подождал, а потом неторопливо улыбнулся его молчанию.

Мньяпара взял Юсуфа под крыло. Он звал его всякий раз, когда видел нечто, что считал нужным показать Юсуфу, объяснял ему особенности и хитрости краев, по которым они шли. Носильщики предупреждали Юсуфа, что мньяпара оприходует его, не успеет караван так уж далеко отойти от города.

— Ты ему нравишься, кому бы не понравился такой смазливый мальчонка? Должно быть, к твоей матери наведался ангел.

— Ты уже нашел себе мужа, красавчик! — Симба Мвене закатился смехом, скроив на потеху компании гримасу разочарованного любовника. — А что же делать всем остальным? Ты слишком хорош для этого урода. Приходи сегодня ночью, сделай мне массаж, и я научу тебя любви.

Симба Мвене впервые заговорил с ним на такой лад, и Юсуф нахмурился в изумлении. Симба Мвене приобрел популярность среди носильщиков и охранников, вокруг него всегда собиралась небольшая группа приближенных, словно передвижной двор. Главным «придворным» был невысокий кругленький человечек по имени Ниундо. Он первым смеялся, первым произносил хвалу и преданно следовал по пятам за Симбой Мвене. Если Мохаммед Абдалла и Симба Мвене

оказывались рядом, Ниундо становился не на виду у мньяпары и передразнивал его, стараясь рассмешить носильщиков и свирепо глядя на тех, кто не находил его ужимки забавными. Юсуф знал, что Мохаммед Абдалла следит за Симбой Мвене и не раз уже заговаривал о нем с дядей Азизом. Теперь Юсуфу приказывали сидеть рядом с купцом и его помощником на циновке, пока они вели свой вечерний разговор, а он норовил удрать и послушать рассказы носильщиков. Мохаммед Абдалла был недоволен тем, что Юсуф не понимает по-арабски, но он вкратце переводил ему наиболее интересные моменты из разговоров с дядей Азизом.

— Присмотритесь к этому болтуну! — сказал Мохаммед Абдалла однажды вечером, наблюдая за шумной группкой, рассевшейся вокруг Симбы Мвене. — Я воткну в него отличный большой шип, и уж он у меня попляшет, если вздумает чудить. Он убил человека, вот почему он отправился с нами в путь. Хочет заработать столько, чтобы заплатить всем пострадавшим, или погибнет, если такова будет воля Бога. По моему ручательству он получил шанс искупить вину. Иначе родня убитого отдала бы его немцам на казнь, а немцы бы его вздернули, им это раз плю-

нуть. Они такое любят. Доставь им убийцу, и у них загорятся глаза, они примутся мастерить виселицу. Он пришел ко мне со своей историей, и я согласился его взять. А теперь посмотрите на него хорошенько. У меня есть предчувствие насчет этого Симбы Мвене. В его глазах — жестокость, безумие. Он нарывается на неприятности. С виду может показаться, будто его точит голод или он рвется что-то делать, но я думаю, он жаждет боли. Ничего, дорога выбьет это из него. Несколько месяцев среди дикарей — лучший способ выяснить, в чем у человека слабость.

Мохаммед Абдалла наставлял Юсуфа и в том деле, в котором они все участвовали.

— За этим мы приходим на землю, — говорил Мохаммед Абдалла. — Торговать. Мы идем в самые засушливые пустыни и самые темные леса, мы готовы торговать с королями и дикарями, нам все равно, жизнь или смерть. Для нас это все равно. Ты увидишь по дороге такие места, где людей еще не призвала к жизни торговля, они ползают, как раздавленные насекомые. Нет людей умнее, чем торговцы, нет более благородного призвания. Оно дает нам жизнь.

Товар их состоит в основном из тканей и скобя-

ных изделий, пояснял он. Каники, марекани[53], бахта, всякие виды ткани. Все лучше, чем вонючие козьи шкуры, в которые дикари облачаются, если предоставить их самим себе. Если они вообще во что-то одеваются, ибо Господь создал язычников не ведающими стыда, чтобы верные могли сразу их распознать и решить, как обходиться с ними. По эту сторону реки рынок заполнен тканями, но все еще есть спрос на скобяные изделия, особенно среди земледельцев. А их караван движется на другой берег озера, в страну Маньема, вглубь зеленой, покрытой тенью горной страны. Там-то все еще главный предмет обмена — ткани. Дикари не берут денег за свой товар. К чему им деньги? А еще они везли одежду, лезвия мотыг и ножи, табак и хорошо припрятанный запас пороха и пуль, предназначенный в подарок особенно упрямым князькам. «Порох и пули возьмут даже там, где больше ничего не захотят», — объяснял мньяпара.

Путь их лежал на юго-запад до озера, эта часть страны была хорошо известна торговцам, и на нее уже надвигалась тень европейской власти. Этих псов, как их называли, было пока немного

---

[53] Примечания: 53
Плотная хлопчатобумажная ткань.

в округе, и люди еще жили привычной жизнью, но все знали, что в любой день могут появиться европейцы.

— Поразительные они люди, эти европейцы, — заметил Мохаммед Абдалла, оглядываясь за подтверждением на дядю Азиза.

— Положимся на Бога, — успокоительно ответил купец, глаза его заблестели насмешливо, когда мньяпара внезапно разразился взволнованным монологом:

— Каких только историй о них не рассказывают! О сражениях на юге, об их острых саблях и дивных, прицельно стреляющих ружьях! Говорят, они едят железо и обладают властью над землей, но в это я не верю. Если они едят железо, выходит, могут съесть и нас, и всю землю? Их корабли плавают далеко за пределами известных морей, они бывают размером с небольшой город. Вы когда-нибудь видели их корабли, сеид? Я видел в Момбасе несколько лет назад. Кто обучил их таким вещам? В их домах, слыхал я, полы из мрамора, сияют и переливаются таким мягким блеском, что хочется подобрать край одежды, чтобы ненароком не намочить. Но выглядят они как ободранные змеи, и волосы у них золотистые, как у женщин или уродов. Впервые я увидел одного

из них — он сидел на стуле под деревом посреди леса. Я прошептал имя Всевышнего, решив, что оказался в присутствии дьявола. А потом сообразил, что это похожее на призрак существо — один из знаменитых «укротителей народов».

— Он что-то сказал? — спросил Юсуф.

— То не были слова, знакомые человеческому слуху, — ответил Мохаммед Абдалла. — Наверное, он зарычал. Я видел, как из его рта выходили клубы дыма. Возможно, они джинны. Господь сотворил их из огня.

Юсуф догадался, что мньяпара посмеивается над ним, увидел, как изогнулись в улыбке губы дяди Азиза.

— Если джинны построили пирамиды, отчего бы им не строить корабли размером с города? — сказал купец.

— Но кто объяснит, зачем они явились сюда? — вопросил Мохаммед Абдалла. — Словно сама земля треснула и выбросила их вон. Может, когда они покончат с нами, земля вновь разверзнется и засосет их обратно в их страну по ту сторону мира.

— Ты стал болтать как старуха, Мохаммед Абдалла. — Купец вытянулся на циновке, готовясь уснуть. — Они пришли сюда за тем же, за чем

ты и я.

6

Когда представлялась возможность, они разбивали лагерь поблизости от поселения и выменивали еду, чтобы не тратить свои запасы. Чем дальше они продвигались вглубь страны, тем дороже обходились и мука, и мясо. На восьмой день пути они остановились у небольшого леса. Впервые с момента отправления был отдан приказ строить ограду — из страха перед хищниками. Носильщики ворчали, спорили, как всякий раз, когда под конец дневного перехода появлялась дополнительная работа. Они утверждали, что в этом месте кишмя кишат змеи. Симба Мвене прорубил мачете дорожку средь переплетенных ветвей, и остальные, устыдившись, последовали за ним. Они обрезали кусты и тащили мертвые ветви, складывая баррикаду высотой чуть больше метра. Дальше на их пути, у переправы через реку, располагалась деревня Мката. До сеида дошли слухи о караване, разграбленном местными жителями на берегу, и он решил не рисковать. Утром он послал двух человек вперед с подарками для султана Мкаты. Он обратился к самому ничтожному среди старейшин деревни и гово-

рил с ним почтительно. Подарок, состоявший из шести отрезов ткани и двух мотыг, вернулся с сообщением: султан Мкаты требует предоставить в его распоряжение весь товар каравана. Он сам отберет дары, подобающие его положению, тем более если эти дары — дань, взимаемая за позволение пройти по его земле. Дядя Азиз рассмеялся, услышав требования султана, и удвоил подарок. Караван тем временем остановился в полумиле от деревни, любопытствующие детишки таращились на путников, держась в отдалении. Вестники вернулись с ответом: султан Мкаты все еще не удовлетворен, он велел передать, что он человек бедный и не желает, чтобы его торопили с решениями, о которых он может пожалеть. Купец вновь удвоил дары.

— Скажите султану, что мы все бедны, — велел он, — но просим его помнить, что и обитатели небес по большей части бедны, а большинство насельников ада алчны.

Остаток дня прошел в таком обмене сообщениями, пока не удалось утолить и жадность, и гордость. К реке они подошли ранним вечером и, пока стояли на берегу, увидели, как на женщину, зашедшую в воду, напал крокодил. Местные жители и путешественники сбежались к тому

месту, где шла борьба, пенилась вода, но спасти несчастную не сумели. Деревенские жители предались отчаянию, они громко рыдали на берегу реки и на отмелях, взмахивали яростно руками, указывая на дальний берег, куда уполз крокодил. Родичи погибшей бросались в воду, и соседям приходилось вытаскивать их силой — многие подозрительно всматривались в воду, опасаясь появления новых хищников.

Река была глубокой, но возле Мкаты мелела. Широкие топкие берега привлекали полчища животных и стаи птиц. В ночи от воды и из зарослей доносился шум, носильщики забавы ради пугали друг друга, испуская вопли, будто подверглись нападению. Султан Мкаты распорядился зарезать двух коз и пригласил на ужин купца и его спутников. За трапезой хозяин был мрачен и даже не пытался проявить гостеприимство, хватал облюбованные куски, не заботясь о том, едят ли гости. Это был тощий человек с короткими седыми волосами, глаза с набухшими венами отблескивали красным в свете костра. На суахили он говорил с трудом, неразборчиво, и все же Юсуф понимал довольно много, когда вслушивался.

— Вы принесли сюда злосчастье, — говорил старик. — Та женщина, которую ныне забрал зверь,

была защищена от воды и крокодилов. Не бывало прежде такого, чтобы кто-то, как она, был похищен, за все годы моей жизни такого не бывало. И я не слыхивал о таком во времена прежде нас.

И так он бесконечно рассуждал о той женщине, тараща глаза на путников в колеблющемся свете костра. Другие туземцы с ними вовсе не заговаривали, хотя на окраинах огненного круга слышалось их бормотание. Юсуф видел, как дядя Азиз почтительно подавался вперед всякий раз, когда султан возобновлял речь, и время от времени кивал, сочувствуя или соглашаясь.

— Многие люди приходили сюда, чтобы перейти на тот берег, — талдычил свое князек, — но лишь вы принесли нам проклятие. Если вы не заберете его с собой, наша жизнь потеряет покой и смысл.

— Положитесь на Бога, — мягко возразил купец.

— Завтра мы посмотрим, что можно сделать, дабы восстановить разрушенное вами, — сказал султан и с тем отпустил их.

— Грязный дикарь! — взорвался Мохаммед Абдалла. По бокам от их группы шествовали двое носильщиков с факелами, все держались настороже. — Будьте настороже, не то еще до

конца ночи останетесь без стручков. Наш любезный хозяин собрался принести жертву здешним мерзким духам, небось, хочет в ночи швырнуть крокодилам пригоршню ваших мужских отростков. Да упасет нас Бог!

— А может, это не хуже любого другого средства? — сказал чуть позже Юсуфу дядя Азиз, с улыбкой отметив, как мальчик заинтересовался подобным кощунством.

Ночью Юсуфу вновь снился огромный пес из его кошмаров. Он говорил внятно, раскрывая длинную пасть в широкой ухмылке и выставляя напоказ желтые зубы. А потом оседлал беззащитный живот мальчика в поисках его глубочайших тайн.

На рассвете лагерь взорвался рыком, отчаянными воплями — оказалось, на одного из носильщиков во сне напали гиены и отъели ему лицо. Из ободранного обрубка хлестала кровь и густая слизь. Раненый бился на земле, разум его помутился от невообразимой боли. Местные жители сбегались отовсюду, среди них и дети, яростно протискивавшиеся сквозь толпу, чтобы увидеть все вблизи. Пришел и султан, посмотрел, отошел в сторону и, постояв там несколько минут, вернулся и объявил, что вполне удовле-

творен: скверна уничтожена, и все исправлено. Хищники были насланы затем, чтобы устранить зло, занесенное в деревню караваном, и теперь караван может снова тронуться в путь. Только пусть не пытаются пройти здесь на обратном пути. Поглядывая на Юсуфа, султан сказал, что подумывал, не следует ли забрать себе этого юношу. Подходящее возмещение за женщину, которую отняла у них река, ибо ее очень любили.

Двое мужчин остались сидеть с изувеченным носильщиком, плача, удерживали его на месте, а всех остальных туземцы перевели через реку. Наступил момент перенести на тот берег и раненого, но этому противился деревенский султан. Купец предлагал ему всевозможные дары, но султан не шел на уступки. Тот, кого обглодала гиена, принадлежит им. Сама здешняя земля выдала им его.

Раненый умер внезапно в тот же день, среди неудержимых стонов, его рана покрылась пеной, вытекавшей из мозга. Его сразу похоронили чуть в стороне от деревни. Там хоронили и собственных нежеланных или опасных мертвецов, пояснил султан, тех, чьи духи нельзя допускать в свою жизнь. Последние путники переходили на другой берег в сумерках, султан и вся деревня

собрались под деревьями у реки, шумно торопя их прочь. Уже светились глаза крокодилов и бегемотов, спокойно отдыхавших в воде, и с того берега, погрузившегося в глубокую тень, доносились пронзительные птичьи голоса.

Ночью расставили двойную стражу, чтобы отогнать страх, и жгли большие костры. Купец долгое время провел на циновке, безмолвно читая молитвы за погибшего спутника. Вынув из своего ларца маленький Коран, он читал по усопшему Йа Син при свете подвешенного на сук фонаря. Мньяпара и Симба Мвене обходили своих людей, резко заговаривали с ними, стараясь положить конец панике. Юсуф сразу же заснул, но во сне его настигла тревога. Дважды он просыпался со вскриком, оглядывался в темноте, не заметил ли кто его испуг. С первым лучом света колонна построилась вновь, мньяпара орал, призывая смотреть в оба.

— Тебя ночью змея укусила? — негромко спросил он Юсуфа. — Или это были грязные сны? Будь настороже, юноша. Ты уже не дитя.

Когда Юсуф помогал дяде Азизу со сборами, тот остановил его, тихо кашлянув.

— Этой ночью ты снова плохо спал, — сказал он. — Тебя встревожили слова султана?

Юсуф онемел от изумления. Снова! Снова плохо спал! Его словно уличили в изъяне, который невозможно исправить. Неужто всем известно о псах и хищниках и лишенной очертаний бездне, которая является в ночи, чтобы разлучить его с самим собой? Наверное, он часто кричит по ночам и мужчины смеются над ним.

— Положись на Бога, — сказал купец. — Он наделил тебя даром.

По ту сторону реки простиралась плодородная и более густонаселенная земля. Поначалу при виде зелени путники ободрились. Кусты гнулись и дрожали под весом птиц, чья пронзительная неутомимая песнь пилила сравнительно прохладные часы дня. Древние деревья уходили ввысь, сквозь их листву на поросль у корней сочился смягченный свет. Но среди налитых соком растений скрывались ядовитые сорняки, их оплетал ядовитый плющ, и в заманчивой тени обитало множество змей. Насекомые жалили их днем и ночью. Шипы раздирали и одежду, и плоть, путников преследовали странные болезни. И почти каждый день приходилось платить все возрастающую дань султанам, чтобы пройти через их владения. Купец по возможности не вмешивался в переговоры, замыкаясь в непри-

ступном молчании, пока Мохаммед Абдалла и Симба Мвене торговались о цене прохода.

Порой казалось, будто султанам доставляет такое удовольствие доводить мньяпару и его помощника до бешенства, что они умышленно медлят назвать свою цену. И похоже, все эти люди норовят показать пришлецам, что им тут не рады, думал Юсуф.

Город Таяри, первая цель их пути, находился всего в нескольких дневных переходах, тамошние жители прекрасно понимали, как сильно они могут навредить всему предприятию, если вздумают устроить какую-то пакость, так что они рассчитывали на щедрую плату за благожелательность. Еды было вдоволь, но продавалась она задорого. Купец через день покупал кур и фрукты, потому что иначе носильщики принялись бы красть у деревенских жителей и это привело бы к ссоре, а то и к вооруженной схватке.

Воинственные племена вторгались в эту местность, перевалив через гору, стремясь окрасить кровью свои копья и сими[54], угнать скот и женщин. На седьмой день пути от реки караван добрался до деревни, которая подверглась такому

---

[54] Примечания: 54
Сабли (суахили).

нападению двумя днями ранее. Что-то неладное путники почувствовали и увидели еще до того, как вошли в деревню: посреди дня в воздухе клубился дым, черные птицы носились по небу. Когда же они вошли в разоренную деревню, то застали там лишь горстку израненных и изувеченных людей, укрывшихся в тени деревьев. Крыши всех хижин сгорели. Выжившие оплакивали родных, по большей части тех увели налетчики. Кое-кому из юношей удалось убежать во время нападения и увести с собой нескольких детей. Сумеют ли они вернуться — кто знает? Юсуф не смог смотреть на невыразимый ужас ран, уже набухавших от развивавшегося в них недуга. Он бы предпочел, чтобы от таких мучений жизнь оборвалась. Никогда он не видел ничего подобного и вообразить не мог. Тела валялись повсюду: в выгоревших хижинах, в кустарнике, под деревьями.

Мохаммед Абдалла торопился покинуть это место как можно скорее, опасаясь и заразных болезней, и возвращения воинственных дикарей. Симба Мвене подошел к купцу с вопросом, не распорядится ли он похоронить мертвецов. Поначалу он встал вплотную к купцу, и тот сделал шаг назад.

— Уцелевшие не смогут сами с этим справить-

ся, в их-то состоянии, — сказал Симба Мвене.

— Так предоставь их гиенам! — Мохаммед Абдалла не сдерживал гнев. — Нам какое дело? Они и так уже вздулись, наполовину обглоданы…

— Нельзя их так оставлять, — настаивал Симба Мвене, так и не повысив голос.

— Они передадут нам болезни. — Мохаммед Абдалла не спускал глаз с купца. — Пусть их братья вернутся и сами делают эту омерзительную работу. Они прячутся в кустах, вот и все. А когда вернутся, обрушат на нас свои суеверия, еще скажут, что мы осквернили их покойников. Какое нам дело до них?

— Мы их братья по крови Адама, нашего общего отца, — ответил Симба Мвене. Мохаммед Абдалла изумленно хмыкнул, но промолчал.

— О чем ты печешься? — спросил наконец дядя Азиз.

— О достоинстве мертвецов, — ответил Симба Мвене, словно бросая вызов.

Купец рассмеялся.

— Прекрасно, — сказал он. — Похороните их.

— Пусть гиены насрут мне в глаза! — взорвался мньяпара. — Пусть Бог раздерет меня на тысячу клочков — говорю вам, дурная это идея, опасная! Если таков ваш приказ, сеид… но все равно не

пойму, зачем это понадобилось.

— Давно ли ты сделался суеверным, Мохаммед Абдалла? — ласково спросил его дядя Азиз.

Мньяпара лишь глянул на купца — коротко, обиженно.

— Ладно, валяйте быстрее, — велел он Симбе Мвене. — И не рискуйте, не геройствуйте. Эти дикари каждый день вот так расправляются друг с другом. Мы же сюда не святых из себя разыгрывать явились?

— Иди с ними, Юсуф, посмотри, как низок и глуп по природе своей человек, — распорядился дядя Азиз.

Они вырыли неглубокий ров на краю деревни, проклиная недобрую судьбу, которая потребовала их участия в столь зловещем обряде. Деревенские жители наблюдали за их работой, время от времени сплевывая в их сторону, небрежно, как бы не желая обидеть. А потом настал тот момент, которого все они опасались: когда мужчины стали поднимать и сбрасывать в ров изувеченные трупы. Ров наполнялся, а вопли осиротевших туземцев вздымались все выше. Закончив этот труд, Симба Мвене постоял у свежей могилы, с отвращением взирая на деревенский люд.

Пламенные врата

1

Через три дня караван добрался до реки в предместье Таяри. Даже издали Юсуф видел, что город этот немаленький. Мужчины сбросили с плеч ношу и, возбужденно крича, кинулись в реку. Они плескались водой, боролись понарошку, словно дети. Для некоторых путешествие на том и заканчивалось, и их предвкушение свободы заразило всех. После купания, освежившись, носильщики подхватили свою ношу, мечтательная улыбка не покидала их лица: уже недолго! Мньяпара и Симба Мвене расхаживали вдоль выстроившейся шеренги, поправляли товар, людям тоже велели подтянуться. Барабанщик и трубачи начали потихоньку разогреваться, их инструменты взрывались короткой проказливой музыкой, а те, кто играли на сиве, отвечали им сдержанным басом. Постепенно порядок восстановился и к музыке вернулась размеренность, так что в город они вошли под взволнованный и бодрящий марш. Прохожие и зеваки останавливались на обочине поглазеть. Кое-кто махал, хлопал, подносил сложенные раковиной ладони ко рту и выкрикивал невнятные слова. Земля вокруг

города пересохла и потрескалась в ожидании дождей. Дядя Азиз, как всегда, замыкал шествие и не обращал внимания на зрителей. Время от времени он подносил к носу платок, уберегая ноздри от пыли, и так, шагая вслед за огромным удушливым облаком, поднятым ногами усталых мужчин, он заговорил с Юсуфом.

— Смотри, как радуются, — заметил он без улыбки. — Словно бездумное стадо при виде воды. Мы все таковы, скудоумные создания, пленники собственного невежества. Отчего они возбудились? Ты мне можешь объяснить?

Юсуф думал, что знает ответ, потому что и сам чувствовал нечто подобное, однако вслух он этого не сказал. Позднее, когда нашелся дом в аренду и при нем двор, где мужчины могли спать и можно было сложить весь товар в надежном месте, дядя Азиз продолжил беседу с Юсуфом:

— В те дни, когда я впервые наведывался в этот город, им управляли арабы, посланные султаном Занзибара. Оманцы — или же если не оманцы, то слуги оманцев. Талантливые люди эти оманцы. Очень способные. Они приезжали сюда и создавали собственные маленькие княжества. В такой дали от Занзибара! А иные отправлялись и дальше, в джунгли по ту сторону Марунгу, к

великой реке, и там тоже создавали себе королевства. Расстояние для них было ничто. Они уже родились на свет, когда их благородный князь явился из Муската и завладел Занзибаром — так почему бы им не достичь того же? Их султан Саид разбогател благодаря плодам тех островов. Он построил дворцы, наполнил их жеребцами, и павлинами, и сокровищами, собранными по всему миру от Индии до Марокко, от Албании до Софалы. Он скупал повсюду и женщин, щедро платил за них. Говорят, он породил с ними сотню детей. Вряд ли он сам знал точное число. Представляешь, как трудно управляться с такой оравой? Должно быть, он тревожился, думая, как все эти княжата подрастут и каждому понадобится собственный кус мяса. Он тоже обагрил руки кровью родичей — двух-трех. И если их султан проделал такое и лишь приумножил свою честь, что ж им отставать?

Вельможи, перебравшиеся в эти места, разделили городишко на районы, по одному каждому. Во-первых, Каниение, им завладел араб по имени Мухина бин Селеман Эль-Уруби. Вторую часть города назвали Бахарени, а принадлежала она арабу Саиду бин Али. Третья часть — Луфита, здесь правил Мвение Мленда, родом из Мримы

на побережье. Четвертая часть — Мковани, ее князек — араб Саид бин Хабиб Аль-Афиф. Пятый район — Бомани, имя властелина — Сети бин Джума. Шестая — Мбугани, а князя-араба звали Салим бин Али. Седьмая — Чемчем, она принадлежала индийцу Джуме бин Дина. Восьмая часть — Нгамбо, тут опять араб, Мухаммад бин Нассор. А девятая — Мбирани, и тут араб, Али бин Султан. Десятая — Малоло, имя араба — Рашид бин Салим. Одиннадцатая — Квихара, правитель — араб Абдалла бин Насибу. Двенадцатая — Гандже, араб Тхани бин Абдалла. А тринадцатая — Мьемба, она принадлежала бывшему рабу какого-то араба, звался он Фархани бин Отман. И еще Итуру, где правил араб Мухаммад бин Джума, отец Хамеда бин Мухаммада, он же Типпу Тиб[55]. О нем ты, должно быть, слыхал.

Теперь поговаривают, что немцы дотянут железную дорогу прямо досюда. Теперь они устанавливают законы и диктуют свою волю — впрочем,

---

[55] Примечания: 55

Типпу Тиб (1832–1905) — торговец рабами и слоновой костью, снаряжавший торговые экспедиции в Центральную Африку. Помогал организовывать экспедиции Ливингстона и Стэнли, участвовал в создании Свободного государства Конго («личное владение» короля Леопольда II в 1885–1908, перешедшее в 1908 году к Бельгии. За время единоличного правления короля население Конго сократилось вдвое).

так оно повелось еще со времен Эмина-паши[56] и Принци. Но до появления немцев никто не мог добраться до озер, минуя этот город.

Купец подождал, не ответит ли ему Юсуф, а затем продолжал:

— Может, тебя удивляет, как столько арабов так быстро обосновалось тут? Когда они начали тут появляться, покупали здесь рабов, забрать себе здешние земли было не труднее, чем сорвать плод с дерева. Им даже не приходилось самим гоняться за добычей, хотя некоторые занимались этим потехи ради. Здесь хватало желающих продать соседей и родичей за побрякушки. И рынки были открыты повсюду, и на юге, и на океанских островах, где европейцы выращивали сахарный тростник, в Аравии и Персии и на новых гвоздичных плантациях султана на Занзибаре. Можно было изрядно заработать. Индийские купцы давали арабам кредит, чтобы те торговали слоновой костью и рабами. Эти индийские мукки — деловые люди. Они кому угодно одалживали деньги, лишь бы получить прибыль. Собственно, к тому же стремились и другие иностранцы, но они поручали мукки действовать за них. Арабы

[56] Примечания: 56

Эмин-паша (Эдуард Карл Оскар Шницер, 1840–1892) — исследователь Африки.

же украли деньги, купили рабов у одного из здешних диких князей и отправили рабов трудиться в поле и строить им дома — вот как возник этот город.

— Слушай, что говорит твой дядя, — напомнил Мохаммед Абдалла, заметив, что внимание мальчика рассеивается. Надсмотрщик присоединился к ним во время этого рассказа и вмешался в тот момент, когда купец слишком уклонился в сторону. «Он мне не дядя», — мысленно возразил Юсуф.

— Почему его прозвали Типпу Тиб? — спросил он.

— Не знаю. — Дядя Азиз равнодушно пожал плечами. — Словом, когда немец Эмин-паша добрался до этих мест, он первым делом отправился к султану Таяри. Забыл его имя: его назначили султаном арабы, выбрали того, кем могли с легкостью вертеть. Эмин-паша обошелся с султаном презрительно, умышленно вел себя так, чтобы спровоцировать войну. Таков их метод. Он потребовал, чтобы султан вывесил немецкий флаг, присягнул на верность немецкому султану, сдал все пушки и все свое оружие — дескать, оно заведомо украдено у немцев. Султан Таяри изо всех сил старался избежать войны. Обычно-то

он любил подраться и то и дело задирал соседей. Его союзники-арабы поддерживали его, пока им это было выгодно, но все уже были наслышаны о том, как безжалостно ведут войну европейцы. Султан Таяри повесил немецкий флаг, как ему было велено, и присягнул немецкому султану, и посылал дары и провизию в лагерь Эмина-паши, но расставаться с оружием ему не хотелось. К тому времени он лишился поддержки арабов, которые считали, что он их предал. Пошел на чересчур большие уступки. И когда Эмин-паша ушел, арабы задумали свергнуть султана.

Долго ждать не пришлось. Вслед за Эмин-пашой явился Принци, немецкий военачальник, и тут же развязал войну, убил султана, и его детей, и всех его людей, кого сумел найти. Арабов он сначала покорил, а затем изгнал. Иноземец низвел их до такого состояния, что даже рабы перестали трудиться у них на плантациях — прятались или убегали. Арабы лишились и пищи, и привычных удобств, пришлось им покинуть здешние места. Одни отправились в Руэмбу, другие — в Уганду, кое-кто вернулся к своему владыке на Занзибар. До сих пор тут остались немногие, кто так и не сообразил, куда же деваться. Теперь тут заправляют индийцы, они считают немцев своими

господами, а к местным беспощадны.

— Индийцу доверять нельзя! — гневно перебил Мохаммед Абдалла. — Он родную мать продаст, если прибыль почует. Его страсть к деньгам беспредельна. Поглядеть на него — хилый, жалкий, — но он куда хочешь пойдет, что угодно сделает ради денег.

Дядя Азиз покачал головой, упрекая мньяпару за несдержанность.

— Индийцы умеют обходиться с европейцами. У нас выхода нет — надо с ними сотрудничать.

2

В Таяри они оставались недолго. Сложный лабиринт узких улочек этого города внезапно распахивался, и обнаруживались маленькие дворики и даже площади. В темных проулках застаивался нечистый и таинственный запах, словно в набитом людьми помещении. Почти у самого крыльца любого дома текли ручьи помоев. По ночам, когда путники укладывались спать во дворе арендованного дома, к ним подбирались тараканы, крысы покусывали мозолистые пальцы ног, прогрызали мешки с запасами. Мньяпара нанял новых носильщиков вместо тех, кто подрядился идти только досюда, и через несколько дней они снова тронулись в путь. После Таяри настали хорошие времена. Легкий дождик подгонял их, мужчины пели, радуясь прохладе. Даже к тем, кого утомило и измучило путешествие, вернулись прежние силы. Правда, оставалось несколько человек, чьими телами так свирепо завладел недуг, что песни и шутки не могли отвлечь их от частых и мучительных визитов в кусты, но теперь товарищи лишь сострадательно улыбались в ответ на доносившиеся из кустов

вопли боли, а не смолкали в тревоге.

Через несколько дней все ощутили близость озера. Свет впереди как будто сгустился и сделался мягче, отражаясь от водной глади. При мысли о воде все повеселели. В деревнях и поселениях, через которые они проходили, на них взирали с мрачными ухмылками, как бы предугадывая их будущее, и все же путники выглядели так бодро, что улыбки сами собой делались шире. Кое-кто увлеченно ухлестывал за местными женщинами, одного носильщика жестоко избили, и купцу пришлось восстанавливать мир дарами и подношениями. По вечерам, разбив лагерь и построив из веток заграждение от хищников, мужчины рассаживались там и сям и рассказывали истории. Мньяпара не велел Юсуфу пристраиваться к мужчинам, сказал, дядя этого не одобряет. Они тебя научат плохому, сказал Мохаммед Абдалла, но Юсуф и ухом не повел. Он чувствовал, как с каждым днем пути становится сильнее. Мужчины все еще поддразнивали его, но гораздо дружелюбнее. Когда он вечером садился рядом, они выделяли ему место и позволяли участвовать в разговоре. Порой чья-то рука поглаживала его бедро, но мальчик благоразумно отодвигался. Если музыканты не выдыхались за день, они

играли, и под их полнозвучную пронзительную мелодию мужчины пели и хлопали в такт.

Однажды вечером, поддавшись всеобщей радости, мньяпара вступил в освещенный костром круг и сплясал. Два шага вперед, изящный поклон, два шага назад, трость описывает круг над головой. Трубач добавил к мелодии завитушку взмывающей ноты, это было похоже на внезапный ликующий клич, и Симба Мвене рассмеялся, запрокинув лицо к ночному небу. Мньяпара отозвался на новую музыкальную фразу, развернулся и остановился в героической позе, насмешив всех.

Под конец танца мньяпара болезненно передернулся, и Юсуф понимал, что не только он один это заметил. Но с залитого потом лица Мохаммеда не сходила улыбка.

— Видели бы вы, каков я был прежде, — вскричал он, отдуваясь и грозя тростью. — Мы плясали с обнаженными саблями, а не с палками. Сорок, пятьдесят человек одновременно.

Он быстро погладил свой пах, прежде чем выйти из огненного отблеска под крики и свист зрителей. Не успел мньяпара ступить и двух шагов, как Ниундо вскочил, тоже с тростью в руке, и принялся пародировать его танец. Музыканты

весело пустились играть вновь, а Ниундо скакал в свете костра, два шага вперед, два запинающихся шага вспять и столь преувеличенный поклон, что эта поза выглядела непристойной. Еще несколько неистовых прыжков, отчаянных взмахов палки, и внезапно он остановился, расставив ноги, медленно поскреб свой пах.

— Кому показать кое-что? Не таково, каким было когда-то, но все еще вполне себе. И работает! — восклицал Ниундо. Все смеялись над издевательским представлением, а мньяпара стоял на границе огненного круга и следил за ними.

3

Город на берегу реки был залит мягким, небывалым светом — лиловым с малиновым краем, этот оттенок придавали ему высокие утесы и холмы, из которых состоял берег. Вдоль кромки воды лежали лодки, а над ними тянулся ряд невысоких коричневых домишек. Озеро было огромно, раскинулось далеко во всех направлениях, и при виде него мужчины почтительно приглушали голоса. Путники по обычаю ждали за пределами города, пока им дозволят войти. Поблизости имелось святилище в окружении ядовитых змей, удавов, хищников. Лишь с разрешения духа мог человек приблизиться к святилищу и затем удалиться невредимым. Это им пояснил Мохаммед Абдалла, пока они отдыхали, указал на грот невдалеке:

— Там обитает их бог. Дикари во что угодно поверят, лишь бы побезумнее, — сказал он. — Не стоит им говорить, мол, то или се — ребяческий вздор. С ними спорить бессмысленно. Они завалят тебя бесконечными историями, полными суеверий.

В прошлый раз караван проходил через этот

город, сказал мньяпара, здесь воспользовался переправой на другой берег. И здесь же на обратном пути они оставили двух раненых. То было в худшую пору засухи, вот они и решили, что лучше оставить бедолаг здесь, чем нести их всю дорогу до Таяри по этой кишащей мухами местности. Юсуфу припомнилось, как эти слова прозвучали на террасе у Хамида, какими разумными и заботливыми казались. Носильщиков, сказал дядя Азиз, оставили в городе у озера с людьми, с которыми он прежде не вел дела, но рассчитывал, что они сумеют позаботиться о больных. Но кривой ряд хижин на берегу и сладкая вонь тухлой рыбы, бившая в ноздри даже здесь, на окраине, придавали тому объяснению иной смысл. Покосившись на мньяпару, увидев в его глазах настороженность и хитрый расчет, Юсуф догадался — устыдившись своей уверенности, — что тех двоих попросту бросили на произвол судьбы.

Гонцом в город отрядили Ниундо, поскольку он уверял, что владеет местным языком. Дядя Азиз сказал, сколько помнится, султан говорит на суахили, но, пожалуй, любезнее будет для начала обратиться к нему на его родном наречии. Ниундо вернулся и передал от султана слова приветствия. Султан доволен подарками, сообщил

Ниундо, но еще более будет рад увидеть старых друзей. Однако прежде, чем они войдут в город, он вынужден сообщить им горестную весть о постигшем его и город злосчастье: супруга султана скончалась четыре ночи тому назад.

Купец выразил скорбь и сочувствие и просил передать султану соболезнования от себя и от всех спутников. Он также прибавил новые дары и просил разрешения лично предстать перед султаном, чтобы разделить его горе. И снова они ждали; мужчины обсуждали, какие почести воздают здесь умершим, особенно женам султана. Во-первых, они не всегда предают мертвецов земле, сказал один из носильщиков. Иногда швыряют их в заросли, еще живыми, в пищу хищникам. Дотащат до буша и оставят их там, пусть уносят добычу гиены и леопарды. По их понятиям, прикосновение к мертвому телу приносит несчастье, даже если покойница твоя родная мать. В некоторых местах при такой оказии убивают всех чужаков. А вдруг султан сейчас слишком расстроен и не сможет вести дела? И кто их знает, какие у них ритуалы, жертвоприношения и колдовские обряды. У некоторых племен похороны длятся неделями. Они сажают мертвецов в горшок или под деревом. Мужчины

оглядывались на рощицу по соседству.

— Может, у них там вонючий труп, — заметил кто-то.

Наконец Ниундо вернулся с разрешением войти в город. Купец распорядился входить в тишине, без музыки и громких разговоров, чтобы таким образом выразить почтение к горю султана. Городишко оказался маленьким, два-три десятка хижин, разбросанных группами по три-четыре строения. Воздух загустел от вони гниющей рыбы. Вдоль воды тянулись деревянные платформы на высоких опорах с соломенным навесом. Кое-где над платформами были натянуты куски брезента, а в тени под ними отдыхали глубокие выдолбленные каноэ. Дети, игравшие здесь же в тени, выбегали посмотреть, как молча проходит мимо караван.

Мужчины остановились там, где было велено оставаться до завершения переговоров. Кое-кто сразу же отправился на поиски туземцев, которые явно старались не лезть на глаза. Поскольку в караване хранили тишину, радостные крики тех, кому удалось встретить местных жителей, внятно доносились до остальных, и те тоже понемногу разбредались.

Султан прислал гонца с известием, что го-

тов встретиться с купцом и его спутниками, но злобного вида старик, принесший приглашение, уточнил, что на аудиенцию допустят лишь четверых: горюющему невыносим вид и шум целой толпы. Дядя Азиз взял с собой мньяпару и Ниундо, а также Юсуфа. Пусть мальчик учится, как приветствовать владык этой страны, сказал купец. Они подошли к хижинам у самой воды — это было самое крупное скопление домов в городишке, — и их провели к большому зданию с крыльцом и прихожей. Внутри было сумрачно, дымно — костер горел у самой двери. Свет пробивался лишь в дверной проем, и когда путники вошли и провожатый велел им сдвинуться к стене, стало возможно что-то разглядеть в помещении. Султан, высокий и плотный мужчина, был одет в кусок бурой ткани, подвязанный на талии веревкой из плетеной соломы. Округлые складки торса блестели в этом скудном свете. Он сидел на табурете, упершись локтями в бедра, обеими руками сжимая толстую резную палку, торчавшую между широко расставленных ног. Поза его выражала внимание и готовность. По правую и по левую руку стояли две молодые женщины, обнаженные до талии, каждая с тыквой, где плескался какой-то напиток. За спиной сул-

тана стояла еще одна полуобнаженная женщина, обмахивавшая его плечи деревянным веером. Дальше, в тени — юноша. По обе стороны от султана расположились на циновках шестеро старейшин, некоторые тоже с голой грудью. От дыма Юсуф едва не задохнулся, глаза увлажнились. Неужели султану и его приближенным тут вполне уютно?

— Он говорит: добро пожаловать, — перевел Ниундо сказанные с улыбкой слова султана. — Вы пришли в дурной час, говорит он. Но другу всегда рады в его доме.

Султан подал знак, и женщина, стоявшая справа, поднесла к его губам тыкву, он сделал несколько затяжных глотков. Женщина шагнула к купцу. Теперь Юсуф заметил, что ее груди покрыты мелкими шрамами. От нее пахло дымом и потом, знакомый, возбуждающий запах.

— Он предлагает тебе выпить пива, — сказал Ниундо купцу, не пряча усмешку.

— Спасибо, но я вынужден отказаться, — ответил купец.

— Он спрашивает: почему? — еще шире улыбнулся Ниундо. — Пиво хорошее. Или боишься яда? Он уже сам отведал, ради тебя. Ты не доверяешь султану?

Тут султан еще что-то сказал, и старейшины принялись пересмеиваться, выставляя напоказ длинные зубы. Купец оглянулся на Ниундо, тот покачал головой. Жест двусмысленный — то ли не понял, то ли предпочел не переводить.

— Я купец, — сказал дядя Азиз, глядя прямо на султана. — И я чужой в твоем городе. Если выпью пива, начну кричать и лезть в драку, а так не подобает вести себя чужаку, прибывшему в город по торговым делам.

— Он говорит, это твой бог не разрешает тебе. Ему это известно, — сказал Ниундо, и султан и все его люди снова засмеялись. Ниундо понадобилось немало времени на то, чтобы перевести следующую реплику султана. Улыбка слетела с его лица, он обдумывал каждое слово, показывая, что старается достоверно все передать.

— Он говорит: наверное, это жестокий бог, раз он не позволяет людям пить пиво.

— Скажи ему: наш Бог суров, но справедлив, — поспешно возразил купец.

— Он говорит: ну ладно, ладно. Может, вы пьете пиво тайком. А теперь расскажите мне, что нового, — продолжал Ниундо. Султан между тем жестом пригласил гостей рассаживаться на циновках. — Хорошо ли торговали? Что привезли

сюда на этот раз? Он говорит: ты же видишь, он не требует дани. Ведь так? Он слышал, большой начальник сказал, что больше не разрешается взимать дань. Так что он не допустит промаха и не станет просить дань, а то большой начальник узнает про это, явится сюда и его накажет. Он говорит: знаешь, о каком большом начальнике он говорит? — Тело султана содрогалось от коротких, как икота, приступов смеха, когда он задавал этот вопрос. — Немец, вот кто большой начальник. Насколько он понял, теперь это новый король. Приходил сюда недавно и сказал всем, кто он такой. Говорят, у главного немца голова из железа. Правда ли это? И у него есть оружие, которое может одним ударом уничтожить город. Мои люди хотят торговать и мирно жить своей жизнью, говорит он, никаких неприятностей с немцами.

Султан добавил что-то еще, и его приближенные расхохотались.

— Вы поможете нам переправиться? — спросил купец, как только возникла пауза.

— Он спрашивает, кого вы собираетесь повидать по ту сторону, — перевел ответ Ниундо. Султан подался вперед с видом бдительным и недоверчивым, как будто ожидая, что ответ под-

твердит глупость купца или его опрометчивость.

— Чату, султана Марунгу, — сказал дядя Азиз.

Султан распрямился, коротко, негромко фыркнув.

— Он говорит, он знает про Чату, — сказал Ниундо. Султан подал знак, и ему снова поднесли пиво. — Он говорит, он сообщил тебе, что его жена умерла недавно. Говорит, он все еще не имел возможности ее похоронить, и сердце его не знает покоя.

Чуть выждав, султан продолжал. Он не может похоронить жену без савана, сказал он. После ее смерти в нем угас огонь, и он не в силах сообразить, где взять саван.

— Он говорит: дай ему саван, — повторил Ниундо для купца.

— Вы посмеете отказать человеку в саване, чтобы он смог похоронить жену? — вступил в разговор юноша, до той поры прятавшийся в тени за спиной султана. Он шагнул вперед, встал лицом к лицу с купцом и заговорил прямо с ним, не нуждаясь в услугах Ниундо. Левая нога у него распухла от какой-то болезни, он волок ее за собой. На лице молодого человека не было шрамов, глаза сверкали умом и рвением. Теперь в душном смраде продымленной хижины Юсуф отчетливо

различал специфический запах живой гноящейся плоти. Несколько старейшин подхватили слова молодого человека, вытягивая лица, преувеличенно выражая невозможность поверить в такое. Женщины кривили губы, возмущенно бормотали.

— Разумеется, я никому не откажу в саване, — сказал дядя Азиз и велел Юсуфу принести пять рулонов белой бахты.

— Пять! — повторил молодой человек, взявший на себя переговоры. Один из старейшин поднялся на ноги и остервенело плюнул в сторону купца. Брызги слюны попали на обнаженную руку Юсуфа. — Пять рулонов для такого великого султана! Ну нет, так вы через озеро не переплывете. Вы и своему султану дали бы пять рулонов ткани, чтобы похоронить жену? Довольно глупостей! Народ любит нашего султана, а вы его оскорбляете!

Выслушав перевод, султан и старейшины расхохотались. Тело султана содрогалось, ходуном ходило от веселья.

— Это его сын, — шепнул купцу Ниундо. — Я слышал, как он говорил.

— А ты не смеешься с нами, купец? — спросил молодой человек. — Или твой бог запрещает

тебе и смеяться? Лучше посмейся, пока можешь, потому что с Чату шутки плохи.

Они сговорились на ста двадцати рулонах ткани. Султан требовал еще и ружья, и золото, но купец с улыбкой ответил, что такого рода торговлей не занимается. А, *больше* не занимается, подхватил молодой человек. В итоге султан разрешил купцу поговорить с лодочниками — пусть сам уславливается о цене.

— Нас ограбили, — гневно шепнул Мохаммед Абдалла.

— Мы оставили у вас двоих наших в прошлом году, — с улыбкой напомнил купец. — Они были больны, и вы согласились позаботиться о них до выздоровления. Как они? Поправились?

— Они ушли, — спокойно заявил молодой человек, но лицо его выражало презрение и вызов.

— Куда же они направились? — кротко уточнил дядя Азиз.

— Я им родич? Поднялись и ушли, — разгорячился юноша. — Ступайте, ищите их там. Думаете, я не знаю таких, как вы?

— Я вверил их попечению султана, — сказал дядя Азиз, но по его интонации Юсуф понял — или ему так показалось, — что купец уже смирился с потерей.

— Вы в Марунгу хотите попасть или как? — напомнил молодой человек.

Их проводили к лодочнику по имени Каканьяга, маленькому жилистому человечку, который переводил взгляд с них на воду, тихо выслушивая их надобности и уточняя число и вес. Вместе с лодочником они вернулись туда, где дожидались носильщики и груз, чтобы Каканьяга сам мог оценить предстоящую работу. Переправляться будем на четырех больших каноэ, решил он, назначил плату для себя и своих помощников и хотел было уйти, предоставив купцу время подумать, но цена оказалась столь умеренной, а Мохаммед Абдалла так спешил покинуть это место, что лодочника позвали обратно прежде, чем он отошел на несколько шагов.

Отправление завтра утром, предупредил лодочник. И товары, о которых сговорились, следует передать ему до отъезда.

— Почему бы не отбыть прямо сейчас? — настаивал Мохаммед Абдалла, с тревогой вспоминая, сколько пива потребляет султан. Кто знает, что еще взбредет в голову пьяному дикарю?

— Моим людям нужно все приготовить, — ответил лодочник. — Вы так торопитесь попасть к Чату? Если отправиться сейчас, будем плыть

ночью. В такой час на воде небезопасно.

— Злые духи бродят по ночам, а? — спросил мньяпара. Лодочник расслышал насмешку, но не стал возражать. Поплывем утром, повторил он.

— Ты хорошо говоришь на нашем языке, — с любезной улыбкой вставил дядя Азиз. — Как и сын вашего султана.

— Многие из нас работали на торговца-суахили Хамиди Матангу, он путешествовал в этих местах и тоже переправлялся на ту сторону, — неохотно ответил лодочник и больше ничего не прибавил, хотя дядя Азиз и пытался его разговорить.

— Когда мы тут проходили в прошлый раз, ваш султан, помнится, и сам немного объяснялся на суахили, но теперь, похоже, забыл, — с той же улыбкой продолжал купец. — Время обирает нас всех. Скажи мне, а те двое раненых, которых мы оставили тут, когда уходили от вас в прошлом году… что сталось с ними? Они выздоровели?

Задавая вопросы, он вручил лодочнику небольшую пачку табака и мешок гвоздей, за которым послал Юсуфа. Лодочник выдержал паузу, прежде чем ответить, перевел взгляд с купца на мньяпару и присоединившегося к их группе Симбу Мвене, потом на Юсуфа. Глаза его слегка блеснули, и он ответил, намекая на возможные неприятности:

— Они нас покинули. Не думаю, чтобы они выздоровели. Они лежали в той хижине и плохо пахли. Они принесли нам болезнь. Животные умирали, рыба ушла. Потом умер юноша, совсем без причины. Его возраста. Совсем такой, как он, — кивком он указал на Юсуфа. — Это было чересчур. Люди сказали, те двое должны уйти.

Когда лодочник ушел, Симба Мвене поинтересовался:

— Они умеют колдовать?

— Не кощунствуй! — одернул его Мохаммед Абдалла. — Просто невежественные дикари, которые верят в собственные детские выдумки.

— Не следовало нам оставлять их здесь. Моя вина, моя ошибка, — произнес дядя Азиз. — Теперь я знаю свою ошибку — но это не поможет ни им, ни их родным.

— Много ли нужно знать, сеид, чтобы догадаться: эти твари пожертвуют чем угодно, лишь бы и дальше жить по своим невежественным обычаям! Я бы поступил так же. А ты попроси их поколдовать и вернуть двоих наших, — презрительно бросил мньяпара Симбе Мвене.

Симбу передернуло:

— Я к тому, что надо получше присматривать за этим юнцом, — пояснил он. — Чтобы с ним

беды не стряслось. Помните, как о нем говорили у Мкаты и как лодочник поглядел на него?

— Что они сделают? Скормят его своим голодным бесам? Ты слишком всерьез принимаешь ободранных лодочников, вот что я думаю. Пусть только попробуют! — вскричал Мохаммед Абдалла, гневно размахивая тростью. — Что ты несешь? Я этих гнусов погоню палкой до самого ада. Я залью их блевотиной. Я воткну колдовство в вонючие зады этим грязным дикарям.

— Мохаммед Абдалла! — резко остановил его дядя Азиз.

— Всем смотреть в оба! — приказал мньяпара, будто и не услышав купца, но голос все-таки понизил. — Симба, растолкуй людям насчет колдовства и дурных болезней. Ты это умеешь. Ты в это веришь. И посоветуй не углубляться по надобности в заросли, а то дух — или змея — ужалит в задницу. И от женщин пусть держатся подальше. А ты, молодой человек, все время оставайся при сеиде и не дрожи.

— Мохаммед Абдалла, ты наживешь расстройство желудка, если будешь так орать, — предупредил купец.

— Это дурное место, сеид, — отозвался мньяпара. — Убраться бы отсюда поскорее.

4

Наутро, прежде чем они успели уйти, двое носильщиков подрались. Один украл из запаса товаров мотыгу, чтобы расплатиться с женщиной, другой наябедничал мньяпаре, и тот перед всеми объявил, что доля первого носильщика в доходах от этой экспедиции уменьшится на цену двух мотыг. Приговор свой мньяпара сопровождал множеством грязных ругательств. Носильщик уже не впервые совершал кражу, чтобы провести время с женщиной, и мньяпара устроил целое представление: якобы он едва сдерживается, чтобы не обрушить на плечи преступника свою трость. Прочие усугубили унижение, смеясь над злосчастным вором и осыпая его насмешками. При первой же возможности, как только ритуал посрамления завершился, обиженный набросился на доносчика и все расступились, криками поощряя их задать друг другу трепку. Большая толпа сбежалась поглазеть, зрители заполонили пространство у воды, следя за дракой, вопя, подзуживая. Наконец сеид послал Симбу Мвене остановить драку.

— Нам своих дел хватает, — сказал он.

Лишь поздним утром они приготовились продолжить поход. Когда настал момент садиться в лодки, к возбуждению путников явственно примешивалась тревога. Лодочник, Каканьяга, сам распределил груз и пассажиров и пригласил дядю Азиза с Юсуфом в свое каноэ.

— Юноша принесет нам удачу, — сказал он.

Лодочники равномерно гребли, жара нарастала, голые спины и плечи блестели от пота. Каноэ держались вплотную друг к другу; если на одной лодке запевали, на другой подхватывали или смеялись в ответ. Путники сидели, притихшие, их пугало огромное водное пространство и эти сильные мужчины, которым они доверили свою жизнь. По большей части носильщики не умели плавать, даже те, кто жил у моря. Они мерили шагами дальние горы и равнины, однако поспешно отступали, когда прилив с шипением лизал знакомые им берега.

Так они плыли примерно два часа, и вдруг небеса потемнели, поднялся ветер, налетел ниоткуда.

— Йаллах! — пробормотал купец. Каканьяга назвал ветер по имени, крикнул это имя тем, кто был рядом с ним и в других лодках. Вопли гребцов, напряженное усилие, с каким они заработали веслами, дали путникам понять, что

надвигается угроза. Вода вздымалась все выше, обрушивалась на хрупкие суденышки, люди и их добро промокли, со всех сторон слышались сбивчивые жалобы, как будто оставаться сухими было главной заботой в тот момент. Потом кто-то из носильщиков воззвал к Богу, молил об отсрочке, обещая исправиться. Каканьяга, правивший передовой лодкой, сменил курс, остальные последовали за ним. Все неистово гребли, поощряя друг друга криками, в которых, казалось, пробивался страх. Волны уже подкидывали каноэ вверх, выбрасывая из воды и позволяя вновь упасть. Тут-то Юсуф и понял, насколько хрупки эти долбленки, того и гляди перевернутся в разбушевавшемся озере, как ветка в канаве. Молитвы и плач мешались друг с другом, но все заглушал рев ветра. Некоторых мужчин рвало от страха, они перепачкались. А Каканьяга молчал, лишь громко ухал от напряжения, припав на одно колено, и греб, по его спине струился пот, разбавленный озерной водой. Наконец в отдалении показался остров.

— Святилище. Там мы сможем принести жертву, — крикнул лодочник купцу.

При виде острова гребцы яростнее налегли на весла. Пассажиры подбадривали их, чуть не плача. Поняв, что выбрались из беды, лодочники

разразились торжествующими криками и громко благодарили богов, но пассажиры снова смогли улыбнуться лишь тогда, когда все каноэ были вытащены на берег и весь товар из них благополучно выгружен. Тогда они укрылись от ветра и брызг за камнями и кустами, тяжко вздыхая и бормоча, что им еще повезло.

Каканьяга попросил у купца кусок черной ткани, кусок белой, красных бусин и мешочек муки. Если купец пожелает что-то к этому прибавить, все годится, только не изделия из металла: металл обжигает руки духа, обитающего в святилище, пояснил Каканьяга.

— Вы тоже должны пойти, — сказал он. — Это молитва за вас и ваше путешествие. И молодого человека возьмите с собой. Дух этого святилища — Пембе, он любит молодых. Повторяйте его имя про себя, когда мы войдем в святилище, но вслух не произносите, пока не услышите, как его призываю я.

Они прошли небольшой путь по высокой траве, сквозь остролистые кусты. Мньяпара и несколько гребцов шагали следом. На росчисти, окруженной темными зарослями и высокими деревьями, они увидели небольшое каноэ на подложенных камнях. Внутри находились дары

других путешественников, совершавших здесь жертвоприношения.

Каканьяга велел путникам повторять за ним слова, которые он переводил для них:

— Мы принесли тебе эти дары. Мы просим тебя даровать нам мир в этом путешествии, чтобы мы ушли и вернулись благополучно.

Затем он положил дары в лодку и покрутил ее один раз в одну сторону, один раз в другую. Купец вручил Каканьяге мешок табака, и этот дар лодочник тоже оставил в святилище. За то время, что они вернулись к лодкам, ветер стих.

— Похоже на колдовство, — сказал Симба Мвене, смеясь в лицо мньяпаре. Мохаммед Абдалла смерил его недобрым взглядом.

— Хорошо, не заставили нас жрать какую-нибудь дрянь или совокупляться с животными, — сказал он. — Хайя, грузите товар в лодки!

Солнце уже заходило, когда они заприметили впереди берег, косые лучи подсветили красные скалы так, что те превратились в огненные стены. Суши они достигли в полночь, ночное небо окутали тучи. Они вытащили каноэ из воды, но Каканьяга не позволил никому улечься спать на земле. Почем знать, кто здесь бродит во тьме, сказал он.

5

Утром Каканьяга и его люди отбыли сразу, как только разгрузили каноэ, — с первыми лучами солнца, оставив на берегу путников с их добром. Вскоре пришли местные жители и спросили, зачем путники явились сюда и кто их доставил? Откуда они и какой проделали путь? Куда идут дальше? Что им надо?

Юсуфа и Симбу Мвене отрядили на поиски правителей города, оказавшегося больше, чем тот, на противоположном берегу, откуда они приплыли. Их послали в дом некоего Маримбо, которого они застали спросонок. Это был тощий старик, лицо все в морщинах, кожа обвисла. Дом его с виду не отличался от соседних, женщина, которая направила их сюда, решительно подошла к двери и постучалась без смущения или каких-либо церемоний. Маримбо обрадовался гостям, был приветлив и проявил любопытство. Но при всем добродушии старик, как догадался Юсуф, держался настороже — он явно умел вести дела. Ниундо пошел с ними в качестве толмача, но его услуги оказались не нужны.

— Чату! — произнес Маримбо, и на его губах

мелькнула знающая улыбка — он поспешил ее скрыть. — С Чату нелегко. Надеюсь, у вас серьезное дело. Чату шуток не любит. Его город всего в нескольких днях пути, но мы туда не ходим, если сам не позовет. Он очень жесток, если думает, что с ним обошлись скверно, а для своего народа он заботливый отец. Уф, не хотел бы я жить там. Скажу вам, друзья мои: в городе Чату не любят чужаков.

— Занятный человек, судя по всему, — заметил Симба Мвене.

Маримбо посмеялся немного, вроде бы и радуясь шутке, но бдительности не теряя.

— Он торгует? — спросил Симба Мвене.

Маримбо пожал плечами:

— У него есть слоновая кость. Если захочет, будет торговать.

Сам он согласился предоставить каравану проводника и взять на хранение любые товары до их возвращения.

— Я много раз имел дело с купцами, — сказал он. — Не надо мне вашей ткани. Как бы вы торговали без ткани? Ею вы платите за проход через эту страну. Дайте мне два ружья, и я отправлю сыновей охотиться, добывать слоновую кость. Есть у вас шелк? Дайте мне шелк. Я дам вам

проводника, он хорошо знает эти места. Сейчас плохое время, начались дожди, но заплатите ему как следует, и можете ему полностью доверять.

Этот берег вздымался круче противоположного, и земля густо поросла лесом. Хотя народу в городе Маримбо жило больше, чем там, многие казались больными. По ночам комары роем обрушивались на людей и кусали так яростно, что порой жертвы вскрикивали от боли и бессилия. У них не было причин задерживаться в городе после того, как они обо всем договорились с Маримбо. Он взял ножи, мотыги и сверток белого хлопка, пообещав присмотреть за оставленным добром. Полный расчет — по возвращении. Неистовые нападения комаров побуждали всех двигаться поскорее дальше, и дядя Азиз тоже стремился в путь. Товара у них значительно убыло после дани и пошлин, уплаченных по дороге, а торговать они еще и не начинали. Однако, по словам дяди Азиза, еще оставалось вполне достаточно, чтобы окупить экспедицию. Ради этого они и проделали такой путь до земель Марунгу за красными скалами.

На следующий день спозаранку они двинулись в страну Чату. Проводник, предложенный им Маримбо, высокий тихий человек, молча,

без улыбки, ждал, пока они все упакуют. Они двинулись вперед по узким сельским тропам, продвигаясь в гору среди обильных зарослей. Незнакомые растения лупили их, оставляли ссадины на лицах и на ногах. Над головой кружили тучи насекомых. Когда они останавливались передохнуть, насекомые садились на них, выискивали местечки понежнее и отверстия в плоти. Под конец первого же дня в Марунгу несколько человек заболели. Их так закусали комары, что к утру их лица были покрыты кровью и мелкими шрамами. На следующий день они ускорили шаг, спеша выбраться из грозного леса. Всю ночь в зарослях слышались треск и вой, люди жались друг к другу, боясь буйволов и змей. Мньяпара требовал приободриться, замахивался тростью на отстающих, перекрывал неумолчный шум леса потоком брани. Двигаться было трудно и потому, что дорога шла в гору. Симба Мвене и Ниундо держались рядом с проводником, выкрикивая предостережения всякий раз, как появлялись новые угрозы. Из них всех только Ниундо понимал речь проводника и устраивал из перевода клоунаду, чем злил мньяпару, зато смешил остальных. Говорил проводник мало, а под конец дневного перехода садился рядом с Ниундо.

На третий день искусанные тяжело разболелись, остальные тоже едва тащились. Те, кому стало совсем плохо, уже не ели и не могли сдерживать позывы тела. Товарищи поочередно тащили вонючие тела, по возможности стараясь не вслушиваться в бред и стоны и не попасть под струйку непрерывно вытекающей черной крови. На крутых склонах продвигаться удавалось лишь малыми шажками, на четвереньках, таща за собой поклажу. На четвертый день двое умерли. Их похоронили сразу же и ждали час, пока сеид читал суру из Корана. Всех теперь мучили нарывающие болячки, внутрь которых глубоко проникали насекомые, пили свежую кровь и откладывали яйца. Охваченные ужасом люди решили, что проводник ведет их на смерть, и старались — насколько позволяло их состояние — следить за ним. Мньяпара частенько бранил проводника, с нескрываемой злобой взирая на Ниундо, когда тот переводил. Это не та дорога, по которой шли в прошлый раз. Куда он нас ведет? Прекрати кривляться, задай ему эти вопросы.

Другая дорога небезопасна после дождей, перевел Ниундо.

На пятый день еще двоих нашли мертвыми,

и все взоры обратились на проводника — тот сидел подле Ниундо и ждал, чтобы остальные собрались в путь. Мохаммед Абдалла подошел к проводнику, рывком поднял его на ноги и под вопли и улюлюканье носильщиков и охранников принялся избивать тростью, пока тот, шатаясь под ударами, не взмолился о пощаде. Ниундо хотел заступиться, но Мохаммед Абдалла нанес и ему два быстрых удара тростью по лицу, и переводчик отшатнулся с испуганным криком: глаза! Мньяпара вновь принялся за проводника, и тот покатился по земле, рыдая, воя — каждый удар рвал кожу и мясо с обнаженного тела. А мньяпара не останавливался, и другие толпились вокруг с палками и ремнями наготове.

Симба Мвене быстрым шагом подошел к мньяпаре, придержал его за руку, попытался прикрыть вопящего проводника своим телом.

— Довольно! С него довольно! — повторял он.

Мохаммед Абдалла тяжело дышал, по его лицу и рукам тек пот, он все еще пытался ударить тростью проводника, не задев при этом своего помощника.

— Не мешай мне! — заорал он. — Этот пес пытается уморить всех нас в этом лесу!

— Он сказал: еще день. Завтра мы уже выбе-

ремся из ада, — уговаривал Симба Мвене, отгоняя мньяпару.

— Лживый дикарь! А этот глупец Ниундо вместо того, чтобы присматривать за ним… Он лгал нам все время. В прошлом году мы шли другим путем! — пробормотал Мохаммед Абдалла и, вырвавшись из рук Симбы Мвене, вновь обернулся к лежавшему на земле проводнику и обрушил на него град неистовых ударов. Симба Мвене кинулся к нему, но мньяпара яростным взглядом остановил его.

— Ты совершаешь несправедливость, — сказал Симба Мвене и пошел прочь.

Мньяпара молча смотрел вслед, пот ручьями тек с его лица. От толпы зрителей отделился купец, коротко, мягко что-то сказал Мохаммеду Абдалле, касаясь его руки. Затем он поманил к себе Юсуфа и велел организовать похороны тех двоих, умерших за ночь. Прочти Йа Син, добавил он. Все утро, пока они пробивались сквозь редеющий лес, из головы каравана доносились стоны проводника. Ниундо молча шел рядом с избитым, лицо переводчика сильно опухло от нанесенных тростью ударов. Люди смеялись, качали головой, смущенные собственным легкомыслием, но не могли не болтать о несчастье, случившемся с

проводником. Как мньяпара его бил! — говорили они. Ого, этот Мохаммед Абдалла — зверь, убийца! А что касается Ниундо — ему следовало знать, что мньяпара однажды разделается и с ним.

Поздним утром шестого дня они выбрались на открытое место. Там они отдохнули до обеденной поры, а затем направились к городу Чату. Потянулись возделанные поля, небольшие амбары, путники увидели местных жителей, но те разбегались при их приближении. Измученные музыканты все же начали играть, чтобы возвестить о прибытии каравана, и каждый постарался распрямиться, идти ровно. Мохаммед Абдалла шагал за музыкантами, как всегда, красуясь, а то вдруг из зарослей подглядывают зеваки.

Их встретила снаряженная султаном делегация старейшин в сопровождении огромной хохочущей толпы горожан. Старейшины проводили гостей на большую росчисть среди длинных приземистых домов с соломенными крышами. Большой дом позади широких слепленных из глины и грязи стен — дворец Чату, сказали они. Отдохните здесь, к вам придут и продадут вам еду.

— Спроси, будет ли нам разрешено лично приветствовать султана, — велел купец Ниундо.

— Он спрашивает, а зачем? — сказал Ниундо, переговорив с главой старейшин, приземистым мужчиной с короткими седыми волосами. Пока они обменивались репликами, старейшина внимательно изучал разбитое лицо Ниундо. Держался он с достоинством, в котором проглядывала враждебность, даже злость, гости явно ему не нравились. Его имя Мфипо, сообщил переводчик.

— Мы проходили рядом с вашим городом в прошлый раз и много слышали о вашем султане. Теперь мы вернулись, чтобы вручить ему подарки и торговать с ним и его народом, — возвестил купец.

Ниундо затруднился это перевести и попросил помощи у проводника. Толпа придвинулась, чтобы послушать разговор, но отхлынула под гневным взглядом старейшины.

— Мфипо спрашивает, что за дары вы принесли с собой? — перевел Ниундо, несколько раз переспросив. — Говорит, позаботьтесь, чтобы это были богатые дары, ибо Чату — знатный вождь. Ему всякие побрякушки не нужны, говорит он.

И Ниундо осклабился, давая понять, что Мфипо еще кое-что добавил к своим словам.

— Мы хотели бы сами вручить ему дары, — от-

ветил купец после того, как долго в молчании мерился взглядами со старейшиной. — Это доставило бы нам большое удовольствие.

Мфипо презрительно глянул на купца и коротко рассмеялся. Он заговорил — медленно, делая паузы для Ниундо.

— Он говорит, нам нужно думать об отдыхе и лечении. А не о торговле. Он пошлет нам врачевателя. Пусть дары Чату отнесет молодой человек. Это он про него, про Юсуфа. Хочет, чтобы он отнес дары Чату. Если Чату останется доволен, может быть, позовет и вас. Так я понял, что он говорит.

— Всем нужен Юсуф, — с улыбкой заметил купец.

Мфипо отказался продолжать разговор и двинулся прочь. Отойдя на несколько шагов, он обернулся и поманил к себе проводника. Сеид и мньяпара быстро переглянулись. Горожане принесли еду, которую отдавали в обмен на товары, свободно расположились среди путников, задавали вопросы, шутили. Понять их речь удавалось, лишь когда рядом оказывался Ниундо и соглашался помочь, но кое-как объясниться они смогли. Жители рассказывали, как велик их город, как могуч их правитель. Если вы пришли сюда творить зло, вы об этом пожалеете, гово-

рили они. Какое зло? — удивлялся купец. Мы же торговцы. Мирные люди. У нас одна цель — торговать. Беды следует ждать от негодных и ленивых. Мохаммед Абдалла купил дерево и солому, чтобы построить временное укрытие для больных и для товара. В угасающем вечернем свете он надзирал за работой, потешая толпу своими ужимками и воплями. Затем он распорядился аккуратно сложить все узлы посреди убежища и постоянно охранять их.

Купец же, умывшись и прочитав молитву, призвал к себе Юсуфа и объяснил, какие дары следует отнести Чату. Если торговля здесь пойдет хорошо, вся наша экспедиция окупится, сказал он. Мохаммед Абдалла предпочел бы подождать до утра, выставить на ночь сильную стражу и не трогаться с места. Только два ружья у них было заряжено, возможно, стоило бы достать из поклажи еще парочку и тоже зарядить. Купец покачал головой. Он непременно хотел отослать подарки до наступления ночи, а то как бы султан не обиделся на их небрежение. Юсуф видел, что дядя Азиз встревожен — или, может быть, слегка обеспокоен. Надо выяснить, этот Мфипо сам по себе так враждебен или так настроен его владыка, сказал он. Симба Мвене, который отправлялся

вместе с Юсуфом, быстро отобрал подарки и пятерых носильщиков, чтобы доставить этот груз до другого края росчисти, к резиденции Чату. С ними шел и Ниундо, чьим голосом им предстояло говорить. Хорошее расположение духа вернулось к нему теперь, когда он занял столь важное положение, хотя спутники и дразнили его, мол, большую часть перевода он выдумывает от себя. И он то и дело трогал вспухшие ссадины на лице, рассеяно поглаживал рассеченную кожу.

Никто не препятствовал им войти в огороженный двор при «замке» Чату. Внутри двора они подождали, чтобы кто-то направил их дальше, и вскоре подошли двое молодых людей, назвались сыновьями Чату. Многие люди сидели снаружи у стен домов, поглядывали на них, но без особого интереса. Дети бегали, увлеченные собственной игрой.

— Мы принесли дары султану, — возвестил Юсуф.

— И приветствия от сеида. Скажи им это, — решительно вмешался Симба Мвене, словно исправляя допущенный юношей промах.

Молодые люди проводили их к одному из домов — среди прочих его выделяла широкая терраса спереди. На террасе на низких скамьях сидели

мужчины, среди них Мфипо и другие старейшины. Когда путники подошли, со скамьи поднялся стройный мужчина и с улыбкой ждал, чтобы они приблизились. Когда они оказались совсем рядом с террасой, он шагнул им навстречу, протягивая руку, что-то приветливо говоря. Похоже, он рад был их видеть. Такого дружелюбия и легкости в обращении Юсуф не ожидал после всего, что им рассказывали о Чату. Султан проводил их на террасу и с видимым смущением выслушал многословные приветствия купца, которые Симба Мвене передавал с помощью Ниундо. Время от времени он поглядывал на переводчика с удивлением и даже с недоверием.

— Он говорит, ты оказываешь ему слишком большие почести, — сказал Ниундо. — И он благодарит меня за щедрые подарки. А теперь говорит, пожалуйста, садитесь и не шумите. Он хочет, чтобы я сообщил ему, какие у меня новости.

— Не дури! — прорычал Симба Мвене. — Мы сюда не потехи ради явились. Просто переводи, что он говорит, и оставь свои шутки.

— Он говорит: садитесь! — с вызовом повторил Ниундо. — И не ори на меня, иначе будешь разговаривать с ним напрямую. А он хочет знать, что привело нас к ним.

— Торговля, — кратко ответил Симба Мвене и глянул на Юсуфа, приглашая его развить эту мысль.

Чату с улыбкой обернулся к Юсуфу, даже слегка откинулся назад, чтобы целиком вместить юношу в поле зрения. На миг Юсуф онемел под этим благожелательным и насквозь пронзающим взглядом. Он попытался выдавить из себя ответную улыбку, но мышцы лица не подчинялись, Юсуф понимал, что выглядит глупо, выглядит испуганным. Чату негромко рассмеялся, его зубы сверкнули в угасающем свете.

— Наш хозяин сам объяснит, чем он торгует, — пробормотал наконец Юсуф, сердце сделалось невесомым от тревоги. — Он послал нас сюда лишь затем, чтобы выразить свое почтение и попросить вас принять его завтра.

Выслушав перевод, Чату восторженно рассмеялся.

— Ты очень красноречив, — перевел Ниундо, пародируя легкий тон Чату. — Я заменил все слова, чтобы представить тебя умнее, чем ты есть, — можешь не благодарить. А что касается купца, он говорит, всякий может явиться к нему, когда пожелает. Он всего лишь слуга своего народа, говорит он, и хочет знать, ты слуга купца

или сын.

— Слуга, — ответил Юсуф, упиваясь своим унижением.

Чату отвернулся от него и несколько минут говорил, обращаясь к Симбе Мвене. Для Ниундо его речь оказалась слишком сложна, перевод длился едва ли полминуты:

— Купца он повидает завтра, если все будет хорошо. Проводник рассказал ему про наш путь через лес. Пусть наши товарищи скорее выздоравливают, говорит он. О, и теперь послушай, что он говорит об этом молодом человеке. Вот что он говорит. Присматривайте за этим красивым молодым человеком. Давай я спрошу, нет ли у него дочери, которую он хочет выдать замуж? Или, может быть, он сам тебя хочет. Симба, если нам удастся привести этого вот обратно к побережью и никто его не похитит — считай, нам повезло.

Симба Мвене вернулся к купцу с радостным отчетом и заразил своим энтузиазмом и купца, и мньяпару. Он так дружественен, так разумен, восхищался купец. Здесь у нас торговля пойдет. Я уже выяснил, у них много слоновой кости на продажу.

Люди растянулись на земле, все очень устали. Вскоре лагерь затих, стражи и те устроились

поудобнее, прислонившись кто к какой опоре. Юсуф уснул сразу же, но проснулся внезапно от криков и вспышек света. Во сне он поднимался по крутому склону, сверху падали камни, вокруг рыскали хищники. Перевалив через хребет, он увидел перед собой вздымающиеся воды, а за ними — высокую стену и в ней огненные врата. Свет был чумного цвета, песня птиц предвещала мор. Рядом с ним возникла фигура из тени и ласково произнесла: «Ты очень хорошо справился». Спасибо хоть слюнявый пес не набросился, мрачно сказал он себе, чувствуя, как отступают остатки пережитого во сне страха. Он стыдился ужаса, который рос в нем в тихие часы их путешествия, и, глядя на спящих вокруг мужчин, старался отрешиться от мысли о том, как близко они подобрались к пределам обитаемого мира.

Он вновь заснул, и тут люди Чату обрушились на них со всех сторон. Сразу же перерезали охрану, завладели оружием, а затем ударами дубинок разбудили тех, кто еще спал. Сопротивления им не оказали, все были захвачены врасплох. С воплями и насмешками их согнали на середину росчисти. Зажгли факелы, укрепили их высоко над сгрудившейся толпой пленников, которым было велено сесть на корточки и сцепить паль-

цы на затылке. Драгоценные товары, которые они принесли сюда на своих плечах, уволокли во тьму хохочущие мужчины и женщины. До рассвета разбойники торжествующе кружили вокруг, гримасничая, издеваясь над пленными, кого-то и били. Путники пытались ободрить друг друга, сквозь стоны и жалобы пробивался громкий голос Мохаммеда Абдаллы — он орал на подчиненных, требовал от них мужества. Кое-кто из мужчин плакал. Они вновь понесли потери: четверо убитых, несколько раненых. При свете факелов Юсуф разглядел, что пострадал и мньяпара. Его щека и одежда с той стороны были заляпаны кровью.

— Накройте мертвецов, — потребовал Мохаммед Абдалла. — Придайте им пристойный вид, и да будет милосерден к ним Господь.

Заметив Юсуфа, он улыбнулся:

— По крайней мере, наш молодой человек все еще с нами. Утратить его было бы дурной приметой.

— К черту приметы! — выкрикнул кто-то. — Какую такую удачу принес он нам? Вы только посмотрите, чем обернулся этот поход. Мы лишились всего.

— Они нас убьют! — завопил другой носиль-

щик.

— Положитесь на Бога, — попросил их купец. Юсуф, не распрямляясь, переместился ближе к нему. Дядя Азиз улыбнулся и похлопал мальчика по плечу. — Не бойся, — сказал он.

Рассвело, из города стекался народ посмотреть на пленных, люди смеялись, бросали в них камнями. Все утро местные жители провели тут, забыв о своих делах, наблюдая за группой прижавшихся к земле мужчин так, словно ожидали от них внезапных или опасных действий. Облегчаться пленным приходилось на том же месте — к восторгу детей и собак. На исходе утра явился Мфипо: Чату требует к себе купца. Говорил вестник громко, насмешливо.

— Его он тоже хочет, — сказал Ниундо, указывая на мньяпару. — И тех двоих, кто приходил вчера.

Чату, как и накануне, сидел на террасе в окружении старейшин. Двор заполнили его радостно улыбающиеся подданные. Вождь поднялся на ноги, однако не сделал ни шагу навстречу и лицо его было серьезным. Он подозвал Ниундо, тот нехотя подошел.

— Он сказал, будет говорить медленно, чтобы я все понял, — сообщил Ниундо. — Я постараюсь как могу, братья, и простите, если в чем-то

ошибусь.

— Положись на Бога, — мягко посоветовал ему купец.

Чату глянул на него с отвращением и заговорил.

— Вот что он говорит, — начал Ниундо, прерываясь то и дело, пока Чату не продолжил свою речь. — Говорит, мы не звали вас к себе и мы вам не рады. Ваши намерения неблагородны, и, придя к нам, вы принесли нам зло и беду. Вы пришли сюда вредить нам. Мы уже пострадали от других, похожих на вас, кто приходил раньше, и не хотим пострадать снова. Они пришли к нашим соседям, схватили их и увели прочь. После того, как они впервые пришли в нашу страну, с нами случалось только плохое. А вы пришли, чтобы принести новые беды. У нас не растет урожай, дети рождаются хромые, слабые, животные умирают от неведомых болезней. С тех пор, как вы появились среди нас, случалось такое, что не описать словами. Вы пришли и принесли в наш мир зло. Вот что он говорит.

— Мы пришли только затем, чтобы торговать, — перебил купец, но Чату не пожелал выслушать перевод.

— Он не хочет слушать вас, бвана тажири[57], — торопливо пояснил Ниундо, не поспевая за речью Чату. — Вы пришли и принесли в наш мир зло. Вот что он говорит. Он говорит, мы не станем ждать, пока вы превратите нас в рабов и поглотите наш мир. Когда такие, как вы, впервые пришли в эту страну, вы были голодны и наги, и мы накормили вас. Среди вас были больные, и мы лечили их, пока они не выздоровели. А потом вы стали лгать нам и нас обманывать. Таковы его слова. Слышите, что он говорит? Кто теперь говорит ложь? Он говорит: вы принимаете нас за животных, которые всегда будут мириться с таким обращением? Все добро, что вы принесли с собой, принадлежит нам, потому что все, что порождает эта земля, принадлежит нам. Поэтому мы все у вас заберем. Вот что он сказал.

— Значит, вы нас ограбите, — ответил купец. — Скажи ему это, прежде чем он заговорит снова. Все, что мы принесли, по праву наше, и мы пришли сюда менять свой товар на слоновую кость и золото и другие ценные…

Чату прервал его, потребовав перевод, и толпа приветствовала перевод презрительным воем.

---

[57] Примечания: 57
Господин купец (суахили).

Чату заговорил снова, его лицо выражало гнев и презрение.

— Он говорит, теперь нам не принадлежит ничего, кроме наших жизней, — сказал Ниундо.

— Спасибо и на том, — с улыбкой парировал купец, и Ниундо не перевел его слова. Чату указал на пояс с деньгами и велел одному из своих подручных сорвать его с купца.

Все собравшиеся затаили дыхание, пока Чату мерился взглядами с сеидом. Миг — и вождь заговорил снова, медленно, угрожающе, рот его был полон гнева и ненависти.

— Он говорит, с них достаточно бед. Он не хочет, чтобы наша кровь пролилась на их землю. Иначе он позаботился бы о том, чтобы мы никому больше не досаждали в этом мире. Но прежде, чем отпустить нас, он поучит одного из твоих слуг, как себя вести.

По знаку Чату проводник, который вел их через лес, выступил из толпы и ткнул пальцем в грудь мньяпары — тот невольно вздрогнул. Чату снова подал знак, и двое мужчин схватили Мохаммеда Абдаллу, а остальные принялись избивать его палками. Кровь хлынула из ноздрей несчастного, его тело дергалось под ударами. Ликующий вопль толпы заглушал звуки, вырывавшиеся у

мньяпары, и оттого его судороги казались почти притворством. Его продолжали бить и тогда, когда он рухнул на землю и остался лежать замертво. Когда же наконец остановились, тело мньяпары лишь слегка дрожало от спазмов.

Юсуф увидел, как по лицу дяди Азиза катятся слезы. Вновь заговорил Чату. Толпа застонала разочарованно, кое-кто из старейшин покачал головой, не соглашаясь. Но Чату говорил, возвышая голос, подавляя возражения. Говоря, он смотрел на Ниундо, но указывал на купца.

— Он говорит: теперь забирай свой караван зла и ступай прочь отсюда, — перевел Ниундо. — Его люди этим недовольны, однако он говорит, что не хочет навлечь новую беду на свою землю. Он говорит, когда он смотрит на таких молодых людей, как он, то ему хочется верить, что не все мы злодеи — похитители людей, охотники на человеческую плоть… и эта мысль пробуждает в нем милосердие. Ступайте, говорит он, пока он не переменил свое решение и не отказался от снисхождения, которое вам предлагает. Этот молодой человек все-таки принес нам удачу.

— Милосердие принадлежит одному Богу, — сказал купец. — Переведи ему. Переведи аккуратно. Милосердие принадлежит Богу. Человек не

может ни оказать милосердие, ни отказать в нем. Переведи ему точно.

Чату уставился на купца, не веря своим ушам, старейшины и те из толпы, кто оказался поблизости и разобрал тихие слова Ниундо, захохотали.

— Он говорит, у тебя во рту смелый язык. Он повторяет тебе еще раз, на случай, если твой язык болтает против твоей воли: забирай своих людей и уходи. Вот что он говорит, бвана. И, мне кажется, он вот-вот снова рассердится.

— Без наших товаров не уйдем, — ответил купец. — Скажи ему: если он хочет забрать наши жизни, пусть забирает. Сами по себе они ничего не стоят. Но если нам сохранят жизнь, мы потребуем вернуть наши товары. Далеко ли мы уйдем, если не сможем торговать? Скажи ему: без наших товаров мы не уйдем.

6

Купец пересказал своим людям все, что произошло во дворе у султана: злые слова, которые говорил о них Чату, избиение Мохаммеда Абдаллы, отказ вернуть им товары, приказ покинуть город и свое решение остаться здесь. Он предложил всем, кто желает уйти, немедленно это сделать. Мужчины закричали, стали клясться в верности купцу, готовности принять назначенную Богом судьбу. Симба Мвене рассказал им о том, как молодость Юсуфа спасла их от худшего — его приветствовали воплями и непристойностями. Затем все притихли, повинуясь приказу тех, кто их охранял, прислушались к бурчанию голодных желудков и стонам раненых сотоварищей. Не было ни клочка тени, чтобы укрыться от солнца, и с каждым часом брюхо бурчало все громче. Те, кто еще был покрепче, устроили для раненых навесы из собственной одежды, укрепив ее на веревках и палках.

Мньяпара очнулся, он был очень слаб и трясся в разгорающейся лихорадке. Он лежал на земле и стонал, бормоча слова, в которые никто не желал вслушиваться. Время от времени заплывшие

глаза приоткрывались, и мньяпара оглядывался вокруг с таким выражением, будто не понимал, где находится. Люди ждали решения купца, спорили между собой, как лучше поступить. Не будет ли безопаснее уйти, пока их еще отпускают? Кто знает, что потом надумает Чату? Что им теперь делать? Если останутся в городе, умрут с голоду, если уйдут без товаров и припасов, умрут с голоду. В лучшем случае попадут в плен.

— Посмотри, как глупо человеческое тело, — сказал дядя Азиз Юсуфу, и в уголках его рта вновь проступила та отрешенная, непобедимая улыбка. — Посмотри на отважного сына Абдаллы — как хрупко и ненадежно оказалось его тело. Будь он послабее, он бы вовсе не оправился от такого избиения, но Мохаммед оправится. На самом деле все еще хуже, ибо низменно и предает нас не только тело, а сама человеческая природа. Не знай я правды, я поверил бы в обвинения разгневанного султана. В нас он видит то, что ему угодно уничтожить, и он рассказывает нам вымышленные истории, чтобы мы согласились и поступили так, как ему угодно. Если б только мы могли предоставить телам действовать самостоятельно и они сумели бы позаботиться о своем благополучии и удовольствии! Слышишь,

Юсуф, как ворчат наши люди? Как, по-твоему, нам следует поступить? Может, во сне тебе явилось видение и ты сможешь истолковать его к нашему благу, как то было с древним Юсуфом, — улыбнулся дядя Азиз.

Юсуф покачал головой, не смея признаться, что никакой надежды для своих спутников он не видит.

— В таком случае нам лучше остаться здесь и голодать. Может, султан устыдится своей жестокости? — спросил купец, и Юсуф сочувственно вздохнул в ответ.

— Симба! — позвал купец и жестом поманил Симбу Мвене к себе. — А ты что думаешь? Должны ли мы уйти, бросив товар, — или оставаться здесь, пока нам его не вернут?

— Нам следует уйти, а затем вернуться и вступить в бой, — без промедления ответил Симба Мвене.

— Без оружия и без средств, чтобы купить их? К чему приведет такая война? — поинтересовался купец.

Днем Чату прислал им спелых бананов, вареный ямс и немного сушеной дичи. Горожане принесли воды, чтобы утолить жажду и помыться. Затем Чату вызвал к себе купца, и тот взял

с собой Ниундо, Симбу Мвене и Юсуфа. На этот раз во дворе султана не собиралась толпа, но старейшины все еще сидели на террасе, удобно устроившись, позабыв о церемониальных позах. Наверное, они всегда тут сидят, подумал Юсуф, как те старики у магазина. Чату заговорил тихо, словно пришел к некоему решению после долгих раздумий.

— Он говорит, два года назад здесь проходили такие же люди, как мы, — переводил Ниундо, подавшись вперед, ловя приглушенную речь султана. — Бледнокожие, как ты, бвана тажири, и с ними другие, более смуглые. Они пришли торговать, говорили они, как и ты. Он говорит, он дал им золото, слоновую кость и хорошо выделанную кожу. Их главный сказал, у них не хватит товаров, чтобы за все расплатиться, они уйдут и вернутся, принесут то, что остались должны. С тех пор их никто не видел. Этот купец наш брат, говорит он, так что наши товары пойдут теперь в уплату за долг нашего брата. Вот что он говорит.

Купец открыл было рот, но Чату снова заговорил, и Ниундо вынужден был внимать ему.

— Он говорит, ему неинтересно, что об этом думаешь ты. Он потратил на тебя достаточно

времени. Или думаешь, он койкоин?[58] Койкоин танцует под луной и позволяет чужакам обворовать себя. Но Чату всего лишь хочет, чтобы вы ушли, пока не случилось плохого. Здесь не все довольны таким его решением, говорит он, но он хочет положить конец этой истории. Тщательно все обдумав, вот что он решил. Он даст вам немного товаров — столько, чтобы выбраться из этой страны. А теперь он желает узнать, есть ли тебе что сказать в ответ.

Купец помолчал.

— Скажи ему, это решение мудрого правителя, и все же он судит несправедливо, — произнес он наконец.

Выслушав перевод, Чату улыбнулся.

— Что завело тебя так далеко от дома? Поиски справедливости? Вот что он спрашивает. Если так, то вот ты ее нашел. Я забираю твой товар, чтобы по справедливости возместить моему народу то, что отнял у него твой брат. А ты иди ищи брата, который обворовал меня, требуй справедливости с него. Так я понял его слова.

На следующий день они возобновили переговоры, спорили о том, много или мало товаров

[58] Примечания: 58

Койкоин — самоназвание кочевого народа на юге Африки, который колонизаторы именовали «готтентотами».

будет возвращено купцу, спорили о цене отнятого и о том, насколько велик долг первого купца. Старейшины сидели вокруг, помогая советами как умели, но Чату от них добродушно отмахивался. Мужчины помоложе требовали сразу же выдать им три отнятых у охраны лагеря ружья, чтобы отправиться на охоту, но и к ним вождь не прислушивался. Женщины держались в стороне, хотя Юсуф видел, как они проходят туда-сюда по двору по своим хозяйственным делам. Ниундо спотыкался в переводе, и обе стороны взирали на него с подозрением. Купец поинтересовался: теперь, когда они достаточно оправились, нельзя ли им получить свободу передвижения и поработать на кого-то из местных в обмен на еду? Чату согласился — при условии, что заложником у него останется Юсуф. В ту ночь Юсуф спал на террасе одного из принадлежавших Чату домов — и в ту же ночь двое из каравана сбежали, отправились искать подмогу.

В доме Чату с юношей обращались неплохо. Сам султан беседовал с ним, хотя Юсуф понимал едва ли два-три слова. Или думал, что понимает, поскольку их звучание казалось знакомым. По этим словам и по выражению лица Чату Юсуф угадывал смысл вопросов и отвечал как мог: изда-

лека ли они пришли, сколько народу в его стране, что побуждает их пускаться в такой путь. Обо всем этом Юсуф рассуждал серьезно и откровенно, однако, по-видимому, султан и старейшины в свою очередь не понимали его. Вернувшись на следующий день, чтобы продолжить переговоры, купец с тревогой глянул на Юсуфа, а потом улыбнулся.

— У меня все хорошо, — сказал ему молодой человек.

— Да, ты отлично справляешься, — с той же улыбкой признал дядя Азиз. — Подойди, сядь рядом со мной, и мы послушаем, что скажет о тебе султан.

Юсуфу не разрешалось отлучаться из огражденного стеной двора, не полагалось и приближаться к террасе, на которой проводили почти весь день Чату и старейшины, если только его не позовут туда. Неужели у старейшин нет никаких дел, нет земли, которую следовало бы возделывать, или хотя бы хозяйства, которое они могли бы озирать с удовлетворением? Наверное, появление каравана вынудило их забыть обо всех прочих заботах. Юсуф тоже просиживал дни напролет в тени, ждал наступления вечера, смотрел, как трудятся женщины. Со стороны могло показаться, что все

эти люди заняты лишь одним — сидят в тени и таращатся перед собой.

Женщины дразнили его, широко улыбаясь, что-то выкрикивали, и ни выкрики, ни улыбки не казались ему беспримесно добрыми. Они отправляли к нему девочек помоложе с небольшими подарками и какими-то приглашениями — он предполагал, что это приглашения, и от скуки пытался их перевести. «Приходи ко мне днем, когда муж задремлет», «Не помочь ли тебе помыться?», «Может, у тебя зудит, давай почешу?» Порой они сгибались пополам от смеха, выкрикивая непонятные ему слова, а одна старуха посылала ему воздушные поцелуи и вихляла задом всякий раз, как проходила мимо. Девушка, приносившая ему еду, бесстыже смотрела на Юсуфа в упор, сидя почти вплотную, пока он ел. Время от времени она заговаривала с ним, хмурилась, на чем-то настаивала. Он отводил глаза от ее почти обнаженной груди. Она предложила ему полюбоваться бусами, которые носила на шее, приподняла их, требуя комплиментов.

— Бусы. Да, я знаю, что это, — сказал Юсуф. — Не понимаю, почему их так ценят. В некоторых местах, где мы проходили, за горсточку бусин отдавали целую овцу. Это всего лишь побрякушки.

На что они годятся?

— Как тебя зовут? — спросил он в другой раз, но так и не добился, чтобы она поняла. Он считал ее красивой: узкое лицо, улыбчивые глаза. Часто она молча сидела перед ним, и он чувствовал, что должен вести себя в большей степени как мужчина, однако боялся проявить неуважение. Стоило ему показать, что он в чем-то нуждается, к нему звали именно эту девушку. Даже Чату стал посмеиваться на этот счет, когда дядя Азиз приходил с очередными переговорами.

— Он говорит, до него дошло, что наш молодой человек взял себе в жены их девушку, нам придется и это присчитать к долгу, — перевел Ниундо, ухмыляясь Юсуфу. — Быстрый ты, черт! Он говорит, пусть этот останется с нами и даст Бати сыновей. К чему молодому здоровому человеку торговать? Он говорит, пусть этот остается здесь, Бати научит его кое-чему.

Значит, ее зовут Бати. Юсуф замечал: когда Бати приближается к нему, ее соплеменники обмениваются взглядами и улыбаются. На четвертую ночь девушка пришла к нему после наступления темноты. Она села возле его циновки, тихо напевая, ее рука пробежалась по лицу и волосам Юсуфа. Он молча стал гладить ее, эти ласки

дарили неведомый прежде покой, блаженство. Сидела она рядом с ним недолго и вдруг ушла, как будто что-то припомнив. Весь следующий день он только о ней и думал. И всякий раз, как видел ее, не мог скрыть улыбку. Женщины хлопали в ладоши, что-то выкрикивали, словно перед ними разыгрывалось забавное зрелище.

В тот день дядя Азиз снова пришел к Чату и не забыл поговорить с Юсуфом.

— Будь наготове, — предупредил он. — Скоро мы отбываем. Постараемся вернуть свое добро — и поскорее уйдем. Здесь опасно.

В ту ночь девушка снова пришла к нему и села рядом, как делала прежде. Они ласкали друг друга и наконец повалились наземь. Он вздыхал от удовольствия, а она почти сразу села, выпрямилась, собралась уходить.

— Останься со мной, — попросил он.

Она шепнула что-то, прижав ладонь к его рту. Возбудившись, он возвысил голос, а теперь увидел, как она улыбается в темноте. Кто-то кашлянул в соседнем доме, и Бати выбежала в черноту ночи. Юсуф еще долго лежал без сна, переживая заново краткие мгновения радости и мечтая утром вновь увидеть Бати. Он изумился тому, как охотно его тело откликалось ей и какую

боль оставило в его теле внезапное исчезновение девушки. Он подумал о Чату и о купце — оба они рассердились бы, узнав, что он сейчас делал. Эта мысль пробудила тревогу, а от тревоги он избавился, облегчив себя от той настойчивой потребности, что вызвала Бати. Затем он отвернулся от самого себя и попытался уснуть.

Утром он увидел, как она выходит со двора вместе с другими женщинами, они шли ухаживать за скотом. Бати обернулась через плечо, и женщины засмеялись: она выдала все, что произошло между ними. Это любовь, закричали они. Когда будет свадьба? Так Юсуф перевел для себя их слова.

7

Поздним утром в город вошла колонна во главе с европейцем, который повел своих людей прямиком к росчисти перед резиденцией Чату. Мгновенно разбили огромный шатер и установили шест с флагом. Европеец, высокий лысеющий человек с большой бородой, в рубашке и брюках, обмахивался, словно веером, шляпой с широкими полями. Он уселся за стол, который поспешно установили его подчиненные, и принялся что-то писать в толстой тетради. Отряд состоял из аскари[59] и носильщиков, все в шортах и мешковатых рубашках. Местные жители собрались вокруг лагеря, но хорошо вооруженные солдаты не подпускали их ближе. Услышав новость о появлении отряда, купец поспешил увидеться с европейцем. Солдаты преградили ему путь, но купец убедился, что был замечен европейцем, и когда тот закончил писать, то посмотрел в сторону мужчины, одетого в струящийся белый канзу, и жестом поманил его к себе. Главный над

[59] Примечания: 59

Это слово, изначально означающее «солдат» (арабский), стало применяться для обозначения колониальных войск.

аскари, бойко говоривший на суахили, выступил вперед и принялся переводить. Купец впопыхах изложил свою историю и молил о помощи — вернуть украденное. Выслушав, европеец зевнул и сказал, что намерен отдохнуть, а затем ему угодно будет принять Чату. Купец и Чату дожидались на росчисти пробуждения европейца. Вот и пришел начальник над начальниками, приговаривали спутники дяди Азиза, дразня Чату. Уж он окунет тебя носом в дерьмо, ты, ворюга! Чату спросил Ниундо, случалось ли ему когда-нибудь иметь дело с европейцами. Говорят, они могут жевать железо. Правда ли это? Но уж раз такой человек потребовал его к себе, вот, он явился, чтобы не навлечь на свою голову лишних бед.

— Он спрашивает, что ты о них знаешь, — перевел Ниундо купцу.

— Скажи: скоро он сам увидит, — ответил купец. — И вернет мне мое добро прежде, чем закончится день.

Юсуф стоял среди прочих людей из каравана, и те на радостях дразнили и его, припоминая ему денечки в доме султана. Наконец европеец вышел из палатки, лицо его было красным и мятым со сна. Он тщательно умылся, будто у себя дома, а не в окружении сотен чужаков. Потом уселся за

стол и угостился пищей, которую поставил перед ним слуга. Покончив и с этим, поманил к себе купца и Чату.

— Ты и есть Чату? — спросил он.

Главный аскари перевел эти слова султану, а Ниундо перевел перевод аскари купцу. Султан кивнул переводчику и, торопливо обернувшись, вновь окинул взглядом европейца. Никогда еще ему не доводилось видеть ничего столь странного, как умытый до блеска красный мужчина, у которого из ушей росли волосы, так он рассказывал впоследствии.

— Значит, Чату. Вообразил себя большим человеком? Так ты о себе понимаешь? — спросил переводчик, вторя словам начальника. — Что это ты вздумал грабить прохожих? Не боишься правительства и его законов?

— Какого правительства? О чем ты говоришь? — На переводчика Чату не побоялся прикрикнуть.

— Какое правительство? Хочешь знать? И лучше не ори, когда обращаешься ко мне, друг мой. Не слыхал, как правительство затыкает рты другим таким крикунам и заковывает их в цепи? — резко парировал переводчик. Ниундо прибавил громкости, переводя эти слова, и спутники купца радостно заулюлюкали.

— Он пришел за рабами? — гневно спросил Чату. — Этот твой начальник — за рабами сюда пришел?

Европеец нетерпеливо заговорил, лицо его еще более раскраснелось от досады.

— Хватит пустых разговоров, — сказал переводчик. — Правительство не торгует рабами. Есть ослушники, они торгуют рабами, большой начальник пришел, чтобы положить этому конец. Ступай, принеси имущество этих людей, пока не наделал беды.

— Я не просто так взял их добро. Один из их братьев забрал у меня золото и слоновую кость, — наябедничал Чату, и голос его жалобно задребезжал.

— Мы это уже слышали, — переводчик решительно взял дело в свои руки. — И он не желает больше это слушать. Принеси все имущество, которое принадлежит этим людям. Вот что говорит большой начальник… или увидишь, как поступает правительство.

Чату оглядел лагерь, все еще не решив, как быть. Внезапно европеец поднялся и потянулся.

— Он может есть железо? — спросил Чату.

— Он может все, что пожелает, — сказал переводчик. — Но прямо сейчас, если не сделаешь,

как он говорит, сам будешь есть дерьмо.

Спутники купца разразились торжествующими воплями, они поносили Чату, издевались над ним и молились, чтобы Господь поразил его вместе с его городом. Все, что уцелело из товаров, было доставлено. Европеец велел купцу вместе с караваном отправляться в путь, вернуться восвояси, оставив здесь свои три ружья. Ружья теперь не нужны, правительство установит порядок в стране. Ружья нужны лишь затем, чтобы вести войну и захватывать рабов. Ступай, большой начальник разберется с этим вождем, сказал переводчик. Купец хотел бы пошарить в домах, отыскать недостающее, но спорить не стал. Они быстро собрались, внезапное освобождение ободрило их и придало сил. Юсуф всматривался в окружившую караван толпу и, пока все спешили со сборами, надеялся в последний раз увидеть Бати. Еще до наступления ночи они покинули город. Они прошли тем же тягостным путем к городу Маримбо на берегу озера, они неслись вниз по крутым тропам с поспешностью, граничившей с паникой, и полагались на Симбу Мвене — он помнил их прежний маршрут. Только для него одного тот путь через лес не превратился в насланный лихорадкой кошмар.

Путники сочинили песню о Чату-змее, которого проглотил европейский джинн с волосами, растущими из ушей, но лес заглушал голоса, лишал их полнозвучности. Купец сожалел о том, что не получилось уладить дело напрямую с Чату. «Теперь сюда явились европейцы, и они завладеют этой страной», — приговаривал он.

Несколько недель они провели в городе Маримбо, отдыхая, торгуя чем могли. Надеялись, что двое сбежавших от Чату появятся здесь. Заняться мужчинам было особо нечем. Поначалу, радуясь спасению, они блаженно ленились, оплачивали праздники, и танцы, и пиры. По вечерам играли в карты и рассказывали истории, отмахиваясь от облака зудящих комаров. Некоторые начали гоняться за женщинами. Покупали у местных жителей пиво, напивались тайком, но, опьянев, плакали, завывали на ночных улицах, браня судьбу, назначившую им столь жалкую участь. Мньяпара оправился после побоев, лишь на лодыжке не заживала рана, но боль и унижение ослабили его, лишили голоса, он ничего не делал, чтобы обуздать подчиненных. Симба Мвене держался в стороне от всех, нанялся поденщиком на рыбацкую лодку.

Вскоре начались свары. Зазвучали угрозы,

сверкнули ножи. Маримбо пожаловался купцу на недостойное поведение его спутников, но принял новые дары и согласился еще потерпеть. Юсуф видел, что дядя Азиз поддался усталости. Плечи его округлились и ссутулились, он часами сидел в молчании. Наблюдая за ним в вечернем сумраке, Юсуф внезапно представил купца в образе маленькой мягкой зверюшки, лишившейся панциря, оказавшейся у всех на виду, страшно пошевелиться. Голос его, когда он заговаривал с Юсуфом, был по-прежнему ласков и чуть насмешлив, но словам не хватало прежней остроты и точности. Закрадывался страх, что они так и останутся здесь, на краю света. Порой, когда на него падали лучи закатного солнца, Юсуфу казалось, что он горит.

— Не пора ли нам отправляться в путь? — спросил Юсуф однажды мньяпару. Они сидели рядом на циновке, юноша старался не смотреть на рану, блестевшую на ноге мньяпары. Глянул вверх, на звезды, голова закружилась от их яркого свечения — словно стена блестящих камней обрушилась на него.

— Поговори с сеидом, — посоветовал Мохаммед Абдалла. — Он меня больше не слушает. Я ему говорил, надо уходить прежде, чем мы все сгнием

в этом аду, но на него давит огромная тяжесть, и он не слушает меня.

— Что я скажу? Я не смею заговаривать с ним, — возразил Юсуф, уже зная, что осмелится.

— У него в сердце есть место для тебя. Поговори, выслушай его ответы. А потом скажи, что надо уходить. Ты уже не мальчик, — резко ответил Мохаммед Абдалла. — Знаешь, почему он по-доброму обходится с тобой? Потому что ты тихий и спокойный, а по ночам плачешь от видений, недоступных всем нам. Может, он думает, ты блаженный.

Юсуф усмехнулся, оценив двусмысленность: «блаженными» деликатно называли безумцев. Мохаммед Абдалла ухмыльнулся в ответ, довольный, что его шутку поняли. Он протянул руку и слегка сжал бедро Юсуфа.

— Как ты вырос за время пути, — сказал он и отвел глаза.

Юсуф заметил эрекцию, едва скрытую одеждой мньяпары, и поспешно поднялся. Мньяпара засмеялся негромко, потом откашлялся. Юноша пошел к берегу посмотреть, как рыбаки вытаскивают последний вечерний улов.

Назавтра он подождал позднего утра, когда воздух уже прогрелся, но бремя нового дня еще

не давило.

— Не пора ли нам отправляться, дядя Азиз? — спросил он, сидя в нескольких шагах от сеида и наклоняясь к нему, чтобы выразить почтение. «Он тебе вовсе не дядя!» Впервые с тех пор, как стал заложником-рабом, он назвал купца дядей, но обстоятельства того требовали.

— Да, уже несколько дней как пора, — ответил сеид и улыбнулся: — Ты беспокоился? Я заметил, ты не сводил с меня глаз. Какая-то тяжесть приковала меня к этому месту. Усталость или же лень… Я слышал, наши кобели совсем распустились, надо уводить их отсюда. Скоро я позову к себе мньяпару и Симбу, но пока что посиди со мной, расскажи, что ты обо всем этом думаешь.

Несколько минут они сидели в молчании. Юсуф чувствовал, как в его руках разматывается нить его жизни, и разматывается легко, без зацепок. Потом он устал и ушел. Еще долго он сидел молча, один, оглушенный чувством вины: никак не удавалось восстановить память о родителях, чтобы она присутствовала в его жизни. Думают ли они еще о нем, живы ли они? Он понял, что предпочтет этого не выяснять. В таком состоянии он не мог противиться иным образам, и его одиночество и никчемность явственно предстали

перед ним: каждый образ упрекал его в небрежении самим собой. Стечение событий управляло его жизнью, он лишь старался держать голову над водой и не упускать из виду ближайшую перспективу, предпочитая неведение бесполезному знанию о том, что ждет впереди. Он не видел способа избавиться от оков той жизни, какую он вел.

«Он тебе вовсе не дядя». При мысли о Халиле Юсуф улыбнулся, несмотря на уныние, вопреки внезапно нахлынувшей жалости к себе. Вот кем он станет, если сохранит присутствие духа. Уподобится Халилу — взвинченному, готовому к отпору, стесненному со всех сторон, зависимому. Застрянет в глуши. Вспомнились вечные веселые пререкания с покупателями, неуместная жизнерадостность Халила — теперь он знал, что под ней скрываются тайные раны. В тысяче миль от родного дома, как и Каласинга. Как все они — застрявшие в той или иной вонючей дыре, пораженные тоской, утешаемые видениями утраченного рая.

8

Единственный способ компенсировать убытки, не говоря уж о том, чтобы что-то заработать, сказал купец, — возвращаться иным путем, через более населенные места. Поскольку у них так много больных, дорога будет долгой, но меньше всего они заботились о скорости. Они потеряли почти четверть спутников, почти половину товаров — платили дань, потом их ограбил Чату. Теперь они двинулись на юг, обходя озеро по южному берегу. Мньяпара вновь принял командование на себя, но прежние силы не вернулись к нему. И он, и купец вынуждены были гораздо больше полагаться на Симбу Мвене, чем прежде.

Возможностей для торговли в тех местах, где они проходили, было предостаточно, вот только их товар здесь не слишком ценился, и взамен здесь не имелось столь ценных вещей, как слоновая кость. Кое-где удавалось приобрести рога носорогов, но по большей части довольствовались шкурами и камедью. Через несколько дней в их маршруте проступил устойчивый узор: они двигались кругами, петляли, отклонялись от основного пути в поисках городов и поселений.

Пейзажи, которые на пути вглубь материка наполняли душу Юсуфа изумлением и страхом, на обратном пути превратились в пыльный кошмар, изнурительные пространства. Их кусали насекомые, кожу раздирали шипы и ветки кустов. Однажды вечером на них напала стая бабуинов, уволокла все, что успела схватить. После этого на каждом привале они строили баррикады, потому что, лишившись оружия, боялись нападения диких животных, рыскавших вокруг по ночам. Повсюду, куда бы ни пришли, они слышали рассказы о немцах, запретивших местным жителям взимать дань и даже кого-то повесивших — за что, неведомо. Симба Мвене старательно обходил стороной все известные на тот момент немецкие форпосты.

Обратный путь занял пять месяцев. Они продвигались медленно, порой нанимались поработать на крестьян — за еду. В городе Мкаликали, к северу от великой реки, их задержали на восемь дней, заставили строить загон для принадлежавшего султану стада. Таково было условие султана, лишь после этого он продал им достаточно припасов в дорогу.

— С торговыми караванами покончено, — сказал султан Мкаликали. — Эти мдачи — им чуждо

милосердие. Нам они сказали, что прогонят вас, иначе вы превратите нас в рабов. Я им объяснял: никто не собирается обращать нас в рабство. Никто! Когда мы торговали рабами, продавали их людям с побережья. Этих людей мы знаем и не боимся их.

— Теперь всем завладеют европейцы и индийцы. — Ответ купца вызвал у султана улыбку.

В Кигонго им пришлось работать на фермах у старейшин, прежде чем распродать мотыги. Во время пребывания там купец заболел. Он не желал, чтобы его несли на носилках, и через три дня приказал снова отправляться в путь. Невозможно долее задерживаться среди воров, которые каждый день так много отнимают и так мало дают взамен, сказал он. Его болезнь вынуждала их то и дело останавливаться, Юсуф шел рядом с купцом и поддерживал его, когда тот уставал. Добравшись до Мпвели, они ощутили близость побережья. Там они передохнули несколько дней, дядю Азиза принимал старый друг, владелец магазина. Этот торговец со слезами выслушал повесть об их испытаниях и неудачах. «Заработал ли ты достаточно, чтобы вернуть долг индийцам?» — спросил он. Дядя Азиз пожал плечами.

После Мпвели они торопливо устремились к

побережью и за шесть дней добрались до предместья своего города. Их радость была отравлена усталостью и поражением. Одежда на их телах превратилась в обноски, лица вытянулись от голода, приобрели страдальческое выражение. Путники разбили лагерь у пруда, помылись как сумели, а затем купец стал читать молитвы, к которым все присоединились, просил Бога простить всякое совершенное ими зло. Наутро они вошли в город, во главе шагал единственный трубач, настоявший на том, чтобы вопреки всему звучала музыка. Пронзительные его напевы, хоть и притязали на беззаботность, звучали напряженно, скорбно.

Роща желания

1

Впоследствии Юсуф не мог восстановить в подробностях момент возвращения. Дни были заполнены толпами людей, собиравшихся вокруг дома и на росчисти, все кричали и требовали, чтобы их выслушали. Носильщики и стражи остановились тут же, они повествовали о героическом своем спасении и жаловались на дурную судьбу, ожидая, пока им заплатят. В большом дворе при доме купца возник целый лагерь — шатры, костры, — днем и ночью сюда наведывались любопытствующие, уличные торговцы продавали всем кофе и еду. На обочине появились сколоченные на скорую руку киоски, ароматы мяса на вертеле и жареной рыбы приманивали голодных людей. Вороны забросили обычные дела и сидели на деревьях поблизости. Яркие, зоркие глаза высматривали, не подвернется ли где смачный кусок. По краям лагеря выросли горы мусора; шли дни, и из-под помоев засочились тонкие ручейки грязной слизи.

Купец принимал неиссякающий поток посетителей на террасе перед магазином. Старики, обычно восседавшие там, великодушно уступили

место, но в глубине души возмущались изгнанием. Им бы тоже хотелось поучаствовать в драме возвращения каравана. Посетители держались участливо, проводили здесь много праздных часов, сопровождая рассказ купца о путешествии внезапными восклицаниями или тихими сочувственными вскриками. Пока они болтали и пили кофе, вокруг собирались взволнованные толпы. Порой тот или иной посетитель доставал блокнот и что-то записывал или отходил к складам сбоку от дома. В одном из складов разместился Мохаммед Абдалла, медленно оправлявшийся от изнурения и лихорадки. Его терзали странные боли, возникшие после избиения в городе Чату. Над распахнутой дверью в его комнату висела ткань, лениво парусила даже при слабом ветре. Посетители останавливались на пороге, желали мньяпаре полного выздоровления, потом пытались заглянуть в другие склады.

— Разберут сеида по косточкам, — говорил Халил Юсуфу.

В волосах Халила мелькала седина, узкое лицо заострилось пуще прежнего. Возвращение каравана он приветствовал неистовым ликованием, чуть не сшиб Юсуфа с ног, прыгал вокруг, прижимал «братца» к себе, хлопал по спине.

— Он снова с нами! — возвестил Халил завсегдатаям магазина. — Мой маленький братец вернулся. И какой большой вырос!

Когда первоначальный хаос улегся, Халил потащил Юсуфа в магазин, настойчиво требуя, чтобы тот разнообразия ради принялся за настоящую работу. Дядя Азиз снисходительно улыбался, давая понять, что таково и его желание. При этом купец хотел, чтобы юноша оставался неподалеку, и часто звал поухаживать за гостями, вознаграждая его услуги рассеянными знаками одобрения. Халил же болтал безустанно, прерывая свою речь лишь для того, чтобы обменяться парой слов с покупателями, да и тех призывал восхищаться вернувшимся путешественником.

— Посмотрите на его мышцы! Кто бы подумал, что слабенький кифа уронго вырастет таким? Не знаю, чем его кормили по ту сторону гор, но он сделался прекрасно упитанным, как раз для ваших дочерей.

По ночам, когда лагерь гудел бормотанием, всплесками смеха, обрывками песен, юноши расстилали свою постель в углу террасы. Каждую ночь Халил просил:

— А теперь расскажи мне про ваше путешествие. Я хочу знать все подробности.

Юсуф словно просыпался после кошмара. Он признавался Халилу в том, как часто на этом пути чувствовал себя мягким бесхребетным существом, которое вылезло из своего панциря и сидит на открытом месте, жалкое, мерзкое существо, слепо извивающееся среди шипов и обломков камней. Такими ему представлялись они все, слепо нащупывавшие путь в глуши. Пережитый им ужас не похож на обычный страх, пояснял он. Казалось, он лишился реального существования, обитал во сне, по ту сторону гибели. И дивился: чего же люди жаждут настолько сильно, что готовы преодолеть даже этот ужас, лишь бы торговать. Нет, путешествие не было сплошным ужасом, вовсе нет, говорил он, но именно ужас придавал всему этому четкие очертания. И он видел такое, к чему не был готов, ничто этого не предвещало.

— Свет на горе — зеленый, — рассказывал он. — Я и не воображал, что свет может быть таким. И воздух будто промыт дочиста. По утрам, когда солнечный луч касается снежного пика, наступает вечность, момент, который длится и не изменится никогда. А под вечер, у воды, голос как будто проникает высоко в небо. Однажды вечером, взбираясь в гору, мы остановились у водопада. Он

был прекрасен, как нечто совершенное. Никогда я не видел ничего столь прекрасного. Словно слышалось дыхание Бога. Но пришел человек и стал гнать нас. Днем и ночью все вокруг пульсировало, жужжало, сотрясалось от звуков. Однажды около озера я видел двух орланов, они спокойно сидели на ветке камедного дерева. Но вдруг оба они испустили мощный крик, дважды или трижды яростно завопили, закинув головы, раскрытый клюв уставлен в небо, замахали крыльями, тела их напряглись. Через миг с той стороны озера донесся слабый отклик. Несколько минут спустя самец уронил белое перо, и в этом великом молчании оно медленно опустилось наземь.

Халил слушал молча, лишь хмыкал иногда. Но если Юсуф смолкал, думая, что слушатель заснул, из темноты доносился вопрос, побуждая его продолжать. Порой Юсуф и сам смолкал, бессильный передать воспоминание о бескрайней красной земле, полной людей и животных, образ скал, вздымавшихся над водой, будто стены из пламени.

— Словно врата рая, — сказал Юсуф.

Халил издал тихий недоверчивый звук.

— А кто живет в том раю? Дикари да воры, грабящие невинных торговцев, продающие кровных

братьев за побрякушки, — сказал он. — Нет у них ни Бога, ни веры, даже обычного милосердия. Похожи на диких зверей, среди которых живут.

Юсуф знал, что такими присказками его спутники побуждали друг друга вернуться к истории о Чату, но сам он промолчал. Вспоминая о пребывании в городе Чату, он неизменно вспоминал о Бати, о теплом дыхании на своей щеке. Он устыдился, представив себе, как посмеялся бы над ним Халил, узнав эту историю.

— А этот дьявол Мохаммед Абдалла? Султан дикарей наконец-то преподал ему урок, да? Ты был там! Но до того — что он делал до того? — спросил Халил. — Из каждого путешествия люди возвращаются с ужасными рассказами о нем. Ты же знаешь, какова его репутация, верно?

— Со мной он был добр, — ответил Юсуф, чуть помедлив. В тишине ему виделось, как мньяпара танцует в свете костра, лопаясь от гордыни и похвальбы, скрывая боль в плече.

— Слишком ты доверчив, — окрысился Халил. — Он — опасный человек. А волков-оборотней видел? Должен же ты был их повстречать! Нет? Наверное, они караулят глубже в лесах. В тех местах про них много рассказывают. А каких-нибудь странных животных видел?

— Нет, волков-оборотней я не видел. Наверное, спрятались от странных животных, которые явились в их места.

Халил рассмеялся.

— Значит, волков-оборотней ты больше не боишься. Как ты вырос! Теперь надо тебе найти жену. Ма Аюза все еще ждет и накинется на твой стручок в следующий раз, как тебя увидит, все равно, вырос ты или так и не вырос. Она тосковала о тебе все эти годы.

Увидев Юсуфа в магазине, Ма Аюза раскрыла рот в преувеличенном изумлении. Так и стояла перед ним, будто лишившись и слов, и воли. А потом медленно, сладко улыбнулась. Он заметил, как тяжело она движется, какое у нее усталое лицо.

— Ах, мой супруг вернулся ко мне, — сказала она. — Слава Богу! И как он красив. Теперь придется следить за другими девчонками.

Но поддразнивала она его как бы по обязанности, словно извиняясь, боясь не угодить.

— Это ты у нас красавица, Ма Аюза, — ответил Халил. — А не этот юный слабак, неспособный распознать истинную любовь, даже когда она стоит перед ним. Почему ты не предпочла меня, *зуварди*? Я бы дал тебе табаку — нюхай вволю.

Как ты сегодня? Как семейство?

— Все как обычно. Благодарим Бога за ту жизнь, которую Ему угодно было назначить нам, — голос ее сделался тоньше, в нем звучала жалость к себе. — Сделает ли Он нас богатыми или бедными, слабыми или сильными, на все один ответ: *аль-хамдулиллах.* Если уж Он не знает, как для нас лучше, кто же тогда? А теперь помолчи, дай мне поговорить с моим мужем. Надеюсь, ты не дурил с другими женщинами там, где ты был? Когда же ты придешь домой и будешь жить со мной? У меня готово угощение.

— Не зови его, Ма Аюза. — посоветовал Халил. — Он теперь человековолк, придет в твой дом и тебя же и съест.

Ма Аюза выдавила из себя подобие прежнего торжествующего клича, и Халил скривил губы в лукавой усмешке. Юсуф заметил, как Халил щедро отмеряет всякий товар, какой спрашивала Ма Аюза, еще и небольшой кулек сахара добавил.

— Увидимся вечером, как обычно? — спросил он. — Мне бы массаж.

— Сначала ты меня обкрадываешь, потом лезешь ко мне! — вскричала Ма Аюза. — Держись

от меня подальше, *мтото ва шетани*[60].

— Видишь, она по-прежнему любит тебя одного, — сказал Халил Юсуфу и ободряюще хлопнул его по спине.

[60] Примечания: 60
Сын шайтана (суахили).

2

Дверь в сад оставалась закрытой теперь, когда во дворе толпились чужие люди, лишь Халил и дядя Азиз заходили туда и старый садовник Мзе Хамдани. Поверх стены Юсуф видел кроны самых высоких деревьев, слышал на рассвете пение птиц и мечтал вновь бродить в роще желаний. По утрам он видел, как Мзе Хамдани аккуратно проходит через росчисть, обходя палатки и горы мусора, но будто и не замечая их. Старик не смотрел ни направо, ни налево, он прямиком направлялся к двери в сад. Во второй половине дня он так же безмолвно уходил. Через несколько дней Юсуф собрался с духом и встал так, чтобы Мзе Хамдани вынужден был пройти вплотную к нему. Старик и виду не подал, что узнал его. Сначала Юсуф обиделся, потом с улыбкой отошел.

Постепенно чужие стали покидать росчисть. Дядя Азиз все еще вел переговоры с купцами и кредиторами, но его былые спутники томились и роптали. Они приносили записки с первоначальным договором, Мохаммед Абдалла и Симба Мвене выступали свидетелями, купец вносил запись в свою тетрадь. Люди брали то, что ку-

пец выдавал им, и новую записку с указанием, сколько он остался должен. Доли в прибыли не будет, объяснял дядя Азиз каждому лично. Скорее всего, ему придется искать где-то средства, чтобы расплатиться с кредиторами. Носильщики ему не верили, но об этом они говорили только между собой. Богатые купцы тем и известны, что обманывают людей, которых зазывают в свои походы. Перед купцом они ворчали и ныли, выпрашивали сумму побольше. Ниундо просил учесть его ценные услуги переводчика, и купец кивнул, внес соответствующие изменения в долговую расписку. Мужчины расписывались в тетради купца, подтверждая, что оплата произведена, затем Мохаммед Абдалла и Симба Мвене, оба неграмотные, ставили свои значки на их долговых расписках. Некоторые отказывались принимать расписки, затягивали спор, но в итоге всем пришлось либо согласиться на то, что предлагал купец, либо остаться ни с чем. Семьям тех, кто погиб в пути, отослали награду, которая причиталась их умершим родичам. Также дядя Азиз послал белую хлопчатую ткань на саван, хоть тела и покоились в сотнях миль от дома, добавил немного денег из собственного кармана — «это на заупокойные молитвы», пояснил он гонцу.

Деньги, предназначавшиеся двоим, бежавшим из города Чату и так и не нагнавшим караван, дядя Азиз отложил в сторону. Если сейчас отдать деньги семье, а потом те двое вернутся, споров не оберешься до конца жизни. Если не отправлять деньги, рано или поздно появится кто-то из родни, обвинит в обмане и краже — но это меньшее зло, рассуждал купец.

Когда носильщики и охранники разошлись, исчезли и уличные торговцы, и киоски с едой, лишь вороны все еще рылись в горах отбросов.

— Не забудь про нас, когда вновь будешь собирать караван, — говорили мужчины Мохаммеду Абдалле на прощание, говорили по доброте душевной: было очевидно, что мньяпара все еще болен, изнурен, измучен слабостью. — Мы же хорошо поработали на тебя? Вот только Бог не благословил наш поход. Так что не забывай про нас, мньяпара.

— Какой еще караван? Не будет больше караванов, — отвечал мньяпара, высокомерное лицо перекашивалось злобной издевкой. — Европейцы все забрали!

Последними получали плату Мохаммед Абдалла и Симба Мвене. Они приняли деньги, бормоча слова благодарности и едва глянув на то, что

им вручили. Из вежливости они еще посидели рядом с купцом на террасе, недоумевая, пригодятся ли они ему, но и не торопясь уходить, чтобы не обидеть поспешностью. Когда же оба наконец поднялись, купец вытянул руку и остановил Симбу Мвене. Мохаммед Абдалла застыл неподвижно, уставившись себе под ноги, потом спокойно повернулся и ушел.

Халил ткнул Юсуфа локтем в бок: оба они видели, как Мохаммед Абдалла оказался лишним. Лицо Халила раскраснелось торжеством, будто он сам и нанес добивающий удар.

— Избавились наконец от грязного пса! — прошептал он. — Спрячется теперь в своей глуши, пусть там животных пытает, а не людей. Прочь отсюда, пес!

Юсуф удивился такой силе ненависти и поглядел на Халила, ожидая пояснений. Халил же отвернулся и принялся переставлять на прилавке ящики с рисом и бобами. Он часто моргал, рот его кривился, словно Халил едва сдерживался. На его туго обтянутом кожей лице взбухли вены, ткни — потечет кровь. Он тревожно вскинул взгляд на Юсуфа, попытался выдавить улыбку. Юсуф смотрел вопросительно, однако Халил предпочел этого не замечать. Вдруг он запел, слегка при-

хлопывая в ладоши и с деланой беззаботностью поглядывая на дорогу, не идут ли покупатели.

В тот же день Мохаммед Абдалла уселся на террасе, положив рядом свои вещи, готовый отправляться восвояси. Он ждал, покуда купец поднимется после дневного сна. Юсуф одиноко стоял за прилавком, покупателей не было. Халил прилег вздремнуть в дальней части магазина. Мньяпара поманил Юсуфа к себе, предложил сесть рядом на скамейку.

— Что ж из тебя выйдет? — грубовато спросил он. Юсуф сидел молча, готовый выслушать то, что собирался сказать Мохаммед Абдалла. После небольшой паузы тот презрительно фыркнул и покачал головой. — Страшные сны! Плачешь в темноте, словно больной малыш! Что же такое ты видел по ночам, страшнее, чем все случившееся с нами? Так-то ты хорошо справлялся — очень хорошо для такого красавчика. Все выдержал, смотрел в оба и делал, что тебе поручали. Еще один поход — и ты закалился бы как металл. Но больше караванов не будет, собаки-европейцы теперь повсюду. Они нас прикончат, но для начала отымеют во все дыры. Отымеют так, что сами себя не узнаем. Станем хуже дерьма, которое они заставят нас есть. Все беды обрушатся на нас, на

людей нашей крови, даже голые дикари станут нас презирать. Вот увидишь.

Юсуф не сводил глаз с Мохаммеда Абдаллы, но услышал, как из глубины магазина вышел Халил.

— Сеид… Он лучший, настоящий купец, хоть этот поход и не задался, — продолжал Мохаммед Абдалла. — Видел бы ты его в прошлый раз, когда мы ходили в Маньему. Он готов был на любой риск, ничего не боялся. Ничего! Никогда не сглупит, потому что видит мир как он есть. Как мерзкое и жестокое место — сам знаешь. Учись у него! Смотри в оба, смотри в оба… и не позволяй им превращать тебя в торговца наподобие того жирного дурака, у которого ты жил. Этот Хамид с жирной задницей и пустым магазином. *Мунгвана*[61], именует он себя, хотя он всего лишь пухлая лепешка, расхаживает, выпятив грудь, как его пухлые голуби. К тому времени, как сеид разделается с ним, он и думать забудет о чести. Как и та баба, там. Вот та. Не позволяй им сделать из тебя такого, как он. — Мохаммед Абдалла поднял трость и указал на прилавок, где уже стоял, наблюдая за ними, Халил. Он оскалился,

---

[61] Примечания: 61
Свободный человек, уважаемый человек (суахили).

словно проверяя, посмеет ли Халил возразить. Не дождавшись больше ни слова от мньяпары, Юсуф поднялся, чтобы уйти.

— Смотри в оба! — ухмыльнулся на прощание мньяпара.

3

Симба Мвене сопровождал дядю Азиза в город: купец посещал заимодавцев и договаривался об уплате долгов. Хотя Симбу и не допускали на деловые разговоры, кое-что из происходящего он понял, утверждал он. Вернувшись из города, Симба Мвене пересказал Халилу и Юсуфу все, что выяснил о состоянии дел. Убытки очень велики, кредиторы согласились отчасти их разделить, но основное бремя все равно ложится на дядю Азиза.

— Однако он слишком умен, чтобы одному лезть в ловушку, индиец тоже потерял много денег, а значит, вынужден будет помочь. Мы отправимся в новое путешествие — на поезде. Туда, где бвана оставил на хранение кое-какой ценный товар. Поедем только бвана и я, — самодовольно сообщил Симба Мвене Юсуфу.

— Какой ценный товар? В магазине Хамида? — заинтересовался юноша.

— Он ничего не знает, — усмехнулся Халил. Симба Мвене уже не казался таким устрашающим с тех пор, как все его подчиненные разошлись, и порой терялся от бойкой болтовни Халила. —

Напускает на себя важность, вот и все. Привык красоваться перед носильщиками и дикарями там, в дальней стране, думает, что сумеет и нас одурачить. Неужели же сеид доверил бы ему что-то ценное?

— Думаю, тебе это место знакомо, Юсуф. Знаешь, какие ценные товары он хранит в магазине Хамида? Если не знаешь, лучше и не спрашивай, — усмехнулся Симба Мвене, словно и не слышал Халила.

— Какой товар? — Юсуф хмурился, изображая полное неведение, чтобы разговорить Симбу Мвене. — Там только мешки с сушеной кукурузой.

— Может, какой-то джинн хранит в подземелье золото и драгоценности для сеида, — вставил Халил. — И теперь наш болтун Симба отправится за сокровищем и спасет сеида. Только у Симбы Мвене есть волшебное кольцо, только ему известно заклинание, которое отопрет тяжелую медную дверь.

Симба Мвене рассмеялся.

— Помните историю, которую нам в пути рассказывал Ниундо? Джинн украл красивую юную принцессу из дворца в самый день ее свадьбы… Помните? Спрятал ее в подземелье в лесу, напол-

нил его золотом, драгоценностями, всякой вкусной едой и роскошью. Раз в десять дней джинн наведывался к принцессе и проводил с ней ночь, а потом отправлялся по своим джинньим делам. Так принцесса и жила в лесу. Однажды дровосек споткнулся о ручку двери-люка над тем подземельем. Он открыл люк, спустился по лестнице и внизу обнаружил принцессу. Тут же он влюбился в нее, а принцесса влюбилась в него и рассказала ему про свое многолетнее заключение. Дровосек увидел, в какой роскоши она живет, она показала ему прекрасную вазу, которую ей следовало потереть, если требовалось неотложно вызвать джинна. Проведя с принцессой четыре дня и четыре ночи, дровосек попытался уговорить ее бежать с ним, но принцесса засмеялась и сказала: невозможно убежать от джинна, который похитил ее из дворца, когда ей было десять лет, и найдет ее, куда бы она ни пошла. Дровосек лишился ума от любви и ревности и в гневе схватил ту вазу и швырнул ее об стену.

В то же мгновение перед ними предстал джинн, обнаженная сабля сверкала в его руке. Дровосек кинулся к лестнице и успел сбежать, но в растерянности бросил сандалии и топор. Теперь джинн знал, что его принцесса тайком принимала у себя

другого, — одним ударом он снес ей голову.

— А дровосек? — поспешно спросил Халил. — Что сталось с дровосеком? Продолжай!

— Джинн легко его отыскал по сандалиям и топору: показывал их жителям соседнего города и говорил, будто ищет друга, его и привели к дому дровосека. И знаешь, что он с ним сделал? Отвел на вершину огромной голой горы и там превратил в обезьяну! — Симба Мвене смаковал каждое слово.

— Почему же дровосек не мог посещать принцессу в те девять дней, когда джинна там не было? Можешь мне это объяснить?

— Потому что такова была его судьба, — уверенно ответил Халил.

— Значит, у дяди Азиза есть потайной погреб в магазине Хамида… — заговорил Юсуф, стремясь вновь вернуться к прежней теме — хранившейся у Хамида контрабанде. По лицу Халила скользнуло удивление:

«Он тебе не дядя». Юсуф пытался выдавить из себя «сеид», но не сумел.

— Так что же это за особо ценный товар?

— Випуса, — шепнул Симба Мвене. Рога носорогов. — Но если проболтаешься, всем нам придется плохо. Правительство мдачи запретило торго-

вать випусой, захапало всю прибыль себе. Вот почему цена взлетела, а наш бвана сидит тихо и ждет момента, чтобы продать свой товар индийцам. Назад домой мы випусу не понесем. Моя работа — провести людей через горы до границы, *джу ква джу*[62], свести их с неким индийцем под Момбасой. У нашего бваны много других дел, так что это он доверит мне.

Свою речь Симба Мвене произнес с большой важностью, как обладатель великого секрета, по очереди оглядывая собеседников: какое впечатление производят его слова. Халил изобразил почтительное изумление, и Юсуф догадался, что он попросту издевается над Симбой Мвене.

— Сеид умеет выбрать для такого дела храбреца, настоящего льва, — произнес Халил.

— Дорога опасная, — улыбнулся Симба Мвене, приняв насмешку за чистую монету. — Особенно вдоль границы. Тем более сейчас, когда поговаривают о войне между англичанами и немцами.

— Почему випуса так дорого стоит? — поинтересовался Юсуф. — Зачем она нужна?

Симба Мвене призадумался на миг, но так и не нашелся с ответом.

---

[62] Примечания: 62
На самый верх (суахили).

— Понятия не имею, — признал он. — Наверное, это лекарство. Кто знает, что творится в большом мире? Мне известно лишь, что индиец покупает этот товар, и плевать, куда он его себе засунет. Съесть не съест, а значит, это, наверное, лекарственное средство.

После того как Симба Мвене ушел, вернулся на склад, где расположился после отбытия Мохаммеда Абдаллы, Халил заметил:

— Теперь сеид обратится ко всем, кто ему должен, потребует вернуть долги. У него всегда имеется что-то про запас. Так он ведет дела. Даже если кажется, что он разорился, он едет туда, едет сюда, и вскоре все налаживается. Может, и к твоему Ба заедет. Они все уладят, и ты больше не будешь рехани. Твой Ба заплатит свои долги, сеид — свои, и ты будешь свободен. Что будешь делать тогда? Вернешься жить на гору, как тот отшельник с Занзибара? Но такое едва ли случится. Твой Ба, наверное, совсем обнищал, как мой марехему Ба, он не сможет выплатить долг ни в этом мире, ни в грядущем. Стало быть, участь отшельника на горе не для тебя… Но сеид и не станет обращаться к твоему отцу, я так думаю. Он тебя любит. Взять хотя бы этого Симбу с его ужимками, его болтовней! Его посылают на опас-

ное дело. Потому что сеиду плевать, если даже с ним и случится беда… а то бы он тебя послал.

— Или тебя, — Юсуф постарался выразить Халилу свою преданность.

Халил улыбнулся и покачал головой — печально, как бы сокрушаясь о наивности собеседника.

— Госпожа, — напомнил он. — Как с ней говорить, не зная арабского? И разве я оставлю магазин на тебя, чтобы ты все тут испортил… Если сеид не сможет выплатить долги, магазин окажется для него единственным источником существования. Для тебя он подберет что-то другое. Он тебя любит.

Юсуфа пробрала дрожь.

— И все-таки он тебе не дядя, — закончил Халил и попытался стукнуть «братца» по затылку, но Юсуф с легкостью парировал удар.

Накануне отбытия вглубь материка дядя Азиз пригласил их к ужину. В назначенный час, сразу после закатной молитвы, Халил повел Симбу Мвене и Юсуфа в сад. Сумрак, торжественная тишина, смягченная негромким шорохом воды. Воздух наполнялся благоуханием, которое пробуждало чувства, словно музыка. В дальнем конце сада на столбах висели фонари, подсвечивавшие террасу, обрисовывавшие в густой тьме

золотой грот. Отблески превращали воду в каналах в тусклый расплавленный металл. На террасе были расстелены ковры, от них поднимались испарения амбры и сандалового дерева.

Как только они сели, во дворе появился купец, одетый в тончайший хлопок, который струился и играл складками на каждом шагу. Куфи его была расшита золотым шелком. Все поднялись и приветствовали хозяина, а тот с улыбкой махнул рукой, приглашая садиться, и сам сел. Перед Юсуфом вновь предстал сеид — тот человек, кто так запросто увез его из дома, от родителей, кто с таким же улыбчивым спокойствием прошел по суровым землям до самых озер. В самую худшую пору, в плену у Чату, он излучал уверенность — мягкую и непобедимую. На обратном пути и особенно после возвращения привычное обращение сменилось тревогой, люди, совершившие вместе с сеидом этот путь, терзали купца требованиями и жалобами. Но вот он снова сеид, собранный, невозмутимый, с едва заметной улыбкой великодушной снисходительности.

Он заговорил о путешествии, но так легко, словно сам в нем не участвовал и припоминал чужой рассказ. Словом и жестом он поощрял Симбу Мвене восполнить подробности и благодарно

кивал, услышав подтверждение. Юсуфу казалось, что Симба Мвене понимает игру сеида, но, судя по его радостному смеху, по тому, как взмывал и становился звучнее голос Симбы, лесть купца действовала неотразимо. Вскоре помощник мньяпары уже болтал неудержимо и без промедления отзывался на просьбу поведать еще об этом и о том, как будто они все вновь собрались вокруг костра в глубине дикой страны.

Дверь во двор слегка приоткрылась, Халил поднялся, словно отозвавшись на условный сигнал. Он скрылся внутри и вернулся с блюдом риса. Сходил еще несколько раз и доставил блюда с рыбой, с мясом, овощами, хлебом и большую корзину фруктов в придачу. С появлением еды разговор остановился, все в почтительном молчании ждали, пока Халил закончит накрывать стол. Юсуф старался не смотреть на еду, но не удавалось отвести взгляд от маслянисто блестевшего, украшенного изюмом и орехами риса. В наступившей тишине Юсуф различил голос, прежде изгонявший его из сада, и у него потеплело на сердце. Наконец Халил вышел с медным кувшином и миской, через локоть было переброшено полотенце. Он по очереди полил воду каждому на руки. Симба Мвене заодно прополоскал рот и

шумно выплюнул воду в сад.

— Бисмилла, — сказал дядя Азиз, и все приступили к еде.

За едой болтовня Симбы Мвене сделалась разнузданнее, он держался с хозяином как с равным. Вину за неудачу путешествия следует возложить на мньяпару, заявил он.

— Если б он не избил того человека в лесу, не настроил Чату против нас, — ожесточенно рассуждал он. — С каждым он обращался словно со слугой, с рабом. Может, раньше так и годилось, но теперь никто не станет мириться с подобным обхождением. Что мог Чату подумать о нас? Он принял нас за похитителей людей, за торговцев людской плотью. Напрасно вы предоставили ему такие права, бвана. Он жестокий человек, неспособный на жалость. Но Чату оказался сильнее его.

Дядя Азиз тихо кивал и не спорил. Симба Мвене гнул свое, голос его усиливался, заглушая слабый шорох деревьев и кустов, сад наполнился криком. Странно, подумал Юсуф, как это он не оглушает самого себя — Симба Мвене безудержно нес чепуху, словно пьяный. Взгляд купца беспощадно сосредоточился на болтуне, и Юсуф понял: дядя прикидывает, как быть с ним и как быть со

спрятанной на складе у Хамида випусой. Наконец дядя Азиз отдал Халилу приказ по-арабски, и Халил понес в дом опустошенную посуду, всякий раз слегка наклоняя тарелку в сторону гостя, испрашивая разрешения ее забрать.

— Видел лицо сеида, когда этот крикун выплюнул воду в саду? И когда он пустился рассуждать, что пошло не так в пути? — шепнул потом Халил Юсуфу, лопаясь от восторга. Они привычно расположились на циновках на террасе перед магазином, сблизили головы.

— Он знает, что не может ему доверять, но выхода нет. У твоего дяди столько проблем! А тут еще Симба Мвене воет, как слепая гиена.

— Он не глуп, — заметил Юсуф. — И порой только он и сохранял присутствие духа, когда все остальные терялись.

— «Присутствие духа», — передразнил Халил. — Что за выражения? Где ты им научился? Вот что выходит, когда путешествуешь и общаешься со знатными особами. Глядишь, к старости и впрямь сделаешься хакимом. Значит, по-твоему, он не глуп. Так почему же он ведет себя как глупец? Может, он что-то задумал? Что-то дурное — и намекает на это сеиду? В свое время сеид и Мохаммед Абдалла завернули бы этого

Симбу в листья шпината и съели бы на завтрак, но Мохаммед Абдалла конченый человек, а у сеида под боком ты, и из-за тебя он чувствует, что поступает дурно. Из-за тебя он чувствует что-то, чего прежде не было, вот как я думаю. Ты все время смотришь на него. В любом случае, пока его вонючие носорожьи рога не окажутся в безопасности, твой дядя не будет спокойно спать по ночам. — Похоже, Халил был доволен тем, как ловко во всем разобрался.

— Что значит я смотрю на него? — сердито нахмурился Юсуф. — Почему бы не смотреть на него? Я и на тебя смотрю.

— Ты смотришь на всех, смотришь на все, — уже мягче ответил Халил. — Мы это знаем. И всем понятно, что твои злосчастные глаза широко открыты и от твоего взгляда ничто не ускользнет. Если я это замечаю, неужели не заметит такой умный человек, как сеид? Ах, братец, он чувствует, как твой взгляд впивается в него. О чем ты только думаешь? «Почему бы не смотреть на него?» Не забывай, я видел, как ты обделался при виде тощих псов, которые пугаются даже мух, — ты что-то разглядел в них! Наверное, волков-оборотней. Слышал, что эта тварь сказала про Мохаммеда Абдаллу? Говорит, дурные времена

миновали! Вот же полоротый! А сколько еды он в свой рот запихивал — видал?

Утром Халил почтительно поцеловал на прощание руку дяди Азиза, а потом, часто кивая, впитывал последние наставления. Затем дядя Азиз подозвал к себе Юсуфа и велел идти рядом. Дал сигнал Симбе Мвене трогаться с места и пошел следом.

— Поговорим, когда я вернусь, — сказал дядя Азиз Юсуфу. — Ты уже вырос, пора найти тебе разумное занятие. Жить ты будешь здесь, со мной. Думаю, это тебе известно. Устраивайся как дома, а когда я вернусь — поговорим.

— Спасибо, — поблагодарил Юсуф, едва справляясь с нараставшей внутри дрожью.

— По-моему, Хамид прав. Наверное, пора подыскать тебе жену, — с широкой улыбкой продолжал дядя Азиз, обшаривая взглядом лицо Юсуфа. Улыбка перешла в короткий самодовольный смешок. — В дороге я буду смотреть во все глаза, вернусь — расскажу, что где услышу о красавицах. Да не гляди на меня так испуганно, — добавил он.

И напоследок протянул Юсуфу руку для поцелуя.

4

При первой же возможности они отправились в город. Халил хотел наведаться во все места, где они бывали раньше. Он ни разу не ходил в город все те годы, пока Юсуфа тут не было, сказал он, но каждую пятницу вспоминал их совместные вылазки. «Куда бы я пошел без тебя? Кого я знаю?» — так рассуждал он. В мечети Юсуф не удержался от соблазна похвастаться знанием Корана, а потом рассказал Халилу всю историю своего изобличения и позора.

— Знание Корана всегда пригодится, — сказал Халил. — Даже если окажешься в глубочайшей пещере, в самом темном лесу. Даже если не понимаешь слов.

Юсуф рассказал ему о Каласинге и его намерении перевести Коран, чтобы суахили увидели, какому жестокому Богу они поклоняются. Халил возмутился, как это Юсуф мог сидеть спокойно и слушать подобное кощунство из уст неверующего. «А что мне следовало сделать? Забить его камнями?» — спросил Юсуф. Они сходили на ту улицу, где некогда видели индийскую свадебную процессию и где певец услаждал слух гостей.

Порой они играли на улицах, словно двое ребятишек, перебрасывали друг другу подгнивший плод, неслись, пробиваясь сквозь толпу. К берегу выходили уже в темноте, но море переливалось серебристым блеском, волны пенились и бежали к их ногам. На обратном пути они зашли в кафе, заказали баранину с бобами, большое количество хлеба и целый чайник сладкого чая только для них двоих. Оба уверяли, что бобы в этом кафе — самые вкусные, какие им доводилось отведать.

К Мзе Хамдани Юсуф подступился не сразу. На вид старый садовник нисколько не одряхлел, но Юсуф замечал, что походка его сделалась осторожнее и что он решительнее прежнего уклоняется от любого общения. Юноша выжидал, пока в жаркий день не увидел, как старик тащит ведра с водой, и тогда подошел помочь. Он застиг садовника врасплох, и тот не воспротивился: пожалуй, после нескольких походов к крану в такую жару он был даже чуточку рад передохнуть. А когда Юсуф улыбнулся ему застенчиво, но торжествующе — уловка-то сработала! — взгляд старого садовника не омрачился. С тех пор Юсуф каждое утро наполнял оба ведра водой и ставил их у внутренней стены. При свете дня он увидел, как сад разросся. Юные апельсиновые деревья

вдоль дальней стены окрепли и раздались, а гранаты и пальмы сделались такими крепкими, налитыми соком, словно собирались жить вечно. Белые цветы покрывали вишню, которая тоже приобрела округлые и соразмерные формы. Но среди травы и клевера Юсуф видел высокие колючки и дикий шпинат клочьями, цветы лаванды пытались привлечь к себе внимание посреди растрепанных лилий и ирисов. Берега пруда там, где в него впадали каналы с водой, покрылись скользким слоем водорослей, сами каналы были забиты илом. Зеркала с деревьев убрали, все до одного.

Юсуф ходил в сад ранним утром, часто еще до того, как появлялся Мзе Хамдани. Он выпалывал сорняки, прореживал лилии и начал расчищать каналы. Старый садовник молча предоставлял ему делать все это и подходил лишь затем, чтобы раздраженно указать на допущенную ошибку. Мзе Хамдани, заметил Юсуф, уделял молитвам намного больше времени, чем прежде, его песнопения сделались скорбными, жалобными, горестные ноты тянулись долго, не взмывали и не падали, как прежде, в торжественном экстазе.

Халил звал Юсуфа, когда ему требовалась помощь или когда приходила Ма Аюза. В остальное

время он снисходительно позволял ему возиться в саду, куда Юсуфа так влекло, и разве что отпускал шутки на его счет, потешая покупателей. Но если Юсуф задерживался в саду далеко за полдень, Халил начинал беспокоиться и выходил окликнуть его.

— Я работаю в поте лица, чтобы наполнить едой твое брюхо, ты, невежественный суахили, а тебе лишь бы целый день резвиться в саду. Ступай подмети двор, потом помоги мне ворочать мешки. Всякий, кто заходит в магазин, спрашивает, где ты. Старики хотят послушать рассказ о вашем путешествии. Наши покупатели хотят поздороваться с тобой. Где же твой маленький братец? — спрашивают они. Маленький братец! Это уже большой олух, и он тешится в саду, говорю я им, воображает, будто он племянник богатого купца, валяется под апельсиновыми деревьями и мечтает о рае.

Но Юсуф подозревал, что это госпожа не хочет, чтобы он оставался в саду под вечер. Возможно, в эту пору дня она сама любила прогуляться в саду и его присутствие там ей мешало.

Однажды под вечер, расчищая один из четырех каналов, впадавших в пруд, Юсуф остановился на миг и тут заметил маленький темный ка-

мешек, проступивший из пологого, только что разрубленного мотыгой бережка. Он без особого интереса наклонился посмотреть и обнаружил не камешек, а крошечный кожаный кошелек. В земле он поистерся и загрубел, кожа потемнела от воды, но вещица сохранилась настолько, что в ней можно было признать хиризи, наручный амулет, в котором, разумеется, скрывались слова молитвы, оберегающие его хозяина. В одном уголке шов разошелся, и сквозь эту щелочку Юсуф разглядел внутри кошелечка маленькую металлическую шкатулку. Он потряс амулет и услышал позвякивание: то, что хранилось внутри, все еще оставалось прочным, не сгнило под землей. Взяв щепку, он соскреб грязь рядом с прорехой и увидел краешек узора на металлической шкатулке. Припомнились истории о волшебных амулетах, о том, как, потерев такую штуковину, удавалось вызвать джиннов из логовищ в верхнем слое воздуха, Юсуф попытался пропихнуть кончик мизинца в прореху, дотянуться до металла. Тут резкий оклик вынудил его поднять глаза: оказалось, что дверь во внутренний двор, через которую Халил входил и выходил в тот вечер, когда они ужинали вместе с дядей Азизом, распахнута. Даже в меркнущем свете можно было

различить фигуру на крыльце. Голос взметнулся вновь, и на этот раз Юсуф понял, что это госпожа. Фигура сдвинулась, на порог упал луч света, а затем дверь захлопнулась.

В тот вечер Халил пошел в дом за ужином и задержался там. Юсуф решил, что госпожа сердито жаловалась на него: он слишком долго возился в саду. Если она не хочет, чтобы он оставался в саду после определенного часа, пусть так и скажет: не хочу видеть его в саду тогда-то и тогда-то. Всего-то и требуется, и он, конечно же, уйдет вовремя. А от тайн и перешептываний он чувствовал себя малым ребенком. Его обижало, что его подозревают в неуважении, будто он намеревался осквернить честь госпожи своим греховным взглядом. И он гадал, какие гневные запреты принесет, вернувшись из дома, Халил. Его изгонят из сада? Какого наказания она потребует для него? Он расковырял пальцем щель в амулете, и проступило серебряное нутро, прохладное на ощупь — нельзя ли прямо сейчас вызвать джинна, чтобы тот унес его отсюда и спас, или приберечь это средство для грядущих катастроф? Почему-то в образе грозного джинна Юсуфу представился Чату, и это его несколько развеселило. На ум пришло воспоминание о саде, в котором прошли дни его плена,

и он вновь ощутил теплое девичье дыхание на своей шее.

Вернулся Халил, явно рассерженный. Поставил тарелки с холодным рисом и шпинатом и молча принялся за еду. Они ели при свете из двери все еще открытого магазина. Потом Халил сполоснул свою тарелку и пошел в магазин подсчитывать дневную выручку, принялся переставлять товар на полках. Юсуф, доев, тоже вымыл посуду и пошел в лавку, чтобы помочь. По-видимому, Халил только и ждал его появления, чтобы закончить работу: он схватил тарелки и понес их обратно в дом. Вид у него был такой озабоченный, растерянный, что Юсуф удержался и не произнес гневные слова, уже вертевшиеся на кончике языка. Да из-за чего весь этот переполох?

Он уже лежал на циновке в темноте, когда Халил вышел на террасу и устроился на обычном месте в двух шагах от него. После долгого молчания Халил тихо произнес:

— Госпожа вне себя.

— Потому что я слишком долго работал в саду? — спросил Юсуф, выражая голосом некоторое недоумение, а тем самым и недовольство, которое вызывала у него эта мысль. В темноте послышался смех Халила.

— Сад! Ты только о саде и думаешь! Ты тоже сходишь с ума! — пробормотал он сквозь смех. — Нашел бы уже другое применение своим силам. Почему ты не бегаешь за женщинами или не подашься в святые? Нет, ты хочешь стать как Мзе Хамдани. Почему ты не бегаешь за женщинами? Это приятное занятие. При твоей красоте мог бы всем миром овладеть. А если не преуспеешь в этом, Ма Аюза готова в любое время…

— Хватит! — резко перебил Юсуф. — Ма Аюза уже старая, к ней подобает относиться с уважением.

— Старая! Кто это тебе сказал? Я с ней спал, она совсем не стара. Говорю тебе, я был с ней! — сказал Халил. В наступившем молчании Юсуф слышал, как Халил негромко вздыхает, а потом он вдруг фыркнул презрительно: — Тебе это мерзко, вот как? А мне вовсе не мерзко и не стыдно. Я ходил к ней, потому что у меня была нужда в женщине, и она платила мне своим телом. У нее тоже есть свои потребности. Может, это звучит жестоко, но выбора у нас обоих не было. А что мне делать? Ждать, пока в меня влюбится принцесса — зайдет в наш магазинчик купить брусок мыла? Или прекрасная джинния похитит меня в ночь свадьбы и будет держать в подвале для своих утех?

Юсуф не отвечал, и после короткой паузы Халил вздохнул:

— Ладно, береги себя для своей принцессы. Но послушай, госпожа хочет тебя видеть, — сказал он.

— Нет! — устало запротестовал Юсуф. — Это уж чересчур. Зачем? Просто скажи ей, я не стану ходить в сад, если она этого не хочет.

— Опять ты про сад! — рассердился Халил. И дважды зевнул, прежде чем продолжить: — Сад тут ни при чем. Не о том ты думаешь.

— Я все равно ее не пойму, — чуть помедлив, ответил Юсуф.

Халил снова засмеялся.

— Ну да. Но она не говорить с тобой хочет — она хочет тебя видеть. Я же говорил, она смотрела на тебя, когда ты работал в саду. Я тебе об этом говорил. А теперь она хочет видеть тебя вблизи. Хочет, чтобы ты предстал перед ней. Завтра.

— Но почему? Зачем? — твердил Юсуф, сбитый с толку и словами Халила, и его тоном. В этих словах звучали тревога и поражение, как будто Халил смирился с некой неизбежной угрозой.

— Объясни же мне! — чуть не вскрикнул Юсуф. — В чем дело? Я давно не ребенок. Что ты мне готовишь?

Халил зевнул и придвинулся ближе, словно собирался тихонько что-то сказать. Но опять зевнул — еще и еще раз — и откатился в сторону.

— Объяснять долго, правда, длинная история, а я очень устал. Завтра, в пятницу. Я тебе все расскажу завтра, когда мы пойдем в город.

5

— Слушай, — велел Халил. Они побывали на пятничной молитве, побродили по рынку, не обменявшись ни словом, и уселись на парапете близ набережной. — Ты был очень терпелив. Не знаю, известно ли тебе хоть что-то, много ли тебе рассказывали и многое ли ты понял, так что я расскажу все с самого начала. Ты уже не ребенок, и неправильно скрывать от тебя такие вещи. Но мы так устроены — храним тайны. Лет двенадцать назад сеид женился на госпоже. Он был мелким торговцем, ездил на Занзибар, привозил оттуда ткани и инструменты, табак и вяленую рыбу, а туда возил скот и бревна. Она тогда только что овдовела, унаследовала богатство. Ее мужу принадлежали несколько дау, которые плавали вдоль всего побережья, доставляли всевозможные грузы. Зерно и рис из Пембы, рабов с юга, пряности и кунжут с Занзибара. Хотя она уже не была молода, ее приданое привлекало знатных и честолюбивых мужчин. На протяжении года она отвергала всех женихов, и о ней пошли слухи. Знаешь, как это бывает, когда женщина отказывается выйти замуж. Некоторые люди стали

говорить, что она больна или обезумела от горя. А другие — что она бесплодна и даже что она предпочитает мужчинам женщин. Те женщины, которые передавали госпоже предложения о браке и приносили ее ответ семьям заинтересованных мужчин, говорили, что такой уродине задаваться не след.

А потом до нее дошли слухи — из среды деловых людей — о сеиде, который был на много лет ее моложе. В ту пору о сеиде все отзывались хорошо, так что вместо всех женихов со связями она предпочла его. Были деликатно переданы слова ободрения, из рук в руки перешли кое-какие дары, и через несколько недель они стали супругами. Не знаю, какое соглашение они заключили, во всяком случае, сеид взялся вести ее дела и добился процветания. От морской торговли он отказался, продал все корабли — и стал тем сеидом, какого мы с тобой знаем, купцом, путешествующим далеко вглубь страны.

Мой Ба владел небольшим магазином в деревне на побережье Мрима, к югу от Багамойо. Это я тебе уже рассказывал. И еще была моя Ма и два старших брата и сестра. Жизнь небогатая, братья часто нанимались работать на кораблях. Не помню прежних посещений сеида, возможно, я был

тогда слишком мал, но однажды я увидел его. Мой отец разговаривал с ним так, как ни с кем другим. Мне ничего не объясняли, я был всего лишь мальчонкой, но я слышал, как родители говорили о сеиде после его отъезда. Ма говорила, он сын дьявола, а теперь им завладела дочь иблиса, или африта, или кого похуже. Он пес и сын пса… он колдует и так далее. Такие вот безумные речи. Когда сеид появился снова, несколько месяцев спустя, он провел у нас два дня. Привез мне подарок, кружевную куфи, расшитую узором из жасминовых кустов и полумесяцев. Я ее до сих пор храню. К тому времени я уже догадался, подслушав столько разговоров, что мой Ба должен сеиду деньги — взял взаймы для моего старшего брата, чтобы купить долю в деле, которое пошло прахом. Брат с друзьями купил рыбацкую лодку в Микокони, а лодка наскочила на риф. Наш магазинчик был слишком ничтожен, мы никогда не смогли бы вернуть эти деньги. Через два дня сеид уехал. Я видел, как мой отец несколько раз поцеловал ему руку при прощании, а потом сеид подошел ко мне и дал монету. Думаю, отец выражал благодарность за то, что сеид предоставил ему отсрочку, но тогда я этого не понимал. Мне так ничего и не сказали, но нельзя было не за-

метить, каким несчастным и злым сделался мой Ба. Он орал на нас всех и часами не поднимался с коврика для молитвы. Однажды он побил самого старшего из моих братьев поленом, и никто не мог его остановить — он кричал, с мукой и слезами, когда мать и другой брат пытались к нему подойти. Он бил своего сына и плакал от стыда.

А потом однажды явился этот дьявол Мохаммед Абдалла, забрал меня и мою сестру и доставил нас сюда. Мы должны были служить залогом, рехани, пока наш Ба не выплатит долг. Он умер вскоре после этого, мой бедный Ба, а Ма и братья вернулись в Аравию и оставили нас здесь. Просто поднялись и уехали, оставили нас здесь.

Халил умолк и уставился на море, а Юсуф почувствовал, как щиплет глаза соленый ветер, поднимающийся над водой. Потом Халил несколько раз кивнул сам себе и продолжил:

— Уже девять лет я живу у сеида. Когда нас сюда привезли, в магазине был другой парень, примерно тех же лет, что я сейчас, он научил меня этой работе. Его звали Мохаммед. По вечерам он закрывал магазин, курил гашиш и отправлялся на поиски женщин. Моя сестра стала служанкой госпожи. Ей было семь лет, и госпожа внушала ей страх. — Внезапно Халил рассмеялся, хлопнул

себя по бедру. — Машалла, она все время плакала, и меня звали поговорить с ней, успокоить. Я спал во дворе при доме, а если шел дождь, прятался в кладовке с едой. Когда магазин закрывался и Мохаммед отправлялся по своим грязным делишкам, я заходил туда и ложился спать. Госпожа уже тогда была безумна. У нее болезнь — большая метка на лице, во всю левую щеку до шеи. Она закрывает лицо, когда я рядом, но сама мне сказала. Моя сестра… она говорит, госпожа часто смотрит на себя в зеркало и плачет. Когда я лежал во дворе, она приходила и смотрела на меня, а я притворялся, будто сплю. Она ходила вокруг, бормоча молитвы, прося Бога облегчить ее боль. При сеиде она смолкала и обращала свою боль против Амины и меня. Винила нас во всем, ругала грязными словами. А когда сеид уезжал, она снова сходила с ума и блуждала в темноте.

А потом появился ты. — Халил ухватил Юсуфа за подбородок, повернул его голову из стороны в сторону, усмехаясь ему.

— Что произошло с Мохаммедом? — спросил Юсуф.

— Он ушел однажды, когда сеид замахнулся на него, оттого что цифры не сошлись. Попросту поднялся и ушел. Не знаю, связан ли он… Он ни-

когда не говорил со мной ни о чем, кроме дел в магазине. Сеид уехал на несколько дней и привез тебя, несчастного мальчишку-суахили из диких мест, чей Ба оказался таким же дураком, как мой. Наверное, он хотел, чтобы я подготовил замену для работы в магазине к тому времени, когда сам перестану служить ему. Вот так ты попал сюда и стал моим младшим братцем, — подытожил Халил и снова потянулся к подбородку Юсуфа, но Юсуф оттолкнул его руку.

— Продолжай! — потребовал он.

— Госпожа прячется от людей. Она никуда не выходит. Ее посещают лишь немногие родственницы или такие люди, которых она не может не принять. Она велела мне развесить зеркала на деревьях, чтобы любоваться садом, не выходя за дверь. Так она увидела тебя. Каждый раз, когда ты приходил трудиться в сад, она смотрела на тебя в зеркало. И от этого сделалась еще более сумасшедшей. Сказала, что ей тебя послал Бог. Послал излечить ее.

Юсуф призадумался, его охватил благоговейный ужас и разбирал отчаянный смех.

— Как это? — спросил он наконец.

— Сначала она говорила, она исцелится, если ты помолишься над ней. Потом потребовала,

чтобы ты на нее плюнул. Слюна благословенного Богом обладает большой силой, сказала она. Мол, однажды она видела, как ты обхватил ладонью розу, и тогда уверилась, что твое прикосновение ее вылечит. Она сказала, если ты прикоснешься к ее лицу так, как к той розе, ее болезнь отступит. Я пытался остановить тебя, но ты был одержим этим садом, ты все время туда ходил. Когда сеид вернулся, она уже не могла скрывать свое безумие, она все ему рассказала. Одно прикосновение руки этого прекрасного мальчика исцелит рану в моем сердце. Тогда-то сеид и увез тебя прочь, оставил в горах. Ты ни о чем не подозревал? Амина рассказывала мне, что госпожа пряталась под стеной, когда ты работал в саду, и взывала к тебе, умоляла сжалиться над ней. Разве ты не слышал, что она говорила?

Юсуф покачал головой:

— Я слышал только голос. Думал, она ворчит на меня, велит уйти. Иногда она пела.

— Она не поет, — ответил Халил, а потом нахмурился. — То есть я вроде бы никогда не слышал, чтобы она пела.

— Наверное, мне пригрезилось. Порой ночью мне кажется, будто в саду звучит музыка, а ведь такого не может быть. Один из путешественни-

ков, останавливавшихся у Хамида, рассказывал про сад в Герате, столь прекрасный, что всем, кто туда приходил, слышалась музыка, сводящая с ума. Так описал это поэт. Наверное, поэтому и мне стало такое мерещиться.

— Да, горный воздух свел тебя с ума, — пробурчал в досаде Халил. — Мало того, что шумишь во сне, так еще и музыку слышишь. Повезло мне — присматривать за двумя безумцами. Сеид не очень-то хотел оставлять тебя тут с ней, но и с собой решил не брать. Наверное, он собирается к твоему Ба и ему ни к чему бурные сцены при встрече. Или же не хочет, чтобы ты увидел, какой он на самом деле бандит. Пока еще рано. А меж тем тебя, везучий ты черт, возжелала госпожа. Она не может подглядывать за тобой — сеид велел мне убрать все зеркала, — но она тебя слышит.

— Вчера она стояла у двери и смотрела, — сказал Юсуф.

Халил нахмурился:

— Вряд ли. Она ничего об этом не говорила. Но когда мы ужинали с сеидом, тогда она тебя видела. И теперь ее безумие обрело новую форму и сделалось очень опасным. Опасным для тебя. Послушай, она говорит, теперь ты мужчина и, чтобы исцелить ее рану, ты должен взять в руки

ее сердце. Сердце ее — целиком. Понимаешь? Не смею произнести, что у нее на уме, но ты, надеюсь, понимаешь, в каком направлении она мыслит. Понимаешь ведь? Или ты слишком юн и мысли твои чисты?

Юсуф кивнул. Халил не вполне удовлетворился этим ответом, но после небольшой паузы тоже кивнул.

— Она хотела тебя видеть. Требовала, и молила, и неистовствовала — пусть тебя приведут. Если я не приведу тебя, она, мол, сама выйдет и сама тебя найдет. Надо сделать все, что в наших силах, чтобы она оставалась спокойна, пока не вернется сеид. Он-то решит, как с ней быть. Я обещал, что сегодня приведу тебя. Держись от нее как можно дальше. Не прикасайся к ней, что бы она ни делала, что бы ни говорила. Держись поближе ко мне, а если она подойдет, стань так, чтобы я оказался между вами. Не знаю, как распорядится сеид, когда вернется, но знаю, что тебе жизнь станет не мила, если он обнаружит, что ты трогал госпожу или еще как-то ее обесчестил. У него не останется выбора.

— Почему же нельзя просто отказаться идти… — начал Юсуф.

— Потому что неизвестно, что она тогда натво-

рит, — в голосе Халила послышалась мольба. — Она может сделать что-то похуже прежнего. Там с ней моя сестра. И я тоже буду все время рядом.

— Почему ты раньше ничего не рассказывал мне?

— Тебе лучше было не знать, — пояснил Халил. — Чтоб было очевидно: ты ни в чем дурном не замешан, невинен.

Немного подумав, Юсуф сказал:

— Это твоя сестра смотрела вчера в дверную щель. Я так и подумал: что-то не сходится. Голос вроде бы доносился не из привычного места. Когда ты заговорил о сестре, я представил себе юную девушку, и теперь я понял, что ее-то я и видел.

— Она — замужняя женщина, — отрезал Халил.

Сердце Юсуфа отяжелело.

— Дядя Азиз? — уточнил он, не желая верить.

Халил усмехнулся.

— Так и не перестал звать его дядей, а? Да, твой дядя Азиз женился на ней в прошлом году, так что теперь он еще и мой брат, и твой дядя, мы тут счастливое семейство в райском саду. Она пошла в уплату за долги моего Ба. Он взял ее себе и простил долг.

— И теперь ты свободен и можешь уйти? —

спросил Юсуф.

— Куда я уйду? Некуда мне идти, — хладнокровно возразил Халил. — И моя сестра все еще здесь.

6

Он думал, его поджидает растрепанная, что-то бормочущая женщина, которая обрушится на него с неистовыми требованиями. Госпожа приняла их в просторной комнате с окнами на иной сад, окруженный со всех сторон домом. Пол здесь был покрыт толстыми коврами, вдоль стены располагались большие расшитые узорами подушки. На побеленных стенах висели в рамках изречения из Корана и гравюра с изображением Каабы. Госпожа сидела, выпрямившись, у длинной стены напротив двери. Рядом с ней на лакированном подносе стояла курильница с благовониями и текла из фонтанчика розовая вода. Воздух пропитался ароматическими смолами. Халил приветствовал госпожу и сел в нескольких шагах от нее. Юсуф опустился рядом с ним. Лицо госпожи было окутано черной шалью, но Юсуф заметил, что глаза ее в упор сверкают на него и кожа вокруг них — тусклая медь. Халил заговорил первым; чуть помедлив, она ответила. В помещении ее голос звучал полнее, появились интонации, выражавшие уверенность и даже властность. Заканчивая свою речь, она слегка

поправила шаль, и юноша увидел, что черты ее лица остры и тонки, они придавали госпоже вид настороженный и решительный, чего он не ожидал. Когда Халил снова заговорил, она его мягко перебила и оглянулась на Юсуфа, а тот отвернулся, боясь встретиться с ней взглядом.

— Она спрашивает, здоров ли ты, и приветствует с возвращением, — перевел Халил, полуобернувшись к нему.

Госпожа снова заговорила.

— Она, мол, надеется, что твои родители благополучны и что Бог сохранит их в благополучии, — продолжал Халил, — и что ты передашь им от нее добрые слова, когда увидишься с ними, и что Бог сохранит их и впредь. И все твои замыслы будут благословенны, и все желания сбудутся, и так далее и так далее. И пусть Бог дарует тебе много детей, говорит она.

Юсуф кивнул и на этот раз не успел разминуться взглядами с госпожой. Та пристально следила за ним, словно оценивая, и он заметил, как блеснули ее глаза, когда он не потупил свои. Как только госпожа заговорила вновь, Юсуф поспешно опустил голову. Ее голос то усиливался, то стихал: она пыталась очаровать слушателей.

— Приступаем к делу, братец, — вздохнул Ха-

лил. — Она говорит, она видела, как ты трудишься в саду, и поняла, что ты обладаешь… благословением, даром Бога. Все, до чего ты дотронешься, расцветает. Она говорит, Бог дал тебе обличье ангела и послал тебя в наши места совершать благие дела. Это не кощунство, утверждает она. Хуже было бы, если бы ты отказался исполнять тот труд, на который послан сюда. Примерно так, но она говорит еще многое, что я не стану тебе передавать.

Юсуф не поднимал головы, но слышал, как она заговорила вновь. Теперь в ее голосе звучала мольба, госпожа несколько раз упомянула имя Бога… Постепенно госпожа овладела собой и закончила с тем же богатым переливами спокойствием, с каким их приветствовала.

— Она рассказывает тебе о том, как много лет страдает от жестокого недуга. Повторяет это снова и снова, но также говорит, что не желает жаловаться. Это она тоже повторяет несколько раз. Она страдает от недуга, но не желает жаловаться и так далее. Всевозможные лекарства и молитвы не исцелили этот недуг, потому что люди, к которым она обращалась, не были благословенны. Теперь она спрашивает, исцелишь ли ты ее. За это она вознаградит тебя в этом мире

и будет молиться, чтобы ты получил лучшую награду в мире грядущем. Не говори ни слова!

Внезапно госпожа откинула шаль. Волосы были убраны с ее лица — красивого, с резкими чертами. Левую щеку искажало пурпурное пятно, придававшее лицу вид перекошенный и яростный. Госпожа спокойно взглянула на Юсуфа: мелькнет ли в его глазах ужас. Но он не почувствовал ужаса, ему было невыразимо грустно при мысли, что госпожа столь многого ждет от него. Миг — и она закрыла лицо, тихо пробормотала несколько слов.

— Она говорит, это ее… — Халил умолк, подбирая слово, нетерпеливо фыркая, сердясь на собственную растерянность.

— Напасть, — произнес другой голос позади. Краем глаза Юсуф заметил фигуру, пристроившуюся у него за спиной. Это присутствие он ощущал и раньше, но не смотрел в ту сторону. Теперь, обернувшись, он увидел молодую женщину в длинном коричневом платье, расшитом серебряной нитью. Она тоже накрыла голову шалью, но сдвинула ее так, что можно было разглядеть и лицо, и волосы спереди. Амина, подумал он, и невольно улыбнулся. Отворачиваясь, он успел удивиться ее несходству с Халилом — лицо более

круглое, кожа смуглее. При свете расставленных в комнате ламп кожа ее словно светилась. Улыбка все еще дрожала у него на губах, когда он вновь повернулся к госпоже, но сам он этого не сознавал. Госпожа совсем спрятала голову в шаль, теперь он видел лишь абрис ее лица да сверкающий пристальный взгляд. Халил заговорил с ней, потом перевел Юсуфу:

— Я сказал ей, ты ее выслушал, ты видел то, что она хотела тебе показать. И что ты сожалеешь о боли, которую она претерпевает. Что тебе ничего не известно о недугах и ты никоим образом не сумеешь ей помочь. Хочешь еще что-то добавить? Говори решительно, резко.

Юсуф покачал головой.

Когда Халил смолк, возбужденно заговорила госпожа. Несколько минут она обменивалась с Халилом сердитыми репликами, которые тот не удосужился перевести.

— Она говорит, ее излечат не твои знания, а твой дар. Она хочет, чтобы ты прочел молитву и чтобы… чтобы прикоснулся к ней там. Не делай этого! Что бы она ни говорила, не делай этого. Прочти молитву, если знаешь подходящую, но не подходи к ней. Она говорит, она хочет, чтобы ты прикоснулся к ее сердцу и исцелил рану в нем. Ты

просто прочти молитву, и мы уйдем после этого. Если не знаешь молитв, притворись.

Юсуф на миг склонил голову и забормотал то немногое, что запомнил из молитв, которым обучал его имам в мечети. Чувствовал он себя довольно глупо. Когда он произнес «аминь», Халил громко повторил, а за ним и госпожа и Амина. Халил поднялся и потянул за собой Юсуфа. На прощание госпожа велела Амине попрыскать им на руки розовой водой и окурить благовониями. Юсуф забыл опустить глаза, когда Амина приблизилась, и прежде, чем все-таки отвел взгляд, увидел ответное любопытство в ее глазах.

7

— Не говори никому, — предупредил Халил. На следующий день их снова позвали в дом, но Халил пошел туда один. Нет, мы этого делать не будем, сказал он. И там, в доме, спор продолжался по меньшей мере час. Халил вышел мрачный, он потерпел поражение.

— Я обещал, что ты придешь завтра и прочтешь молитву. Сеид меня убьет.

— Ничего страшного. Я быстро помолюсь, и мы уйдем, — сказал Юсуф. — Нельзя же оставить бедную женщину без помощи, если средство в наших руках. Завтра я вложу большую силу в молитву. Это одна из самых могущественных, каким меня учил имам.

— Не дури! — рассердился Халил. — Что за шутки? Будь осторожен, не то тебе задницу раздерут, ею и будешь смеяться.

— Да что с тобой? Госпожа хочет молитву — мы помолимся, — жизнерадостно ответил Юсуф. — Неужто отказывать ей в дарах, которые послал Господь?

— Мне не нравится, как ты дурачишься на этот счет, — сказал Халил. — Это серьезно или может

сделаться серьезно. Особенно для тебя. То, что у нее на уме, пугает меня.

— А что у нее на уме? — спросил Юсуф, все еще улыбаясь, но встревоженный тревогой Халила.

— Кто может в точности знать, что там в уме безумца, но я предполагаю худшее. Ее словно и не беспокоит, что она творит, она не боится. И эта неумеренная хвала… *ангел Божий.* Это же безумие. Ты не ангел. И дара никакого у тебя нет. Если тебя все это не пугает, то очень напрасно.

На следующий день госпожа приветствовала их улыбкой. Было уже далеко за полдень, над внутренним двором дрожало знойное марево. В комнату, где она принимала их, солнце просачивалось сквозь тонкие задернутые занавески, в кадильнице плавились и дымили крошечные кусочки уда. Госпожа казалась не столь взволнованной, как в их первое посещение, она слегка откинулась на подушки, но ее глаза все так же бдительно полыхали. Амина сидела на прежнем месте, и она тоже улыбнулась, когда Юсуф посмотрел в ее сторону. Юсуф склонил голову, закрыл глаза руками, приступая к молитве, и почувствовал, как глубокая тишина окутала комнату. Из сада доносилась приглушенная птичья трель, и едва слышно бормотала текущая вода.

Скрывая улыбку, он растягивал молчание так долго, как мог, а потом забормотал вслух, как бы приближаясь к завершению. «Аминь» разнесся эхом, и, когда Юсуф глянул на госпожу — та заговорила вскоре после окончания молитвы, — он увидел, что ее глаза лучатся удовольствием.

— Она говорит, что почувствовала облегчение после первой же твоей молитвы, — хмуро сообщил Халил. Госпожа говорила заметно дольше, перевод Халила оказался настолько краток, что госпожа вопросительно обернулась к Амине.

— Она хочет, чтобы ты снова пришел помолиться, — нехотя продолжал Халил. — И ел в доме. Чтобы мы оба ели в доме. Она говорит, мы едим во дворе, точно собаки или бездомные бродяги. Она хочет, чтобы ты каждый день ел здесь. По-моему, это приведет к неприятностям. Скажи, что ты этого делать не можешь… иначе… скажи, иначе твой дар пропадет.

— Сам и скажи, — посоветовал Юсуф.

— Я сказал, но она хочет, чтобы ты говорил сам, а я переводил. Скажи что угодно, главное — покачай головой несколько раз, как будто отказываешься. Один-два раза решительно покачай головой, вот так.

— Скажи ей, что я чувствую себя неловко и

странно от этого разговора и не смогу есть в ее доме, — велел Юсуф, и ему показалось, что Амина за его спиной улыбнулась. Или же он надеялся, что она улыбнулась. Халил смерил его сердитым взглядом.

Они вернулись на следующий день и еще через день. Прежде, работая в магазине, они почти не заговаривали о госпоже, но теперь, когда Юсуф начал молиться о ее ране, Халил ни о чем другом и говорить не мог. Юсуф то подначивал его, то пытался унять тревогу своего товарища, но не было конца ни беспокойству Халила, ни его болтовне. Он попрекал Юсуфа тем, что тот поддался на лесть безумицы и не сознает грозящую ему опасность. «Сеид скажет, что это моя оплошность. Он во всем обвинит меня. Неужто ты не понимаешь, как может обойтись с нами сеид?»

Лишь через несколько дней Юсуф возобновил работу в саду. Халил просил его не возвращаться туда, но через несколько дней Юсуф просто пожал плечами и пошел в сад, а Халил хмурился ему вслед.

— Зачем ты ходишь туда? — твердил он. — Вырастил бы собственный сад — здесь, снаружи.

Поначалу Юсуфа смущала раскрывшаяся тайна шепотов и его роль в них. Он ежился, представ-

ляя, как госпожа подглядывает за ним, пока он работает, какие у нее возникают фантазии. Мзе Хамдани будто не заметил его отсутствия — или, во всяком случае, не дал этого понять, разве что набожные песни старика звучали жалобнее из тени финиковой пальмы. Однажды днем делать в магазине было нечего, а Халил все тревожился и суетился, так что Юсуф махнул рукой и пошел в сад. Мзе Хамдани приветствовал его без слов и задержался дольше обыкновенного. Юсуф почистил пруд, выполол траву, тихонько напевая одну из песенок, запомнившихся во время путешествия. Он старался не смотреть на дверь дома, не проверять, стоит ли там кто-нибудь, но не удержался и предвидел, что теперь их снова позовут в дом.

— Она говорит, сегодня она слышала, как ты работаешь в саду, — перевел Халил. — Ты должен чаще там работать. Она говорит, приходи в сад в любое время.

Госпожа произнесла довольно длинную речь.

— У тебя дар, повторяет она снова и снова. Вот что она говорит все время. У тебя дар, у тебя дар. — Халил помедлил, как бы подыскивая точные слова. — Если тебе нравится сад, тогда это… это…

— Это и ей в радость, — вставила Амина. Хотя

она очень редко открывала рот, лишь когда Халил не мог подобрать слово, Юсуф всегда чувствовал ее присутствие за своим правым плечом.

— И ей нравится, когда ты поешь, — сказал Халил, недоуменно качая головой. — Не могу поверить, что я сижу тут, делаю все это. Не улыбайся. Ты думаешь, это шутка? Она говорит, твой голос так успокоителен для ее сердца, наверное, Бог научил тебя петь и послал нам тебя как ангела исцеления.

При виде замешательства Халила Юсуф усмехнулся. Когда же он оглянулся на госпожу, то увидел, что она тоже усмехается, удовольствие преобразило ее лицо. Внезапно она подала знак, такой простой и очевидный, что Юсуф не имел возможности уклониться. Он встал и подошел к ней. Когда он приблизился, госпожа спустила шаль с плеч, и он увидел яркую голубую блузу с квадратным вырезом вокруг шеи, ворот был вышит крошечными серебряными шапочками. Госпожа дотронулась до метки на своей щеке, ткнула в нее, призывая Юсуфа приложить сюда руку. Ее усмешка превратилась в нежную улыбку, и Юсуф почувствовал, как его охватило безрассудство. Он почувствовал, как тяжелеет рука, уже совершая востребованное движение. Он слышал,

как Халил тихо шепчет: нет, нет. Госпожа неспешно окутала свое лицо шалью и пробормотала *альхамдулиллах*. Юсуф попятился и услышал, как за его спиной тихо вздыхает Халил.

— Не подходи к ней больше, — сказал ему потом Халил. — Как ты не боишься? Неужели не понимаешь, что может произойти? И держись подальше от сада. И петь перестань.

Но он не послушался и не держался подальше от сада. Халил наблюдал за ним с возрастающим подозрением и яростно требовал, чтобы он никуда не ходил. А Юсуф проводил в саду больше времени, чем прежде, и глаза его и уши настороженно ловили каждый звук, каждое движение в доме. Мзе Хамдани оставлял добровольному помощнику все больше работы и все больше времени проводил в тени, распевая свои радостные касыды во славу Бога. Порой Юсуф слышал, как поет Амина, и его тело отзывалось страстным возбуждением, которое он не призывал — но и не противился ему. А порой на порог сквозь приоткрытую дверь падала тень, и тогда юноше казалось, что он постигает радость тайной любви. С наступлением вечера он жадно ждал приглашения в дом, несмотря на возраставшее недовольство и беспокойство Халила. Наступил

день, когда терпение Халила иссякло и он попросту отверг приглашение, когда оно прозвучало под вечер.

— Пусть как хочет. Мы не пойдем. Давно уже достаточно! — кричал он. — Если кто-то узнает, что тут происходит, над нами посмеются, если не хуже. Нас примут за сумасшедших. Таких же сумасшедших, как эта безумная тыква там, в доме. Подумай, какой позор мы навлечем на сеида!

— Тогда я пойду без тебя, — сказал Юсуф.

— Зачем? Ты не понимаешь, что все это значит? — спросил Халил. Он уже вопил во весь голос, вскочив на ноги. Похоже, готов был побить Юсуфа, вколотить в него здравый смысл. — Она будет делать дурное, а потом свалит на тебя. Напрасно ты принимаешь это за шутку. Ты прошел через пустыню, ты выжил среди волков-оборотней. А теперь хочешь покрыть себя вечным позором?

— Нет никакого позора, — спокойно возразил Юсуф. — Она не может причинить мне вреда.

Халил уронил голову на левую руку, и несколько минут они сидели в молчании. Потом Халил поднял голову и как-то странно посмотрел на Юсуфа. Взгляд его наполнился страхом — наконец-то Халил все понял. Глаза его загорелись

гневом и болью, уголки губ вздрагивали. Не говоря больше ни слова, он уселся на циновку, уставился прямо перед собой. Но когда Юсуф поднялся, чтобы пойти в дом, Халил обернулся к нему.

— Сядь, младший братец. Не уходи, — ласково заговорил он в тот самый момент, когда Юсуф соступил с террасы, направляясь в сторону сада. — Сядь тут рядом, давай поговорим обо всем этом. Не навлекай на себя позор. Не знаю, что тебе думается, но кончится это плохо. Это же не волшебная сказка. И ты многого здесь еще не понимаешь.

— Ну так объясни мне, — ответил Юсуф тихо, но не собираясь уступать.

Халил безнадежно покачал головой.

— Некоторые вещи невозможно вот так объяснить. Сядь, и мы попробуем поговорить. Если пойдешь туда, навлечешь позор и на себя, и на всех нас.

Юсуф развернулся и пошел в сад, не сказав ни слова, будто и не слыша отчаянных воплей Халила, умолявшего вернуться.

8

— Ее зовут Зулейха. Она хочет быть уверена, что ты знаешь ее имя, — сказала Амина. Девушка сидела справа от него, чуть впереди, от госпожи подальше. Притворяясь, будто слушает перевод, он изучал ее лицо. Ее лицо оказалось круглее даже, чем запомнилось его торопливым взглядам, а в ее глазах он увидел беззаботную насмешку: похоже, девушку все это забавляло. Он кивнул и поймал ее улыбку, но, почувствовав на себе пристальный взгляд госпожи, удержался от ответной улыбки.

— Халил не всегда передает тебе полностью то, что она говорит, — продолжала Амина. — Она это видела. Он говорил что ему вздумается. А может быть, иногда ему не хватало слов, когда она прибегала к сложной речи.

— Ты говоришь лучше, чем он. Я ему скажу. Как так вышло? Чего он не передал мне? — спросил Юсуф.

Оставив его вопросы без внимания, Амина обернулась к госпоже, дожидаясь ее реплики, та что-то проговорила — голосом нежным, как поцелуи, — затем отвернулась от Амины и в упор

взглянула на него.

— Халил не объяснил тебе, что ее сердце ранено и болью, и стыдом. Она говорит, эта боль причиняет ей счастье, даже когда рвет ей жилы. Твои молитвы, значит, пошли ей во благо. Она говорит, они помогли.

Юсуф попытался возразить: не надо придавать этому слишком большое значение! Он поглядел на госпожу и увидел, что глаза ее влажно блестят. Он поспешно склонил голову и забормотал молитву, внезапно ощутив, что попал в западню.

— Она хочет, чтобы по вечерам ты приходил и ел здесь. Или даже спал во внутреннем дворе, если желаешь, — Амина уже не скрывала улыбку. — Халил не позволит тебе спать в доме. Он поднимет шум, помешает ей. Но она хочет, чтобы ты приходил, как только пожелаешь, не дожидался приглашения.

— Поблагодари ее от меня, пожалуйста, — сказал Юсуф.

— Не надо благодарить, — спокойно ответила Амина от лица госпожи. — Твое присутствие приносит ей счастье, поэтому благодарность чувствует она. И хочет, чтобы ты говорил, рассказал ей больше — откуда ты родом, где побывал, — чтобы она могла лучше узнать тебя. А со своей

стороны, если она может сделать что-то, чтобы твоя жизнь здесь была благополучнее, обязательно скажи ей.

— Она сказала все это в столь немногих словах? — удивился Юсуф.

— Она говорила все это и больше этого, чего не передал тебе Халил, — пояснила Амина. — Ее слова напугали его.

— А тебя они не пугают?

Амина усмехнулась, но не ответила. Госпожа что-то спросила, и Амина повернулась к ней, так и не стерев с лица улыбку, и сказала что-то, отчего и госпожа улыбнулась, а Юсуфа, наблюдавшего за ними, охватила невольная дрожь, он почувствовал себя до странности беззащитным. Он поднялся на ноги, собрался уходить. Госпожа поманила его тем жестом, что и раньше, отодвинула шаль, открывая лицо. Он протянул руку и коснулся синевато-багровой метины, казавшейся на ощупь горячей. Он знал, что сделает это, если госпожа снова попросит. Она тихо простонала и возблагодарила Бога. Он услышал, как Амина вздохнула и поднялась на ноги. Она проводила его до выхода в сад, и, поскольку она не захлопнула сразу же дверь, он обернулся и заговорил с девушкой. Сейчас он не видел ее лица, но контуры

ее тела отчетливо проступали в приглушенном свете восходящей луны.

— Вы с Халилом совсем не похожи друг на друга — не как брат и сестра, — сказал он. Их несходство меньше всего волновало его, но хотелось удержать ее, насколько возможно.

Она не ответила, и, поскольку она совсем притихла, он решил, что она и не собирается отвечать. Миг спустя он повернулся и зашагал прочь по сумрачному саду, проверяя, не попытается ли она в свой черед удержать его.

— Иногда я наблюдаю за тобой отсюда, — сказала она.

Он остановился и обернулся, затем медленно двинулся обратно к ней.

— В твоих руках он кажется радостным… этот труд, — сказала она небрежно, изо всех сил стараясь не вкладывать никаких чувств в свои слова. — Я завидую тебе, когда смотрю. Когда я видела, как ты копал каналы для воды, сад показался мне таким приветливым. Я порой гуляю там вечером, когда он в отъезде. Однажды ты нашел амулет…

— Да, — откликнулся он, касаясь сквозь рубаху амулета, подвешенного на веревке у него на груди. — Я убедился, что могу вызвать доброго

джинна, потерев амулет, и он сделает все, что я прикажу.

Она тихо рассмеялась, приглушая голос, а потом снова вздохнула.

— И что он дал тебе, твой добрый джинн? — спросила она.

— Я еще ничего не просил. Пока только обдумываю планы. Нет смысла отрывать джинна от его полной хлопот жизни, чтобы попросить какую-нибудь безделушку, — сказал он. — К тому же на глупую просьбу он может обидеться, и тогда я его больше не дозовусь.

— Когда меня привезли сюда, у меня был амулет, но потом я выбросила его за стену, — сказала она.

— Возможно, он тот самый.

— Нет, не тот. Раз при нем состоит добрый джинн, — сказала она.

— Почему ты его выбросила? — спросил он.

— Мне говорили, он защитит меня от зла, а он не помог. Надеюсь, твой амулет окажется сильнее того, что я выбросила, и он сумеет лучше тебя защитить.

— Ничто не может защитить нас от зла, — сказал он и шагнул ближе к тени, маячившей в дверях. Амина отшатнулась и заперла дверь, ко-

гда ему еще оставалось несколько шагов до нее.

Лавка была заперта, и Халила Юсуф, вернувшись, нигде поблизости не обнаружил. Циновки уже были разложены к ночи, и Юсуф вытянулся на своем ложе, перебирая мысленно вопросы, заготовленные для Халила. Он терпеливо дожидался его возвращения и только рад был, что у него осталось больше времени побыть наедине с собой. Но ожидание затягивалось, и Юсуф начал волноваться за своего товарища. Куда же он подевался? Огромная луна уже прошла четверть небосвода, она висела так близко, так грузно, что на нее страшновато было смотреть. Тучи с темным подбоем проносились рядом с ореолом луны, искажая его, растягивая в причудливые, страдальческие образы. Темные тучи наполнили небо и у него за спиной, помрачив звезды.

Он проснулся внезапно, пробужденный горячими ударами внезапной грозы. Воды сильного ливня растекались вокруг, занесенные на террасу порывами ветра. Луна скрылась, но водяная завеса светилась серым прозрачным сиянием, в котором узловатые тени кустов и деревьев проступали, словно огромные валуны на дне морском.

Сгусток крови

1

— Пусть сама расскажет о себе, — ответил Халил, когда Юсуф задал вопрос об Амине. Он вернулся на рассвете в ту грозовую ночь, усталый, растрепанный, в спутанных волосах обрывки сухой травы, мелкие веточки. Он аккуратно отпер магазин, явно не желая ни устраивать сцену, ни объяснять свое отсутствие. Он не проявлял враждебности, однако держался в стороне от Юсуфа и весь день с легкостью отвергал все его попытки сближения, вернувшись к шутливому дружелюбию первых лет их знакомства, но в приглушенном виде. Когда Юсуф спросил, как ему удалось не промокнуть в такой дождь, Халил словно и не услышал вопроса. Юсуф и так и сяк пытался умиротворить Халила, но в конце концов сдался и предоставил ему лелеять свою обиду.

Вечером Халил принес две тарелки с едой. Напряженная, неискренняя улыбка не могла скрыть его гнев и отчаяние. Почему ты не разговариваешь со мной, спросил Юсуф, но Халил ткнул пальцем в тарелку и принялся есть.

Так в молчании они поели, а потом Юсуф встал

и пошел вернуть тарелки, повидаться с госпожой и Аминой. Он предполагал, что Халил о чем-то поговорил с ними, когда ходил в дом, настаивал, что все кончится плохо, расточал угрозы и запреты. Он думал, что Халил попытается его остановить, может быть, даже силой, но тот и глаз не поднял, когда Юсуф встал и направился в дом.

Госпожа была приветлива и улыбчива, ее пронзительный голос возносился и сникал, наполняя комнату резкими ритмами. Ей хотелось поговорить, она пустилась рассказывать, как въехала в этот дом со своим первым мужем, да смилуется над ним Господь. Ее муж был человеком зрелых лет, примерно пятидесяти, а ей едва исполнилось пятнадцать. Прошло лишь несколько месяцев с тех пор, как болезнь и людская зависть отняли у него жену и младенца-сына. Тот сын единственный из его детей прожил больше нескольких недель. Но и все остальные уже были наречены, и ее супруг помнил каждого по имени. И до конца своей жизни он не мог без слез говорить о первой жене и детях, да смилуется Господь над всеми ними. Госпожа росла в том же городе и знала о постигших ее супруга скорбях — все считали, что перенесенное горе служит ему к чести. Несмотря на такие утраты, он был добр к ней, во всяком

случае до последнего своего года или двух, когда из-за болезни сделался раздражительным и требовательным. Вот как она попала в этот дом и взяла с собой Мзе Хамдани, тогда еще нестарого человека. Он-то и создал этот сад, Мзе Хамдани. Не из ничего, разумеется, — старые деревья уже росли тут, но он расчистил участок, вырыл пруды и резвился там во всякий час дня, как дитя. Его пение сводило супруга госпожи с ума, пришлось ему запретить. Отец подарил ей Мзе Хамдани в качестве приданого. Он состоял при ней с ее детства, он и еще старый раб по имени Шеба, тот умер несколько лет назад, да смилуется над ним Господь. Когда она вышла замуж за сеида, с тех пор прошло более десяти лет, она предложила Мзе Хамдани в подарок свободу. Ибо, хотя к тому времени закон запретил продавать и покупать людей, тот же закон не предписывал освободить тех, кто уже состоял в рабстве, от их обязательств. Однако Мзе Хамдани отказался от предложенного дара и по-прежнему оставался в саду, распевая свои касыды, бедный старик.

— Она спрашивает, знаешь ли ты, почему он зовется Хамдани? — перевела Амина, взгляд ее был тусклым, равнодушным. — Потому что его мать, рабыня, родила его в поздние свои годы и назвала

Хамдани в благодарность за его появление на свет. Когда мать умерла, отец госпожи купил Хамдани у семьи, которой он принадлежал. Это была бедная семья, погрязшая в долгах.

Наступило молчание. Госпожа пристально смотрела на Юсуфа, улыбалась уверенно. Улыбка оставалась на ее лице и когда она заговорила вновь — на этот раз коротко.

— Она просит тебя подойти и сесть ближе, — перевела Амина. Он попытался заглянуть в ее глаза, прочесть в них намек, как себя вести, но девушка притворилась, будто чем-то занята, на него не смотрела. Господа похлопала по ковру возле себя, улыбнулась Юсуфу, словно застенчивому ребенку. Он уселся, и тогда она взяла его руку и приложила к своей ране. Зажмурившись, она издала протяжный звук, похожий на шипение, — стон то ли наслаждения, то ли облегчения. Сидя так близко, Юсуф видел, что кожа на ее лице и шее твердая и влажная. Вскоре она выпустила его руку, он сразу же встал и отошел.

— Она говорит, ты не помолился, — голос Амины звучал тихо, отдаленно. Он пробормотал что-то, как обычно, притворяясь, и поспешил прочь, рука все еще была теплой от соприкосновения с лицом госпожи.

Тогда-то он и попытался расспросить Халила про Амину. Халил посмотрел на него с ненавистью, лицо его передернулось гримасой презрения, того гляди плюнет в названного братца.

— Пусть сама тебе расскажет, — сказал он и вновь принялся перебирать упаковки сахара на прилавке. Весь вечер продержалось враждебное молчание. Юсуф не спешил его прервать, хотя порой ему казалось, что Халил вот-вот сам его нарушит, изольет свою тревогу и свой гнев. И он упрямо и кротко собирался и далее делать то, что делал, хотя и сам пугливо недоумевал, сколь далеко намерен зайти. По крайней мере, он хотел бы выяснить, в чем суть секретов и перешептываний, к тому же он не мог устоять перед радостью видеть и слушать Амину. Откуда у него берутся силы для подобных поступков? Этого он не знал. Но вопреки всему, что говорил Халил, всему, что он сам знал и говорил себе, он не откажется вновь войти внутрь, когда позовут.

На следующий день он разыскал Мзе Хамдани — старик сидел в тени финиковой пальмы с раскрытой книгой касыд в руках. При виде него старик огляделся с досадой, будто подыскивая другое дерево, под сенью которого его никто не побеспокоил бы.

— Не уходите, — попросил Юсуф, и так настойчиво прозвучала его мольба, что старик заколебался. Мгновение Мзе Хамдани сидел неподвижно, потом напряженные мускулы его лица расслабились. Он нетерпеливо кивнул, как всегда, с трудом терпя чужую речь. Мол, давай побыстрее с этим покончим.

— Почему вы отказались от свободы, когда она — когда госпожа предложила ее вам? — спросил Юсуф, хмурясь: старик подался вперед, заранее раздраженный его вопросом.

Садовник долго молчал, глядя в землю. Потом улыбнулся — зубов у него оставалось мало, длинные, пожелтевшие с возрастом.

— В таком состоянии застала меня жизнь, — сказал он.

Юсуф не желал принять вместо ответа слова, которые счел слишком уклончивыми. Он покачал головой, пристально глядя на старика:

— Но вы были ее рабом… Вы остались рабом. Разве вы так хотите прожить жизнь? Почему вы не приняли свободу, когда она предложила ее вам?

Мзе Хамдани вздохнул.

— Неужели ты ничего не понимаешь? — резко спросил он и умолк, словно больше ничего

не собираясь говорить. Но, помолчав, продолжил: — Мне предложили свободу в подарок. Она предложила. А кто сказал, что она располагает моей свободой и может ее дарить? Я-то знаю, о какой свободе ты говоришь. Такая свобода у меня была с момента, как я родился на свет. Если кто-то говорит: «Я твой хозяин, ты принадлежишь мне» — это все равно что шум дождя, все равно что заход солнца под конец дня. Наутро солнце взойдет вновь, хотите вы этого или нет. Точно так же и свобода. Даже если человека запереть, заковать в железо, посмеяться над всеми его маленькими желаниями, свободу у него отнять нельзя. Даже разделавшись с тобой и умертвив тебя, они будут так же далеки от обладания тобой, как были в день твоего рождения. Ты меня понял? Вот труд, который был мне назначен, и каким образом та, внутри, может предложить мне большую свободу, чем это?

Стариковский вздор, подумал Юсуф. Да, конечно, какая-то мудрость в этих словах была, но мудрость терпения и бессилия, заслуживающая, наверное, почтения, но не в тот момент, когда насильники еще сидят у тебя на животе, пуская тебе в лицо вонючие газы. Юноша помолчал, понимая, что расстроил старика — тот в жизни

не произносил при нем столько слов и, должно быть, уже сожалел о сказанном.

— Откуда вы родом? — спросил он, чтобы подольститься к старику и умиротворить его, а еще он надеялся разузнать о его матери. Он хотел рассказать Мзе Хамдани обо всем, что случилось с ним, о том, как сам лишился матери. Но Мзе Хамдани, не отвечая, снова взял в руки книгу касыд и миг спустя жестом велел Юсуфу удалиться.

2

Три дня подряд он ходил в дом по вечерам, вопреки молчаливому негодованию Халила. Все попытки вызвать Халила на разговор провалились. Уже и покупатели обеспокоились: что такое случилось с их говорливым продавцом? В третий вечер, когда Юсуф вошел во тьму на подступах к саду, Халил окликнул его. Юсуф приостановился, а затем пожал плечами и пошел дальше по невидимой тропе к двери сада (теперь ее оставляли открытой для него). Он отвечал на вопросы госпожи о своей матери, о путешествии вглубь страны, о том времени, что провел в городе на горе. Откинувшись к стене, госпожа улыбалась и внимала ему, не сводя с него глаз и в те минуты, когда Амина переводила. Порой шаль сползала с ее плеч, открывая обезображенную шею и даже грудь, но женщина не спешила укрыться. Он смотрел на нее, полулежащую, и внутри твердело ледяное одиночество. Он тоже задавал вопросы, адресовал их Амине, а она давала длинные ответы, как будто дополняя слова госпожи. Ему нравилось слушать.

— Рана появилась у нее в юности. Вскоре после

того, как она вышла за первого мужа, — рассказывала Амина. — Сначала всего лишь метка. Но со временем она въедалась все глубже, пока не добралась до сердца. Боль была так ужасна, что госпожа не могла находиться среди людей, которые смеялись над ее уродством и передразнивали ее мучительные вопли. Но теперь ты исцеляешь ее молитвами и прикосновением, и она уже ощущает, как ей становится лучше.

— Как ты себя чувствовала, когда попала сюда? Как думала о том… о том, что случилось с тобой? — спросил он Амину.

— Я была слишком юной, чтобы думать, — хладнокровно отвечала она. — А поскольку я находилась среди цивилизованных людей, бояться было нечего. Тетя Зулейха славилась добротой и благочестием, этот сад и дом при нем казались раем, тем более такой бедной деревенщине. Люди, приходившие сюда в гости, порой резали себе пальцы от зависти, засмотревшись на красоту этого сада. Спроси кого хочешь в городе, если не веришь моим словам. И каждый год в пору раздачи милостыни тетя Зулейха жертвовала бедным все больше и больше. Никто не уходил из этого дома без подарка. Сеид был благословен во всех своих делах, а госпожа страдала от своего

странного недуга. Таковы пути Господа, о чьей мудрости мы не можем судить.

Он не удержался от улыбки:

— Почему ты отвечаешь так изысканно, ведь я задал простой вопрос? — удивился он.

Внезапно вмешалась госпожа, голос ее звучал напряженно и резко. Затем голос смягчился, но Амина помедлила в нерешительности, прежде чем перевести:

— Она говорит, чтобы я помалкивала и слушала тебя. Ты так красиво говоришь, сказала она, хотя она и не понимает слов, которые ты произносишь. Даже когда ты сидишь тихо, свет отражается в твоих глазах и от твоей кожи. А как красивы твои волосы!

Юсуф изумленно уставился на госпожу. Он увидел, что глаза ее увлажнились и лицо сияет отвагой. Он оглянулся на Амину — та склонила голову.

— Она просит тебя дохнуть ей в лицо и так восстановить ее силы, — сказала девушка.

— Наверное, мне лучше сейчас уйти, — решил Юсуф после долгой пугающей паузы.

— Она говорит, видеть тебя — такое наслаждение, что оно причиняет боль, — продолжала Амина, все еще уставившись в пол, но теперь в ее

голосе отчетливо слышался смех.

Госпожа заговорила сердито, и, хотя Юсуф не понимал ее языка, он догадывался, что она отсылает Амину прочь. Он тоже поднялся, как только Амина вышла из комнаты, но не знал, как проститься. Госпожа гневно выпрямилась, лицо ее исказилось горестной гримасой. Постепенно гнев ее остыл, и тогда она поманила гостя ближе к себе. Прежде чем уйти, он коснулся лиловой горячей раны и почувствовал, как она пульсирует под его ладонью.

Амина ждала его в тени у двери сада. Он остановился перед ней, хотел протянуть к ней руку, но побоялся, что она больше не станет общаться с ним, если он даст себе волю.

— Я должна вернуться к ней, — шепнула Амина. — Жди меня в саду. Жди.

Он ждал в саду, его ум метался от одной вероятности к другой. Легкий ветер дул среди кустов и деревьев, благовонный воздух наполнялся густым, ублаготворенным гулом ночных насекомых. Она побранит за обхождение с госпожой, повторит наставления и запреты Халила. Или же скажет, что знает: он приходит в дом снова и снова, каждый вечер, потому что хочет сидеть рядом с ней, рядом с Аминой, предаваясь своим

наивным мечтам. Время шло, ожидание казалось бесконечным, тревога росла. Его застанут здесь, притаившегося в саду глухой ночью, задумавшего бесчестный разбой. Внезапный приглушенный треск ветки — он испугался, что это Халил выследил его, сейчас устроит скандал. Время от времени он с трудом обуздывал желание уйти. Наконец он услышал звук открывающейся двери и с облегчением поспешил туда.

Амина шикнула на него, когда он подошел.

— Долго не могу, — шепнула она. — Теперь ты знаешь, что она собралась сделать. Мне нельзя передавать тебе ее слова, но ты же видишь, чего она хочет. Она одержима этим… Будь осторожен. И держись подальше от нее.

— Если держаться подальше, я не увижу тебя, — возразил он и после долго молчания продолжал: — А я хочу видеть тебя снова и снова, пусть ты и не отвечаешь на мои вопросы.

— На какие вопросы? — спросила она, и ему почудилась в темноте ее улыбка. — Сейчас не время задавать вопросы. Она услышит.

— Потом, — сказал он, чувствуя, как поет его тело. — Потом, когда она заснет. Ты сможешь выйти в сад.

— Она рассердится. Мы спим в одной комнате.

Она услышит.

— Буду ждать тебя здесь, — сказал Юсуф.

— Нет… не знаю, — сказала Амина, отступая, захлопывая за собой дверь в сад. Через несколько минут девушка вернулась. — Она задремала, а может, притворяется. Что за вопросы?

Меньше всего Юсуфа сейчас интересовали эти вопросы, но он боялся, если он вытянет руку, дотронется до нее, она больше не подпустит его так близко.

— Почему вы с Халилом такие разные? Ты и говоришь совсем не так, как он… словно вы вовсе не брат и сестра. Словно вы говорите на разных языках.

— Мы не родные. Разве он тебе не рассказывал? Почему он тебе не сказал? Его отец увидел, как несколько мужчин запихивают в лодку двух девочек. Они шли по отмели, толкая лодку, девочки плакали. Его отец окликнул этих людей и вбежал в воду. Похитители бросили одну девочку, а с другой убежали. Он забрал меня домой, его семья удочерила меня. Так мы и выросли, будто брат с сестрой, но мы не родные по крови.

— Нет, он ничего не говорил, — тихо откликнулся Юсуф. — А что сталось с той? С другой девочкой?

— С моей сестрой? Не знаю, что с ней. С ней и с моей мамой. А об отце ничего не помню. Совсем ничего. Помню, что нас схватили, когда мы спали, а потом мы несколько дней шли. Еще есть вопросы? — Юсуф ясно расслышал даже в темноте горькую насмешку, и его пробрала дрожь.

— Ты помнишь свой дом? То есть где он был? — спросил он.

— Кажется, помню, что это место называлось Вумба или Фумба. Недалеко от моря вроде бы. Не думаю, чтобы я запомнила даже, как выглядела моя мать. Послушай, мне пора идти.

— Погоди, — сказал он и вытянул руку, чтобы ее остановить. Теперь он держал ее за плечо, и она не пыталась высвободиться.

— Ты замужем за ним? Он твой муж?

— Да, — спокойно ответила она.

— Нет! — голос его был полон боли.

— Да, — повторила она. — Разве ты и этого не знал? Всегда подразумевалось… Она все объяснила мне сразу же, когда меня привезли сюда. Она! Тот амулет, что ты нашел, мне дали его, когда отец Халила меня удочерил. Пришел человек, подготовил бумаги об удочерении и сделал для меня амулет. Сказал, что амулет всегда будет меня защищать, но это не помогло. Правда, мне

оставили жизнь — но я знаю, что у меня есть жизнь, лишь потому, что ощущаю ее пустоту, лишь из-за того, чего я лишена. Он, сеид, он любит повторять, что почти все обитатели Рая бедны и почти все обитатели Ада — женщины. Если существует ад на земле, то вот он здесь.

Он не нашелся с ответом и выпустил ее руку, ошеломленный тем напряженным спокойствием, с каким она говорила о своей горечи. О проигранной жизни. По ее тихим улыбкам и уверенному молчанию он никогда не заподозрил бы, с каким горем ей приходится каждодневно справляться.

— Я часто смотрела, как ты работаешь в саду, — сказала она. — Халил говорил о тебе и о том, как ты попал сюда. Мне нравилось воображать, будто тень, и вода, и земля помогают тебе смягчить скорбь о том, что у тебя отняли. Я завидовала тебе и мечтала, как однажды ты заметишь меня в дверях и заставишь тоже выйти в сад. Воображала, как ты позовешь: иди сюда играть! А потом тебя услали, потому что она стала сходить по тебе с ума. Но хватит об этом… У тебя еще остались вопросы? Мне пора.

— Один вопрос, — сказал он. — Ты уйдешь от него?

Она тихо рассмеялась и коснулась его щеки.

— Я же видела, что ты мечтатель, — сказала она. — Смотрела на тебя в саду и воображала: мечтатель, сновидец. Пора мне вернуться в дом, пока она снова не начала свое. Держись от нее подальше. Ты меня слышишь?

— Подожди! Как же мне увидеть тебя? Если не ходить в дом?

— Нет, — сказала она. — И чего тут видеть? Не знаю.

Она ушла, а от прикосновения ее ладони как будто остался след на щеке. Он дотронулся: в этом месте от кожи исходило тепло.

3

— Почему ты делал из этого секрет и так ужасно злился? Мог бы просто рассказать мне обо всем, — заговорил Юсуф, усаживаясь рядом с Халилом, который уже растянулся на циновке.

— Ну, мог, — нехотя ответил тот.

— Так почему же не рассказал? — настаивал Юсуф.

Халил сел, накинув на плечи простыню, чтобы уберечься от комаров, так и вившихся вокруг.

— Потому что все не так просто. Ничто не просто, и я не мог взять и рассказать тебе, мол, вот еще одна история, — сказал он. — А что до того, почему я «ужасно злился», так потому, что мне было стыдно за тебя.

— Ладно, хорошо, допустим, ты не злился, а тебе было стыдно за меня, и мне очень жаль, но теперь-то можешь рассказать мне про это — которое не так просто?

— Она что-то рассказала? Про себя? — спросил Халил.

— Сказала, что твой отец спас ее от похитителей, а потом удочерил.

— И все? Да уж, немного. — Халил угрюмо

сгорбился. — Не знаю, откуда у старого тощего торговца взялась вдруг отвага. У них ведь и ружья могли быть. А он вбежал в море, расплескивая воду, орал на них, чтобы отпустили детей. Он и плавать-то не умел.

Мы жили в маленьком городке к югу отсюда, жалкое местечко, я тебе рассказывал. В лавку заглядывали рыбаки и мелкие фермеры, они меняли овощи и яйца на горсть гвоздей, отрез материи или фунт сахара. За любой контрабандный товар хватались, лишь бы подвернулся под руку. И вот она, магендо, которую везли продавать куда-то, как отвезли и продали ее сестру. Помню, как она появилась в нашем доме, грязная, заплаканная… до смерти напуганная. Все в городе знали про нее, но никто не явился за ней, так что она осталась у нас. Мой Ба звал ее кифа уронго, — добавил Халил, усмехаясь. — По утрам он звал ее, когда садился завтракать, она приносила ему хлеб и садилась рядом, он скармливал ей кусочек за кусочком. Как птичке. Просяная лепешка и растопленное гхи каждое утро, а она сидела подле него, болтала, широко разевала рот в ожидании следующего кусочка. Она ходила по пятам за моей мамой, пока та делала свою работу, шла со мной, если я отправлялся куда-то. Однажды отец сказал,

мы должны дать ей свое имя, и она станет одной из нас. Мы все сотворены Богом из одного сгустка крови, сказал он. Она лучше умела разговаривать с местными, чем мы, — она из суахили, как и ты, хотя ее речь немного отличалась от твоей.

А потом явился сеид. Вот эта часть истории самая простая. Когда ей исполнилось семь, мой бедный глупый Ба, помилуй его Бог, предложил ее сеиду в уплату части долга. И меня — как рехани до той поры, пока она не достигнет брачного возраста, если только мой Ба не выкупит меня раньше. Но он умер, моя Ма и братья вернулись в Аравию и оставили меня здесь с нашим стыдом. Когда этот дьявол Мохаммед Абдалла пришел за нами, он велел ей раздеться и трогал ее своими грязными руками.

Халил тихо заплакал, слезы бесшумно струились по его лицу.

— После свадьбы сеид сказал, я могу остаться, если хочу, — продолжал Халил, — вот я и остался служить этой бедной девочке, которую мой Ба продал в рабство, помилуй Бог его душу.

— Но ни она, ни ты не обязаны здесь оставаться. Она может уйти, если хочет. Кто ей помешает? — вскричал Юсуф.

— Братец, какой ты стал храбрый! — Халил

засмеялся сквозь слезы. — Можем удрать все вместе и жить на горе. Это ей решать. Если она уйдет против воли сеида, я снова стану рехани или обязан буду выплатить долг. Такое было заключено соглашение, и этого требует честь. Вот почему она не уйдет, а пока она остается здесь, остаюсь и я.

— Как ты можешь рассуждать о чести?!

— О чем же еще мне говорить? — возразил Халил. — Мой бедный Ба, помилуй его Бог, и сеид отобрали у меня все остальное. Разве не они превратили меня в бесполезного труса, которого ты видишь перед собой? Возможно, я от природы склонен к этому или же дело в нашем образе жизни… в нашем обычае. Но она — ей они разбили сердце. За что же нам теперь держаться? Если не хочешь, чтобы я называл это честью, придумай другое имя, какое пожелаешь.

— Мне дела нет до твоей чести, — сердито ответил Юсуф. — Всего лишь пышное слово, за которым ты прячешься. Я заберу ее отсюда.

Халил улегся на свой матрас и потянулся.

— В ту ночь, когда сеид женился на ней, я был счастлив, — сказал он. — Хоть это и не было вовсе похоже на ту индийскую свадьбу, что мы видели много лет назад. Без песен, без драгоцен-

ных украшений… даже гостей не было. Зато я думал, теперь она уже не будет больше похожа на птичку в клетке, напевающую обрывки мелодий. Ты слышал иногда, как она пела по ночам? Брак смоет ее стыд, вот что я думал. Она может уйти, если захочет! А ты — кто мешал тебе уйти давным-давно? Куда же ты отправишься вместе с ней? Сеиду не придется и пальцем пошевельнуть, чтобы наказать тебя. Ты будешь проклят в глазах всех, и поделом. Преступник. Если останешься в городе — сама твоя жизнь будет в опасности. Она тебе что-то сказала? То есть — она дала какой-то зарок?

Юсуф не ответил, но чувствовал, как стихает его гнев и подступает облегчение от того, что его безоглядной решимости брошен вызов. Быть может, он не в силах ничего сделать. И хотя воспоминание об Амине, стоящей в темноте у двери сада, все еще согревало ему руки, он уже ощущал, как это воспоминание понемногу остывает, становится чем-то более благостным, драгоценным сокровищем, которое он спрячет и будет доставать в спокойную минуту.

Как смел он рассуждать о том, чтобы уехать вместе с ней? Она рассмеялась бы ему в лицо, а потом позвала бы кого-то на помощь. А потом

в ее голосе зазвучала горечь: она заговорила о дяде Азизе, сказала, что живет в аду. Ее ладонь коснулась его щеки, да, ее ладонь на его щеке. И она засмеялась, когда он спросил, готова ли она покинуть дядю Азиза…

— Нет, она ничего не сказала. Она считает меня мечтателем, — ответил Юсуф после долгого молчания. Он опасался, что Халил задаст еще много вопросов, но тот лишь вздохнул и улегся спать.

Проснулся Юсуф с ощущением усталости и вины. Всю ночь, задремывая и выныривая из сна, он спорил с самим собой: следует ли оставить все как есть или же поговорить с Аминой откровенно, добиться какого-то решения. Он подумал, что она едва ли отвернется от него с презрением. Ведь она все это время следила за ним. Их жизни шли друг подле друга. И было что-то особенное в его тяге к ней: пока у него еще не появились слова, которыми он мог бы описать ей свое желание, однако он сознавал, что оно не было легкомысленным и возникло не по его произволу. Но все это пустяки по сравнению с тем, что произойдет, если она согласится. И вопреки всему он преисполнился решимости поговорить с ней. Вот что он скажет: если это ад, уходи отсюда. И позволь мне уйти с тобой. Они воспитали нас в робости и

послушании, приучили уважать их, даже когда они дурно обходятся с нами. Уходи и позволь мне уйти с тобой. Мы оба застряли в пустоте, в глуши. Что может быть хуже? Там, куда мы отправимся, не будет огражденного сада с крепкими кипарисами, беспокойными кустами, плодовыми деревьями и невероятно яркими цветами. Не будет горьковатого запаха апельсиновой камеди днем и окутывающего со всех сторон густого аромата жасмина по ночам, не будет аромата зернышек граната или сладкого дыхания трав по краям сада. Не будет музыки воды, журчащей в пруду и каналах, и тихого прибежища под сенью финиковых пальм в жестокую жару середины дня. Не будет музыки для услаждения чувств. Это будет изгнание, но ведь не может оно быть хуже, чем это, здесь и сейчас? И она улыбнется и коснется его щеки, и его кожа запылает под ее ладонью. Ты мечтатель, скажет она и пообещает: они создадут собственный сад, более совершенный, чем этот.

Он не станет печалиться из-за своих родителей, сказал он себе. Не станет. Они отказались от него много лет назад, выкупая свободу для себя, а теперь он отречется от них. Если годы его плена принесли им какое-то облегчение, теперь

этому придет конец, поскольку он начнет строить собственную жизнь. Когда он будет свободно странствовать по стране, возможно, он даже заглянет к ним и поблагодарит за преподанный ему суровый урок, который помог ему выйти в мир.

4

В тот день в магазине собралось много народу, и Халил выполнял свою работу с таким рвением и весельем, что улыбались даже самые мрачные покупатели. К Халилу вернулось бодрое расположение духа, говорили они. Слава Богу. Его болтовня сделалась небывало дерзкой, он почти издевался. Но реплики подавал с таким обезоруживающим дружелюбием, что никто не обижался. Что это на него нашло, спрашивали покупатели. Юсуф улыбался и слегка притрагивался к левому виску. Некоторые покупатели сами предлагали объяснение: юношеский пыл, хоть и не совсем уместный, но вполне благой и даже приятный. Пусть смеется теперь, пока жизнь не принялась за него. А может, причина в дозе гашиша? — предположил кто-то еще. Наверное, он не привык к наркотику и его ум воспламенился. Женщина, зашедшая купить две унции кокосового масла для ухода за волосами, услышав от Халила наполненную аллегориями песнь во славу массажа, поинтересовалась, не насыпал ли кто перцу на член молодому человеку. Старики на террасе наблюдали этот спектакль

и весело пересмеивались. Хотя Халил старался не встречаться с ним глазами, Юсуф подмечал ликующее безумие в его мечущемся взоре и торопливо отступал с дороги.

Днем, когда наплыв покупателей пошел на спад, Халил будто напоказ отволок в угол ящик и пристроился на нем подремать. Никогда прежде он не поступал так, и Юсуф принял этот жест как еще одно проявление доходящего до исступления недовольства. Он видел, как Мзе Хамдани пошатывается под тяжестью ведер, и догадался, что старик подливает воду в пруды. Вода в ведрах плескалась, перехлестнула через край, едва старик сделал первые шаги в сторону сада, залила его стопы, земля под ногами садовника сделалась грязью. Юсуф следил за ним обиженно и ревниво, но не спешил на помощь, а старик, как всегда, был полностью сосредоточен на своем занятии и как будто не замечал юношу. Потом старик ушел, не оглянувшись, шаркая по росчисти размеренным шагом марширующей многоножки. Голос его время от времени взмывал в песнопении, слов не разобрать, казалось, слова он выпевает задом наперед.

Вечером в привычное время Юсуф пошел в дом. В последний раз, твердил он себе. Быстренько

помолится за госпожу, увидит Амину, а потом… попросит ее уйти отсюда вместе с ним, если осмелится. Дверь была распахнута, он вошел, негромко окликая обитателей, возвещая о себе. Комната благоухала курениями, госпожа восседала одна, ожидая его. Он остановился у двери, не решаясь идти дальше. Госпожа с улыбкой поманила его к себе. Он видел, как нарядно она одета, в длинном платье цвета сливок переливались янтарные нити.

Она откинула шаль и подалась вперед, ближе к нему, с настойчивой потребностью. Он сделал два шага вперед и остановился, сердце громко стучало. Надо уходить. Она тихо заговорила с ним. Ее голос преисполнился чувства, улыбка смягчилась. Юсуф не вполне понимал, чего она хочет от него, но невозможно было не распознать это выражение страсти и тоски на ее лице. Она прижала руки к своей груди, потом встала. Когда ее ладонь коснулась его плеча, Юсуф задрожал. Он попятился, она последовала за ним. Он повернулся, чтобы убежать, но она ухватилась за его рубашку сзади, и он почувствовал, как ткань рвется под ее рукой. Убегая, он слышал позади ее жалобные вопли, но не оглянулся, не остановился.

— Что ты натворил? — закричал Халил, когда Юсуф пробегал мимо него по сумеречному саду. Юсуф добежал до террасы и сел. Руки и ноги онемели, собственное тело казалось омерзительным, невыносимый ужас случившегося навалился на него. Он ждал на террасе — казалось, часами, — стыд и гнев сменяли друг друга. Может быть, надо было сразу уйти, думал он, пока все не зашло так далеко, в такую грязь. Но ведь он не сделал ничего дурного. Ему навязали такой образ жизни, всем навязали такой образ жизни — позорный. Чужие интриги, ненависть, мстительность и корысть превратили самые основные добродетели в знаки обмена и торговли. Ему следовало уйти, и нет ничего проще. Уйти куда-то, где он укроется от давящих требований со всех сторон. Но он знал, что в его перемещенном сердце давно сформировался жесткий ком одиночества и, куда бы он ни пошел, одиночество пребудет с ним и сведет к праху, распылит любой малый замысел, который он попытался бы осуществить. Он мог отправиться в тот город на горе, где Хамид будет терзать его ханжескими вопросами, а Каласинга — развлекать своими фантазиями. Или же присоединиться к Хуссейну в горном убежище. Там он мог бы обрести некоторое удовлетворение.

Или уйти к Чату, сделаться придворным шутом ничтожного княжества. Отправиться в Виту, разыскать мать Мохаммеда — курильщика гашиша, ту сладкую землю, которую Мохаммед утратил в своей одержимости. И всюду его спросят об отце и матери, о сестре и брате, что он принес и что надеется унести с собой. На все эти вопросы он сможет дать лишь самые уклончивые ответы. Сеид мог путешествовать по неведомым землям в облаке благоухания, вооруженный лишь мешками с побрякушками и уверенностью в своем превосходстве. Тот белый человек ничего не боялся, сидя в лесу под сенью своего флага и в окружении солдат. Но Юсуф не обладал ни флагом, ни уверенной правотой, с которой мог бы притязать на высшую почесть, и он вроде бы понимал, что известный ему тесный мирок — единственный для него доступный.

Халил вышел на него из тьмы широкими шагами, занеся руку, словно собираясь ударить.

— Я тебе говорил, что это приведет к беде, — сказал он сердито. Он рывком поставил юношу на ноги и потащил его за собой. — Пошли отсюда. Пойдем в город. Ах ты, дурак, дурак! Повторить тебе, что она говорит? Что ты набросился на нее, порвал ее одежду, словно дикий зверь, и это после

того, как она столь ласково с тобой обходилась. Велит мне привести людей из города, чтобы они засвидетельствовали обвинение. Они будут бить тебя и плевать в тебя… И кто знает, что еще.

— Я не дотрагивался до нее, — сказал Юсуф.

Халил выпустил его руку и ударил его, бил снова и снова в бессильной ярости:

— Я знаю, знаю! Почему ты меня не слушал? — кричал он. — «Я не дотрагивался!» Попробуй объясни это толпе, которую она соберет.

— Что же будет? — спросил Юсуф, сердито отталкивая Халила и поднимаясь.

— Тебе нужно уйти.

— Словно я преступник? Куда я пойду? Уйду, когда сам захочу. И что будет, если я убегу и меня найдут?

— Ей все поверят, — сказал Халил. — Я обещал ей привести людей из города, иначе она бы орала, призывая на помощь. Они поверят ее словам. Может, к завтрашнему утру она утихнет, если не обращать на нее внимания, но вряд ли. Тебе надо уйти. Разве ты не знаешь этих людей? Они тебя убьют.

— Она разорвала мою рубашку на спине. Это доказательство: я убегал от нее, — вспомнил Юсуф.

— Не дури! — вскричал Халил и даже рассмеял-

ся, не веря своим ушам. — Кто станет спрашивать об этом? Кому есть дело? Разорвала сзади? — Он бросил взгляд на спину Юсуфа и не удержался от полубезумной ухмылки. На миг он задумался, что-то соображая.

В итоге они пошли на берег, отыскали темное местечко и там просидели много часов, разговаривая. Юсуф отказался бежать ночью, словно преступник, и, вопреки настояниям Халила, заявил, что дождется обвинений и сначала попытается отстоять свою невиновность. Нет, нет, нет, кричал ему Халил, голос его вздымался над беспокойным шорохом океана, колотившего в ограждение у их ног.

Лишь около полуночи они пробрались обратно к лавке. Город затих, погрузился в сон, лишь тощие собаки из страшных снов Юсуфа рыскали по улицам. Едва они подошли к лавке, Юсуф учуял в воздухе новое, словно что-то произошло в их отсутствие. Миг — и он уже со всей уверенностью понял, что именно произошло: благоухание возвещало о присутствии дяди Азиза. Он оглянулся на Халила и увидел, что тот тоже понял: фараон вернулся.

— Сеид! — напряженным шепотом выговорил Халил. — Вернулся нынче вечером. Теперь один

лишь Бог может тебя спасти.

Вопреки всему, Юсуф на миг обрадовался возвращению дяди Азиза. К собственному удивлению, он не чувствовал страха, лишь возбуждение, любопытство: как-то он поведет разговор про обвинение? Превратит его в обезьяну и пошлет жить на вершине бесплодной горы, как джинн поступил с дровосеком? Халил все рассуждал о жалкой участи, ожидающей его, а Юсуф расстелил циновку и улегся с такой непостижимой безмятежностью, что Халил вынужден был замолчать.

5

Дядя Азиз появился с рассветом. Как только он вышел, Халил с обычным рвением кинулся ловить его руку, осыпая ее поцелуями в промежутках между восторженными словоизлияниями. Дядя Азиз был одет в канзу и сандалии, но без шапочки на голове — это легкое отклонение от этикета придавало ему вид домашний и благожелательный. Однако лик, обернувшийся к Юсуфу, был суров, и ему сеид не протянул руку для поцелуя, как протягивал прежде.

— Что это я слышу о твоих безумных поступках? — заговорил он, жестом приказывая Юсуфу опуститься на циновку, с которой тот было поднялся. — Кажется, ты лишился рассудка. Можешь ли ты мне что-то объяснить?

— Я не причинил ей никакого вреда. Я сидел с ней, потому что она меня позвала. Моя рубашка разорвана сзади, — отвечал Юсуф, с неудовольствием слыша, как дрожит его голос. — Это доказывает, что я пытался убежать.

Дядя Азиз улыбнулся — сперва слегка, а потом во весь рот, не в силах сдержаться.

— О, Юсуф! — поддразнил он. — Я же учил

тебя: природа человека испорчена. Зачем тебе понадобилось пережить все на своем опыте? Кто бы подумал о тебе такое? Разорвана сзади? Это достаточное доказательство. Никакого ущерба не причинено. Раз твоя рубашка разорвана сзади…

Халил пустился объяснять по-арабски, дядя Азиз с минуту послушал и отмахнулся.

— Пусть сам говорит за себя, — распорядился он.

— Я ничего не сделал, — сказал Юсуф.

— Ты часто ходил в дом, — сказал дядя Азиз, и лицо его снова закаменело. — Где ты научился таким манерам? Я оставляю на тебя свой дом, а ты превращаешь его в обиталище сплетен и бесчестья.

— Я ходил, потому что она хотела, чтобы я помолился… о ее ране.

Дядя Азиз молча уставился на него, словно прикидывая, что сказать дальше или что сделать. Этот взгляд был Юсуфу знаком со времен путешествия вглубь страны. Чаще всего, поразмыслив, купец предпочитал предоставить события их собственному течению и не вмешиваться. Миг тишины перед тем, как позволить урагану нестись куда вздумается.

— Надо было взять тебя с собой, — сказал он

наконец. — Мне следовало предвидеть… Госпожа нездорова. Если не произошло никакого бесчестья, на том мы и оставим это дело. Тем более что твоя рубашка разорвана сзади. Но обо всем этом не подобает говорить с посторонними. Тебе все-таки не следовало так часто ходить в дом.

Халил снова быстро заговорил по-арабски, дядя Азиз несколько раз резко кивнул и ответил на том же языке. Обменявшись так несколькими репликами с Халилом, дядя Азиз движением подбородка указал ему на магазин.

— Зачем ты так часто ходил в дом? — спросил дядя Азиз после того, как Халил ушел отпирать магазин.

Юсуф глядел на купца, не отвечая. Дядя Азиз уселся на матрас, на котором прежде лежал Халил. Он подвернул под себя одну ногу, уперся рукой в пол. Юсуф видел, как в ожидании его ответа на лице дяди Азиза проступает спокойная насмешливая улыбка.

— Чтобы увидеть Амину, — сказал Юсуф. Слова с трудом выходили из его рта, и он видел, как улыбка становится все шире и вот уже удовлетворенно застывает на губах дяди Азиза. Купец оглянулся на магазин, и Юсуф проследил за его взглядом. Халил стоял у прилавка, таращась на

них с гневом, даже с ненавистью. Потом отвернулся и стал открывать ставни.

— Ты все сказал? — спросил дядя Азиз, вновь сосредотачиваясь на Юсуфе. — Ты вел себя храбро, ведь так? Эка ты отличился за эти немногие недели!

Поскольку Юсуф все никак не отвечал, обдумывая, что говорить и чего нет и какие могут быть последствия, купец продолжил сам:

— Я побывал в этом путешествии в твоем родном городе и наведался к твоему отцу. Хотел договориться, чтобы ты остался здесь и работал на меня за плату, а я прощу ему долг. Но выяснилось, что твой отец скончался, да помилует Бог его душу. Твоя мать там больше не живет, и никто не мог мне сказать, куда она отправилась. Возможно, вернулась к себе домой. Где был ее дом?

— Не знаю, — сказал Юсуф. Он не ощущал утрату, но лишь внезапную грусть при мысли, что и мать его теперь тоже затерялась где-то. При этой мысли глаза его увлажнились, и он увидел, как дядя Азиз слегка кивнул, одобряя такое выражение чувств. Он выждал, словно предоставляя Юсуфу самому решать, сколь далеко он готов зайти. В эту долгую паузу Юсуф так и не сумел выговорить слова, горевшие у него на языке: «Я

хочу увезти ее. Ты не должен был жениться на ней. Обходиться с ней так, словно у нее ничего нет своего. Нельзя владеть людьми так, как ты ими владеешь». Но в итоге дядя Азиз поднялся на ноги и протянул Юсуфу руку для поцелуя. Когда Юсуф окунулся в благоуханное облако, он почувствовал прикосновение другой руки дяди Азиза к своему затылку — сначала легкое поглаживание, потом подзатыльник.

— Мы обсудим наши планы потом, решим, какую работу ты лучше всего сможешь исполнять для меня, — любезно сообщил ему купец. — Я утомился от путешествий. Пожалуй, сможешь взять часть из них на себя. Может быть, снова повстречаешь своего старого друга Чату. И кстати говоря — будьте осторожны, вы оба. Халил! И ты тоже. Говорят о войне между немцами и англичанами там, на северной границе. Я слышал об этом от купцов в городе, когда приехал вчера вечером. В любой момент немцы начнут похищать людей, им нужны носильщики в их армию, так что смотрите в оба. Увидите, что они идут сюда, — сразу же запирайте лавку и прячьтесь, вы же слышали, на что способны немцы? Ладно, а теперь за дело.

6

— Он тебя любит, — радостно сказал Халил. — Я же тебе все время это твердил. Сеид — лучший, кто с этим поспорит? Он вернулся, кинул один взгляд на госпожу и подумал: эта безумная женщина терзала моего славного молодого человека. От женщин одни неприятности, а моя — настоящая обезьяна, будь она проклята. Всякий может видеть, что она сумасшедшая — с пронзительным голосом, со всей этой болтовней про свою рану. И твоя рубашка разорвана! О, твоя рубашка разорвана! Какая вышла история! За тобой, за твоими делами присматривают сильные ангелы. Теперь сеид найдет тебе жену, чтобы ты не попал в беду. Одну из тех славных девчушек, что живут при лавке там, в деревне. Думаю, он уже наметил для тебя кого-то еще перед тем, как отправился в путешествие. Может, и мне кого-нибудь купит, устроим двойную свадьбу. Может, это будут сестры, наверное, двух сразу купить выгоднее. И кади один раз платить за обряд, и только одна стирка после брачной ночи. Мы сможем нанять дом на той стороне улицы и поселимся вместе. У наших жен родятся близнецы, женщины будут

помогать друг другу со всеми трудными работами по хозяйству, а мы будем сидеть на коврике на террасе перед домом и болтать… может, о том, что делается в мире. Это хорошая тема. Или о том, как сбываются данные Богом посулы. А по утрам, перейдя дорогу, будем заниматься делами нашего сеида. Что скажешь?

Халил рассказывал о грядущей свадьбе и покупателям, приглашая их на пир, который, мол, обещал устроить сеид. Вы же знаете сеида, повторял он, все будет халяльное, все по закону. Он описывал предстоящие развлечения: танцоры, певцы, акробаты на ходулях, процессия мальчиков и девочек, которые понесут курильницы с благовониями. А по бокам мужчины, распрыскивающие в воздух розовую воду, и так далее, дайте волю воображению. Пир со всевозможными яствами. Музыка — целый оркестр, ночь напролет. Юсуф невольно улыбался вместе со всеми слушателями — невозможно было устоять, когда Халил вот так предавался вымыслу и разукрашивал его, словно одержимый. Когда покупатели обращались за подтверждением к Юсуфу, тот говорил, что Халил тронулся умом. Он бредит в лихорадке, говорил он, не обращайте на него внимания, иначе он разволнуется, а то и разболеется.

Когда явился на обычную свою работу в саду Мзе Хамдани, Халил окликнул и его:

— Вали, блаженный, мы женимся, мы оба. Ты удивлен? Сеид обустроит нашу жизнь — навсегда. Спой касыду за нас, когда найдется минутка. Кто бы мог напророчить нам такую удачу? Этого малого ты больше не увидишь в саду, кстати говоря. Он теперь будет возделывать другие грядки, другие кусты подрезать.

Поначалу Юсуф думал, что таким шутовством Халил выражает облегчение — хорошо, мол, что дела не обернулись хуже. Дядя Азиз посмотрел сквозь пальцы на обвинения госпожи, а Юсуф не осмелился бросить ему вызов и потребовать себе Амину. Когда будет готов это сделать, дядя Азиз разберется с ним так, как сочтет нужным. Потом Юсуф распознал, что Халил высмеивает его. После всех своих отважных и страстных речей он поник в молчании, стоило купцу задать прямой, пугающий вопрос, поник и сдался. Теперь они оба в одном положении, размышлял он, оба добровольно служат купцу. Целуют ему руки. Халил изобрел оправдание своему унижению, он, мол, остался, чтобы искупить зло, причиненное его отцом Амине. У Юсуфа не имелось никакого оправдания, чтобы и дальше служить купцу.

— Сеид — теперь-то научись называть его так! — хохотал Халил.

7

О том, что приближаются солдаты, они узнали, когда по дороге мимо лавки пробежали мужчины. Было далеко за полдень, в эту пору люди обычно гуляли по уже не таким жарким улицам, дышали воздухом, беседовали, а другие возвращались из города по домам. И вдруг небольшие группки начали дробиться, кто бежал прочь с дороги, кто в сторону деревни, вопя что-то про аскари. Халил ворвался в дом, выкрикивая предостережения, Юсуф уже поспешно запирал лавку. Они засели в этой сумрачной пещере, сердца гулко стучали, парни ухмылялись друг другу. Поначалу мощные запахи товаров мешали продохнуть, но к духоте они вскоре приспособились. Сквозь щели в дощатой стене можно было разглядеть отдельными пятнами росчисть, участки дороги. Вскоре появилась колонна солдат, маршировавших в неспешном и точном порядке за офицером-европейцем, тот был весь в белом. Колонна приблизилась, стало видно, что немец — высокий и тощий, молодой, и он улыбался. Парни и сами обменялись улыбками, Халил отодвинулся от щели, в которую погля-

дывал, со вздохом откинулся к стене. Аскари маршировали босиком, идеально держали строй. Офицер свернул на росчисть перед лавкой, и его солдаты резко свернули за ним. На росчисти колонна распалась, словно ожерелье, у которого порвали нить. Солдаты молча искали клочки тени, швыряли на землю поклажу и усаживались сами — с широкими улыбками, вздыхая. Офицер несколько мгновений постоял, созерцая дом и запертый магазин. Затем, все еще улыбаясь, он — по-видимому, вовсе не спеша — направился к ним. Как только офицер отошел подальше, его люди принялись болтать между собой и смеяться, один даже выкрикнул ругательство.

Юсуф не отводил глаз от щели, следил за вечно ухмыляющимся немцем и чувствовал, как его собственное лицо сводит гримаса испуга. Офицер остановился на террасе, потом сдвинулся и пропал из поля зрения. Снова были выкрикнуты какие-то приказы, на террасу внесли походный стул и складной стол. Офицер сел, его лицо оказалось в нескольких дюймах от лица Юсуфа, по ту сторону деревянной стены. Теперь Юсуф разглядел, что офицер не так молод, как казалось издали. Кожа на его лице была туго и гладко натянутой, словно после сильного ожога или болезни.

Улыбка была постоянной уродской гримасой, зубы торчали наружу, словно туго натянутая плоть лица уже начала гнить и вокруг рта провалилась. Это было лицо трупа. Юсуф пришел в ужас от такого уродства и бросавшейся в глаза жестокости.

Аскари вскоре поднял на ноги сержант, с виду сильный, свирепый, похожий на Симбу Мвене, подумал Юсуф. Они собрались небольшими группами, ждали, ворча. Все поглядывали в сторону немецкого офицера, а тот смотрел прямо перед собой, время от времени поднося к губам стакан. Он не отхлебывал напиток, но прислонял край стакана к своему уродливому рту и вливал жидкость прямо туда. Наконец он глянул на солдат и кивнул.

Аскари кинулись выполнять приказ еще прежде, чем сержант продублировал его словами. С поразительной скоростью и точностью они выстроились в ряд и застыли по стойке смирно, а затем разбежались во всех направлениях, разбившись на тройки. Трое солдат остались охранять своего командира, по одному по обе стороны от входа в лавку, а третий обходил лавку дозором и в какой-то момент распахнул дверь в сад. Офицер поднес стакан к губам, наклонил его, вливая жидкость в рот. Он жадно ее всасывал,

лицо его покраснело от напряжения. Мелового цвета жидкость пролилась ему на подбородок, и он утерся тыльной стороной кисти. Аскари, проникший в сад, вернулся и доложил командиру об увиденном. Юсуф не сразу сообразил, что говорит он на суахили — мол, в саду есть плоды, но больше ничего нет и дверь в дом заперта. Офицер не смотрел на солдата, но когда тот закончил и отошел в тень под деревом, офицер повернулся и уставился на заколоченную лавку. Юсуфу помстилось, будто немец смотрит ему прямо в глаза. Спустя, как ему показалось, долгое время аскари начали возвращаться, они пели и орали, и гнали перед собой пленных. Росчисть заполнилась толпой мужчин. Немец поднялся и вышел на край террасы, сложив руки за спиной. Яджудж и Маджудж, шепнул Халил на ухо Юсуфу. Почти все пленники выглядели испуганными, когда их сгоняли в центр росчисти. Они молча переглядывались, как люди, оказавшиеся в незнакомом месте. Но некоторые нисколько не огорчались, переговаривались между собой, осыпали дружелюбными ругательствами аскари — те, правда, не вступали в шуточную перебранку. А выждав несколько минут, прошлись между забавниками и угомонили их резкими затрещинами. Стерли

ухмылки с их лиц.

Когда все аскари вернулись и все пленники, уже не улыбавшиеся, были собраны в центре росчисти, сержант поднялся на террасу за инструкциями. Немецкий офицер кивнул, и сержант удовлетворенно гавкнул, прежде чем обернуться к своим подчиненным. Пленников построили в два молчаливых ряда и в густеющем сумраке повели их в сторону города. Немецкий офицер возглавил шаркающую колонну — плечи расправлены, движения нарочито сдержанны. Белая униформа сияла в угасающем свете.

Колонна еще не скрылась из виду, а Халил уже выскочил из лавки и обежал вокруг, проверяя, все ли благополучно в главном доме. Сад лежал в мирном молчании, ночная его музыка едва слышно гудела во мраке. Юсуф тоже вышел, чтобы осмотреть мусор, оставленный аскари на месте их временного лагеря. Он приближался осторожно, втягивая в себя воздух, словно опасался, что аскари оставили на земле некий ядовитый след. Земля была вытоптана стопами множества мужчин, взвихренная пыль еще висела в воздухе. В тени хлопкового дерева, на самом ее краю, обнаружились кучи экскрементов, псы уже увлеченно принялись их пожирать. Псы подозрительно

оглянулись на молодого человека, следили за ним краешком глаза. Их тела слегка сместились, прикрывая пищу от его алчного взгляда. Он замер на миг в изумлении, застигнутый врасплох этим жестоким узнаванием. Псы, пожиратели дерьма, узнали в нем такого же дерьмоеда.

Он вновь увидел, как его трусость блестит-переливается, послед, вывалившийся на лунный свет, припомнил, как она дышала. Так родился первый его страх и первое предательство. И теперь, столкнувшись с бесстыже-самозабвенным собачьим голодом, подумал: он знает, во что этот страх выродился. Марширующая колонна еще маячила вдали, а за спиной послышался такой звук, словно двери сада захлопнулись. Он быстро оглянулся — и побежал вслед за колонной, непролитые слезы обжигали ему глаза.

Об авторе

Абдулразак Гурна — нобелевский лауреат по литературе 2021 года, дважды финалист Букеровской премии, британский писатель танзанийского происхождения. Опубликовал десять романов и ряд рассказов. Ни одна из его книг до сегодняшнего дня не была переведена на русский язык.

Гурна родился в Занзибаре в 1948 году, а в 18 лет переехал в Великобританию, где продолжил образование и впоследствии стал профессором Кентского университета. Его главный научный интерес — постколониальная литература и дискурсы, связанные с Африкой, Карибским бассейном и Индией. Является автором исследований творчества современных писателей, в том числе Салмана Рушди. С 2008 года — член британского Королевского литературного общества.

Нобелевскую премию по литературе Абдулразак Гурна получил за «бескомпромиссное и сочувственное осмысление последствий колониализма и его влияния на судьбу беженцев, попавших в разлом между культурами и континентами». Шведская академия отметила его

поразительную преданность правде и отвращение к упрощению. Романы Гурны отходят от стереотипных описаний и показывают культурное разнообразие Восточной Африки.